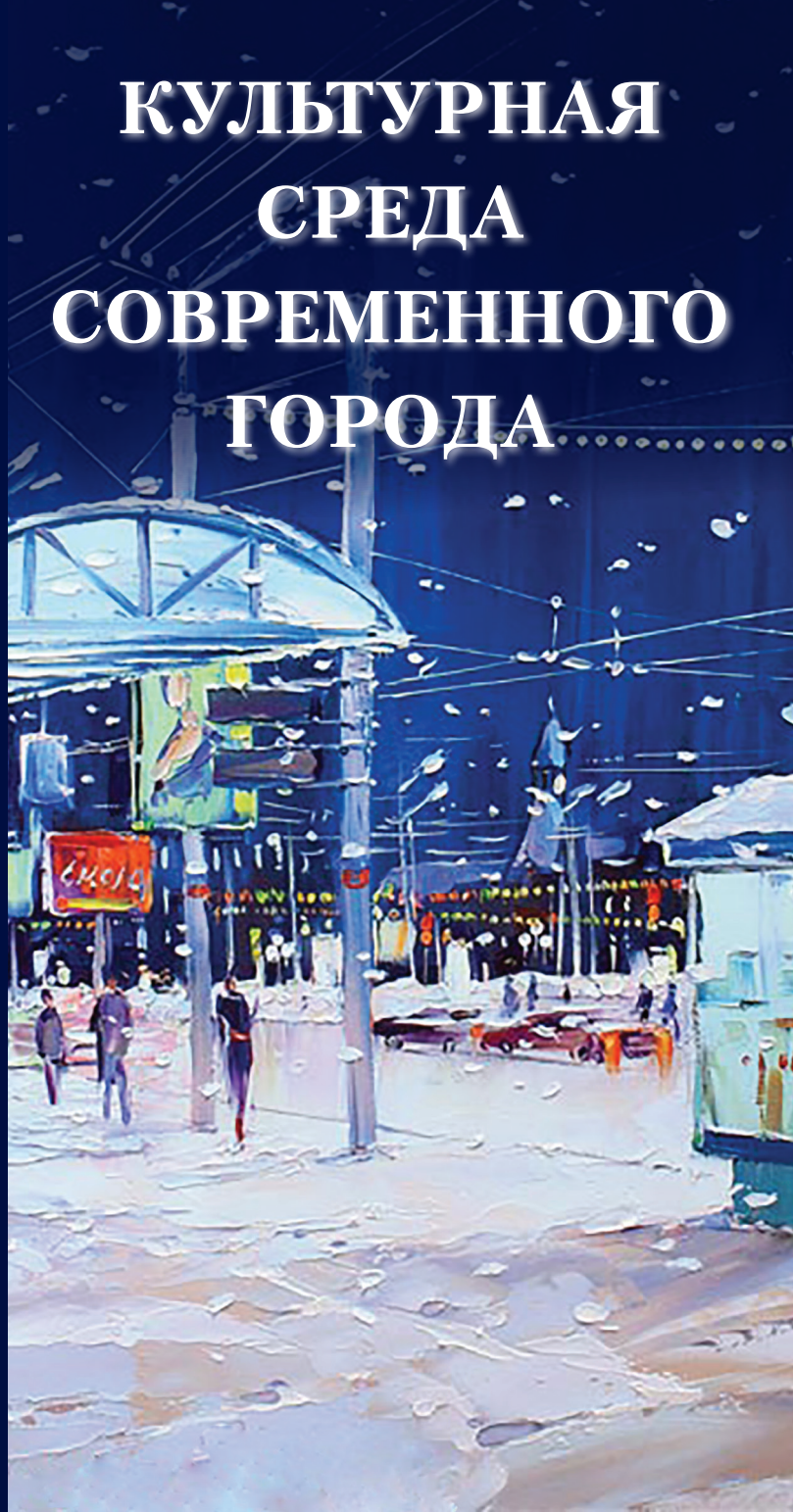

КУЛЬТУРНАЯ СРЕДА СОВРЕМЕННОГО ГОРОДА

МОСКВА – ОМСК
2023

Министерство культуры РФ
Российский научно-исследовательский институт культурного
и природного наследия имени Д. С. Лихачёва (Институт Наследия)
Сибирский филиал

**КУЛЬТУРНАЯ СРЕДА
СОВРЕМЕННОГО ГОРОДА:
ПРОБЛЕМНЫЕ ЗОНЫ
И РЕСУРСНЫЕ ТОЧКИ РАЗВИТИЯ**

Сборник научных трудов

Москва — Омск
2023

УДК 008.001.8+930.85:719+94(57)

ББК 63.3+71.084.2+19

К 90

*Издаётся по решению Учёного совета
Российского научно-исследовательского института
культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва*

Редакционная коллегия:

канд. ист. наук Ю. Р. Горелова (отв. ред.), канд. ист. наук И. А. Селезнева,
канд. ист. наук О. В. Петренко, К. Ю. Смирных

Рецензенты:

канд. искусствоведения В. В. Стебляк,
канд. ист. наук О. А. Безродная

K90

Культурная среда современного города: проблемные зоны и ресурсные точки развития : сборник научных трудов [Электронное сетевое издание] / отв. ред. Ю. Р. Горелова ; чл. редколлегии: О. В. Петренко, И. А. Селезнева, К. Ю. Смирных. — Москва, Омск : Институт Наследия, 2023. — 180 с. — DOI 10.34685/z0492-4318-9127-h. — ISBN 978-5-86443-449-9.

Сборник научных трудов раскрывает актуальные проблемы культурной среды современного сибирского города: теоретико-методологические и историографические аспекты, специфику элементов инфраструктуры и исторической памяти. Целевая аудитория: учёные, представители учреждений культуры и образования, читатели, интересующиеся современными проблемами городской культуры.

УДК 009+930.85+792+94(57)

ББК 63.3+71.084.2+19

ISBN 978-5-86443-449-9

© Российский научно-исследовательский
институт культурного и природного
наследия имени Д. С. Лихачёва, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел 1

КУЛЬТУРНАЯ СРЕДА ГОРОДА: ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ И МЕТОДОЛОГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Петренко О. В.

Культурная среда города в исследованиях современных учёных 4

Горелова Ю. Р., Хилько Н. Ф.

Культурное пространство и культурная среда:
сущность, подходы к изучению 37

Раздел 2

ИНФРАСТРУКТУРА КУЛЬТУРНОЙ СРЕДЫ СОВРЕМЕННОГО ГОРОДА: ПРОБЛЕМНЫЕ ТОЧКИ И ПОТЕНЦИАЛ РАЗВИТИЯ

Хилько Н. Ф., Горелова Ю. Р.

Цифровизация культурной среды современного города:
тенденции развития (на примере Западной Сибири) 54

Петренко О. В.

Историко-культурное наследие в репертуарной политике
современного сибирского театра 74

Хилько Н. Ф., Горелова Ю. Р.

Сохранение, популяризация и презентация культурного наследия
в деятельности культурно-досуговых учреждений
и клубных формирований: традиционные
и инновационные направления и формы 127

Раздел 3

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И НАСЛЕДИЕ

Алисов Д. А.

Историческая память в культурном пространстве города 142

Гефнер О. В.

Великая Отечественная война в представлениях
современной молодёжи 161

Сведения об авторах 177

Раздел 1

КУЛЬТУРНАЯ СРЕДА ГОРОДА: ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ И МЕТОДОЛОГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Петренко О. В.

КУЛЬТУРНАЯ СРЕДА ГОРОДА В ИССЛЕДОВАНИЯХ СОВРЕМЕННЫХ УЧЁНЫХ

В статье представлены результаты исследования современной историографии культурной среды города. Выявлены общемировые тенденции и специфика отечественного интеллектуального ландшафта.

Ключевые слова: культурная среда города; культура; город; современная историография; урбанистика.

The article presents the results of a study of the modern historiography of the cultural environment of the city. Global trends and specifics of the Russian intellectual landscape are revealed.

Keywords: cultural environment of the city; culture; city; modern historiography; urban studies.

Культура во всех её проявлениях и определениях неизменно востребуется глобальными и локальными, мировыми и региональными сообществами в кризисные и нестабильные периоды жизни. В ответ на политические, экономические и социокультурные «вызовы» современности культура провозглашается ключевым ресурсом устойчивого развития мира, государств, регионов, городов, населённых пунктов и их жителей [1–6]. Специалисты сходятся во мнении, что «современный мир становится подлинно «городским миром», современный человек — человеком городским, а современная культура — культурой городской» [7, с. 5]. Город изучают архитекторы, экономисты и политологи [8–13], философы [7, 14–16], социологи [17–22], антропологи [23–26], историки [27–32], культурологи [33–35], географы, искусствоведы и даже

психологи [36–40]. Огромный массив различных городских исследований (urban studies) в аналитических историографических текстах для удобства систематизации и представления объединяется под общим названием «урбанистика», к сожалению, пока как «сумма» направлений урбанистики, а не междисциплинарная область научного знания [7, 41–44]. В то же время стремление отдельных учёных и научных коллективов к междисциплинарным практикам, в том числе международным, даёт свои плоды в виде интересных исследовательских теоретических и практических проектов [45–50].

Объектом нашего внимания является культура города, предметом — современная историография городской культурной среды. Хронологические рамки ограничены 2016–2023 гг. Нижняя граница определена тем, что в этом году в докладах ЮНЕСКО и конференции по устойчивому городскому развитию (Habitat III) прозвучал «вызов» на активизацию исследований культуры города как драйвера, важнейшего ресурса устойчивого развития. В докладе о городской культуре и наследии были озвучены актуальные проблемы современности: историко-культурное наследие и культурные ценности города, обогащение местной культуры и признание культурного разнообразия, «возвращение человеческого измерения» в города, открытый доступ всем горожанам к культуре и участию в культурной жизни города, в том числе через инфраструктуру культуры (музеи, театры, библиотеки) и т. д. [3, 4].

Историографы отмечают слабые научные связи между отечественными и зарубежными исследователями города, в том числе его культуры, при этом в отличие от иностранных коллег российские учёные знакомы с зарубежной теорией и практикой, перенимают опыт и активно на него ссылаются [27, 32, 41, 43]. В исследованиях современной повседневности и социологии города ситуация выравнивается за счёт публикации издательством «Новое литературное обозрение» переводов зарубежных авторов и совместных исследовательских проектов, в исторической урбанистике и городской антропологии всё пока без изменений. Изучение отечественной историографии, фронтальный просмотр монографий и статей зарубежных научных журналов по урбанистике за 2016–2023 гг. подтвердил вывод Е. Г. Трубиной [51], что профессиональное существование исследователей этих направлений идёт «параллельно», книги, опубликованные за рубежом,

в нашей стране находятся в ограниченном доступе (даже в электронном виде), российский город почти не привлекает внимание иностранных учёных, исключение составляют города в постсоветском пространстве Европейской России и союзных республик, либо столицы — «города мира» Москва и Санкт-Петербург. Сегодня также сохраняется отмеченная С. А. Бакановым, Е. Г. Трубиной, Ю. П. Шабаевым, А. П. Садохиным, О. В. Лабуновой и Н. Н. Сазоновой проблема слабовыраженной институализации отечественных городских исследований, в отличие от Англии, США, Канады и Европы, где фактически каждое направление urban studies представлено журналом, научным коллективом (сообществом, лабораторией, центром) и образовательной программой [24, 27, 43]. Согласно рейтингу общедоступного портала SCImago Journal & Country Rank, составленному на основе базы данных Scopus, из 237 выпускаемых в мире журналов по «урбанистике» — 117 социогуманитарной направленности (без учёта тем архитектуры и дизайна) [52]. 16 из них издаётся в США. Отметим City and Society, Education and Urban Society, Environment and Urbanization ASIA, Regional Research of Russia, Journal of Contemporary Ethnography, Journal of Planning Education and Research, Journal of Urban History, Urban Education. В Великобритании — 27 журналов социогуманитарной городской проблематики, среди них: City, International Journal of Urban and Regional Research, International Journal of Urban Sciences, Journal of Cultural Heritage Management and Sustainable Development, Journal of Urban Cultural Studies, Journal of Urbanism, Urban History, Urban Studies. Назовём также канадское и французское издания Urban History Review, нидерландский Urban Forum, тайландский Journal of Urban Culture Research, междисциплинарный, международный и рецензируемый журнал издательства Elsevier — City, Culture and Society. Из российских журналов в базе присутствуют только «Известия Российской академии наук: Серия географическая» и «Проект Байкал».

В России все направления урбанистики представлены образовательными программами, отдельные — научными сообществами и периодически проводимыми научными форумами. Собственные журналы имеют социологи и архитекторы — «Социология города» (с 2007 г.), «Проект Байкал» (с 2004) и «Урбанистика» (2013). С 2016 г. Институт региональных исследований и городского планирования ВШЭ издаёт междисциплинарный журнал

«Городские исследования и практики», с 2018 г. Школа актуальных гуманитарных исследований Института общественных наук РАНХиГС выпускает журнал «Фольклор и антропология города». В 2021 г. запущен интересный международный проект Российско-Армянского (Славянского) университета (Ереван) и Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого (Великий Новгород) «Urbis et orbis. Микроистория и семиотика города». Это интернациональная, междисциплинарная научно-исследовательская площадка, прежде всего, гуманитарных городских исследований [53].

Несмотря на традиционное преобладание в современной зарубежной и отечественной историографии города работ по социально-политической, социально-экономической, градостроительной и архитектурной проблематике, заметен качественный и количественный рост исследований проблем городской культуры и культурной среды. Работы отечественных и зарубежных учёных, представителей разных социальных и гуманитарных специальностей отличаются в зависимости от специфики изучаемых городов, предмета и познавательных инструментов, интеллектуальной культуры, духовных либо материальных ценностей исследователей. Культура в современной зарубежной практике — это инструмент развития [54–63] и изучения города [62–70]. В России культура в первую очередь рассматривается исследователями как социокультурная и духовная ценность, как наследие, её прагматические функции вторичны. В то же время в современной отечественной историографии проявляются две тенденции. Первая выражается в активизации коллективных междисциплинарных исследовательских и издательских проектов по изучению города в русле зарубежных концепций и программ «культурных городов», брендинга территорий, «креативных городов и креативных классов», культурной джентрификации, войн памяти и. т. д. [49, 50]. Вторая — в обновлении уже существующих и создании новых исследовательских групп, центров и лабораторий, объединяющих философов, культурологов, историков культуры, в издании монографий в русле гуманитарной урбанистики. В гуманитарных текстах город представляют культурной и социальной лабораторией (впервые у М. Гревса и Р. Парка); социокультурным и культурно-историческим феноменом и средой; объектом и хранителем историко-культурного наследия; центром креативной, созидаю-

щей культуры (Л. В. Кошман); условием, результатом и объектом творческой деятельности человека (Г. В. Горнова, Д. А. Алисов); произведением архитектурного искусства и историческим документом, эстетическим и символическим объектом, мифологическим конструктом и семиотической системой (С. С. Аванесов, Е. Г. Маргарян); аккумулятором памяти (В. В. Абашев) и т. д.

Анализ интеллектуального ландшафта российской урбанистики выявил наибольший процент работ по культуре города у историков, культурологов и философов. Согласно исследованию челябинских историков, проанализировавших более 523 диссертаций, защищённых в России с 1991 по 2021 гг. по истории, истории и теории архитектуры (источник — электронный каталог Российской государственной библиотеки, инструмент — созданная база данных), тема культуры города занимает в этих работах третье место после социальной и политической истории [71]. Проведённый нами анализ диссертаций, защищённых в России с 2016 по 2023 гг., выявил 134 работы городской тематики, 78 — посвящены социокультурной сфере, 45 — культуре города: 20 по культурологии (1 докторская, 19 кандидатских), 14 по истории (3 и 11), 5 по искусствоведению (1 и 4), 3 по философии (1 и 2), 2 кандидатских диссертации по социологии (2 и 11) и 1 по архитектуре. Культурная среда, пространство и ландшафт города представлены в 14 работах. Популярные предметные области — культурная инфраструктура (музеи, театры) и культурное наследие города. Среди новых тем: гуманитарное и культурно-семантическое пространство, урбосфера, «локусы медитации», субъекты исторической памяти [72–76].

Институционально исследования культуры и культурной среды города развиваются на базе научно-исследовательских и научно-образовательных учреждений. Представим российские проекты, наиболее близкие к интересующей нас предметной области.

Российская академия наук в последние семь лет не проводит целенаправленных исследований городской культуры. В проектах 2021–2022 гг. Федерального научно-исследовательского социологического центра Института социологии Российской академии наук по малым городам культура рассматривается как часть социокультурного потенциала: «Социокультурный потенциал малых городов России» (М., 2022). Учёные региональных отделений РАН — институтов, отделений, лабораторий археологии

и этнографии — изучают этническую и археологическую культуру, историко-культурное наследие города [77]. Отметим исследования Омской лаборатории археологии, этнографии и музееведения Института археологии и этнографии СО РАН [78, 79], Отдела истории, археологии и этнографии Уральского отделения и Института Дагестанского федерального исследовательского центра РАН [80–82].

Существенный научный вклад в изучение культуры и культурной среды российского города вносят филиалы Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва.

Сибирский филиал Института Наследия является признанным научным центром изучения культурного наследия и культуры советского, постсоветского и современного сибирского города. Городоведческое историко-культурологическое исследовательское направление филиала представлено в юбилейных и научных изданиях, а также в историографических текстах И. А. Селезневой, Д. А. Алисова, Ю. Р. Гореловой и О. В. Петренко [83–91], здесь отметим предметную область исследований и специфику теоретических подходов. Городоведческий научный центр Сибирского филиала Института Наследия является преемником Центра, сложившегося и плодотворно работавшего в Омске на базе Сибирского филиала Российского института культурологии на протяжении 20 лет (1993–2013). Научными лидерами омских городоведов были известные учёные-историки, исследователи городской культуры — В. Г. Рыженко, Д. А. Алисов, Н. А. Томилов [87, 91, 92]. Согласимся с Д. А. Алисовым в том, что лучшие традиции этого центра «были сохранены и преумножены «в стенах» Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва, куда в процессе реорганизации вошел Сибирский филиал и значительная часть его сотрудников-городоведов» [92, с. 197]. В марте 2013 г. был создан и уже десять лет изучает культуру сибирского города отдел изучения городской среды и населения в условиях модернизации во главе с доктором исторических наук Д. А. Алисовым. Исследовательский коллектив представлен профессиональными историками, кандидатами наук Ю. Р. Гореловой, О. В. Гефнер, О. В. Петренко, а также доктором педагогических наук Н. Ф. Хилько. Учёные разрабатывают историографию и методологию исследования культурного простран-

ства, ландшафта и культурной среды крупного и малого города, применяют новые подходы в исследованиях городской культуры Западной Сибири, результаты апробируют на научных форумах и в научных изданиях [93–98]. Д. А. Алисов, используя познавательные возможности системного, историко-культурологического, средового, историко-цивилизационного подходов, развивает свои ранние взгляды на город как единое и системное целое, многомерный объект, преобразующий человека и преобразуемый им. В отношении к культурному ландшафту современного города учёный применяет образ «бесконечно меняющейся многомерной матрешки», подчёркивает, что в нём сосуществуют как дореволюционный и советский ландшафты, так и постсоветский — современный. В авторской модели изучения культурного ландшафта город предлагается рассматривать как многомерный объект по трём осям его формирования и развития: материальная ось — «очеловеченная природа», антропогенная — культурные характеристики пространства, историческая — Время. Такое многоосевое развитие, по мнению историка, предполагает наличие разных междисциплинарных наборов теорий и методологий изучения каждой «оси». Д. А. Алисов формулирует маркеры и индикаторы формирования и развития культурного ландшафта (культуры, культурной среды) города: географические и природные объекты, преобразованные человеком; архитектурные памятники и сооружения; топонимические системы; коммеморативные практики и городские праздники; историческая память; городская символика и символические объекты; восприятие городской среды. Ю. Р. Горелова в рамках культурологического подхода разрабатывает вопросы теории, методологии и историографии изучения образных характеристик городской среды, ею предложены авторские модели исследования, позволившие выявить суть образа и облика города (в виде архитектурно-ландшафтной среды), представить его структуру и классификацию, восприятие горожанами и репрезентацию в искусстве [94]. Коллектив реализует на практике предложенные Д. А. Алисовым и Ю. Р. Гореловой исследовательские модели, изучает динамику инфраструктуры культуры города, наполняющую смыслом и ценностями его культурный ландшафт (культурную среду), а также формирующую историческую память горожан. В 2020 г., в пик ковидных ограничений, обусловивших новый формат научных коммуникаций (смешанный очный /

онлайн-формат общения, соблюдение масочного режима и дистанции), сотрудники отдела организовали и провели в Омске два научных городоведческих форума — X Всероссийский научный симпозиум «Проблемы культуры городов России: культурные ландшафты городов Сибири (аксиология, история, практики)» (30 сентября 2020 г.) и Всероссийскую научно-практическую конференцию «Образные характеристики городской среды как ресурс развития территории» (1 октября 2020 г.) [99, 100]. С 2021 г. отдел разрабатывает научную тему «Культурная среда современного города: проблемные зоны и ресурсные точки развития» (2021–2023, рук. Ю. Р. Горелова). В работе Сибирского филиала можно выделить ещё одну научно-исследовательскую линию в изучении культуры города — этнографическую. Эту линию в исследованиях этнокультурной специфики и нематериального историко-культурного наследия Западной Сибири раскрывают сотрудники второго научного подразделения филиала, отдела национальных культур и историко-культурного наследия — доктор исторических наук Т. Б. Смирнова (рук.), кандидаты исторических наук Т. Н. Золотова, И. А. Селезнева, М. Л. Бережнова, С. Р. Сарманова, магистры Л. Е. Малякутова, И. В. Межевикин, К. Ю. Смирных. Научное изучение культурной среды города дополняется экспертной и практической деятельностью, так в 2020–2021 г. И. А. Селезнева и Н. Ф. Хилько приняли участие в реализации проекта Института Наследия по разработке критериев и подходов к формированию качественно нового уровня развития культурной среды в малых городах и сельских населённых пунктах [101].

Учёные второго, Южного филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва — В. В. Бондарь, О. Н. Маркова — изучают историко-культурную специфику, культурный ландшафт и архитектурно-градостроительное наследие городов Юга России [102, 103].

Центры и лаборатории исследований городской проблематики при высших учебных заведениях страны представляют научно-образовательные институты изучения культуры и культурной среды города.

Признанным лидером отечественной урбанистики является Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва). На базе университета развиваются как

минимум четыре направления городских исследований. Высшая школа урбанистики имени А. А. Высоковского формирует теоретические, образовательные и профессиональные практики планирования и управления развитием урбанизированных территорий (www.urban.hse.ru). Гуманитарное направление в Школе развивают представители культурной географии — доктор культурологии, кандидат географических наук Д. Н. Замятин, кандидат географических наук И. И. Митин и их ученики [35, 37, 104]. С 2017 по 2022 гг. под их руководством работала проектная группа «Культурная и гуманитарная география города» (создана в 2017 г. как мастерская по культурной географии города, с 2019 — научно-учебная, с 2020 г. — проектная группа). Важными результатами исследовательской работы коллектива является «внедрение методологии, методики и исследовательских результатов в области изучения локальных идентичностей и пространственных репрезентаций городских районов в практику городской культурной политики, маркетинга и брендинга территорий» (www.gorod.hse.ru/geo).

При факультете городского и регионального развития ВШЭ успешно реализуют научно-исследовательские и издательские проекты научно-учебная лаборатория социальных исследований города во главе с О. Н. Запорожец (www.gorod.hse.ru/sourban) и Лаборатория исследований культуры Института исследований культуры (www.ics.hse.ru/lik). Первый коллектив изучает горожан и городской образ жизни, второй развивает культурсоциологию, отслеживает историю и современное состояние институтов и политик в сфере культуры. В 2022 г. коллектив исследований культуры осуществил интересный проект по разработке и апробации «Индекса культурного капитала городов». В представлении авторов проекта культурный капитал — это «специфический вид ресурсов, знания, навыки и умения индивида, приобретаемые благодаря образованию, жизненному опыту, культурному наследию и общению в ходе жизни» [105].

На базе Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова работают следующие научно-образовательные коллективы. На историческом факультете продолжают исследования городской культуры сотрудники Лаборатории истории русской культуры во главе с Л. В. Кошман (www.hist.msu.ru/departments/15121/). Экономику культуры, городского развития

и креативных индустрий разрабатывает «Центр урбанистики» экономического факультета МГУ. С 2018 г. на базе философского факультета работает «Центр исследований культурной среды» во главе с кандидатом физико-математических наук, аналитиком в области культуры О. В. Ивановым (www.center-x.ru/). Центр занимается организацией и проведением прикладных исследований культурной среды, институций и культурных практик на территории РФ, разрабатывает методологию анализа и оценки культурной среды, отслеживает её влияние на развитие личности и территорий, изучает креативные индустрии, готовит прогнозы дальнейших изменений.

В регионах интересные коллективные проекты по изучению культуры и культурной среды города реализуют исследователи Екатеринбурга, Великого Новгорода, Самары, Омска.

Культурную составляющую городского развития в западном понимании и концепциях (креативные индустрии, ресурс и источник развития и вдохновения, и т. д.) отслеживают в Екатеринбургском междисциплинарном «Центре глобального урбанизма» Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета. Согласно информации с официальной интернет-страницы Центра, этот междисциплинарный исследовательский коллектив создан в 2017 г. и совместно управляется специалистом городской географии, теории менеджмента, планирования и последствий мегасобытий, профессором М. Мюллером (Университет Лозанны, Швейцария) и доктором философии, профессором социальной теории, автором известных исследований по теории города Е. В. Трубиной (УрФУ, Россия) [43, 51, 106, 107]. Соответственно коллектив центра не только междисциплинарный, но и интернациональный, состоит из российских и зарубежных исследователей: социологов, политологов, философов, гуманитарных географов. Из 16 сотрудников — 13 молодых исследователей, в их числе 6 аспирантов Cotutelle Program УРФУ из Франции, Италии, Австралии и Швейцарии (www.cgu-urgi.urfu.ru/ru/sotrudniki-centra/). Центр изучает вклад городов постсоветского пространства (от Кракова и Владивостока, Мурманска и Ташкента) в глобальные урбанистические исследования, а также широкий круг вопросов городского развития, в том числе связь между культурной памятью и городской средой, между субъектами и городским пространством.

В 2018 г. в структуре Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого на базе Высшей гуманитарной школы «Антоново» с целью «организации и проведения фундаментальных и практико-ориентированных исследований в области антропологического изучения городской среды» создан научно-образовательный центр «Гуманитарная урбанистика» (www.portal.novsu.ru/dept/32139427/). Центр осуществляет научно-исследовательскую, научно-образовательную, научно-организационную и научно-издательскую деятельность [108]. Коллектив представляют известные российские учёные, специалисты по городской антропологии: доктор философии С. С. Аванесов (до 2018 г. работал в томских вузах, один из создателей и руководитель Центра); омский учёный, автор концепции «философии города», доктор философии Г. В. Горнова (на данный момент профессор Института дизайна и урбанистики Университета ИТМО в Санкт-Петербурге); доктор философии, психолог, профессор Академии русского балета имени А. Я. Вагановой в Санкт-Петербурге Н. Х. Орлова; кандидат социологических наук, председатель правления фонда «Московский центр урбанистики «Город» А. Н. Расходчиков; кандидат филологических наук, руководитель Центра городской антропологии консалтингового бюро «Стрелка» М. Д. Алексеевский (Москва); преподаватель, журналист, руководитель Фонда развития малых исторических городов и МВЦ «Дом Гумилёвых» Ю. Ю. Щегольков; кандидат культурологии, преподаватель Новгородского университета Н. Г. Федотова и др. Центр издаёт научный журнал «Urbis et Orbis. Микроистория и семиотика города» (совместно с коллегами из Российско-Армянского университета).

При поддержке Академии русского балета имени А. Я. Вагановой (Санкт-Петербург) и Томского государственного педагогического университета ежегодно проводятся международные научные конференции по визуальной антропологии города. Первые два форума были организованы и проведены С. С. Аванесовым и его коллегами в Томске: в 2014 г. «Интегральные модели коммуникаций» и в 2018 г. «Современный город: конструирование общественных пространств». В Великом Новгороде прошли ещё две конференции: «Визуальная антропология — 2019. Город-университет: жизненное пространство и визуальная среда» (28–30 августа 2019 года) и «Визуальная антропология — 2022. Истори-

ческий город: актуализация прошлого в перспективе будущего» (22–23 сентября 2022 г.) [109–110].

В работах о городе как предмете антропологии С. С. Аванесов апробирует междисциплинарный, гуманитарный подход к урбанистике, находящийся на стыке философской антропологии, семиотики, культурологии, истории и теории архитектуры, социологии и искусствознания [111, 112]. Согласно этому подходу, «город представляет собой сложный культурный конструкт, воплощающий в своём материальном «устройстве» фундаментальные эстетические, социальные и мировоззренческие установки людей» [112, с. 8], одновременно вызывает у человека ответные эмоции и организует его жизненные цели, стратегии и активность. Эти взаимоотношения города и человека закреплены в визуальных знаках и маркерах. С. С. Аванесов приходит к интересным, актуальным в современной ситуации выводам о том, что в основе организации городской среды лежат три фундаментальных принципа: пространство, время и ценности. «Ценности социальной памяти, национальных традиций, культурной истории, гражданской идентичности, личной жизни, конструктивного развития ориентируют активность горожан на солидарность как интегративную цель. <...> Городское пространство как антропологический феномен представляет собой визуально структурированную сферу коммуникативных практик, — пишет философ. — В результате таких практик складывается общая биография города» [112, с. 9]. Биографию Томска и Великого Новгорода учёный представил в своих разделах монографии «Город: в поисках идентичности» [111, с. 13–120]. В предисловии С. С. Аванесов и Н. Г. Федотова подчёркивают, что в монографии подведены итоги их многолетних урбанистических исследований, сосредоточенных вокруг ключевых тем современной урбанистики — проблем сохранения и развития современного исторического города. «Речь идёт о визуально-семиотических параметрах городской среды, о том, какими способами и в каких формах эта среда хранит и передаёт фундаментальные ценности и смыслы, закрепляет их в памяти и социокультурных практиках горожан» [111, с. 8].

Отметим знаковый исследовательский проект Центра, подержанный в 2023 г. конкурсом грантов для молодых учёных НовГУ на исследование социально-гуманитарных наук: «Культурный код Великого Новгорода как основа формирования городской

идентичности» (рук. Е. И. Спешилова). Описание проекта, этапов исследования и текущих результатов представлены в виде креативного, информационно и визуально насыщенного одноимённого интернет-пространства, созданного на общедоступном ресурсе (www.novgorod-cultural-code.tilda.ws/). Объектом внимания стал Великий Новгород, а предметом — представления горожан о знаковых людях, объектах, местах и символах города. Руководствуясь семиотическим подходом, исследователи рассматривают город как дискурс, коммуникативное и символическое пространство культурных смыслов. Ключом к пониманию городской среды выступает культурный код. Авторы подчёркивают, что при грамотном его использовании возможно формирование и развитие чувства причастности к городскому сообществу и к городу. В ходе исследования были проведены геоинформационный анализ и пространственная привязка полученных данных при помощи QGIS, что позволило выявить места и степень концентрации культурной памяти.

Самарской школой культурологов во главе с доктором философских наук, кандидатом искусствоведения Е. Я. Бурлиной, заведующей кафедрой философии и культурологии Самарского государственного медицинского университета, реализуется проект по культурно-философскому анализу трансформаций современных городов. Проект получил старт в 2012 г., в 2014 г. был поддержан РГНФ («Пространственно-временная диагностика города», грант РГНФ № 140300036). Предлагаемый коллективом метод пространственно-временной диагностики апробировался на примере Самары, волжских и уральских городов в исследованиях Е. А. Бурлиной, аспирантов и докторантов кафедры [72, 113], в сборниках статей «Город и время» (Самара, 2012), «Время в городе» (Самара, 2013), «Город как сцена» (Самара, 2015) и коллективной монографии «Хронотопия города» (Самара, 2016) [114]. Диагностика города осуществляется при помощи рабочего инструмента «хронотопия города», в основе которого предложенный А. А. Ухтомским и М. М. Бахтиным концепт «хронотоп», и который представляет собой «отпечатки» разных культурных и цивилизационных типов структуры городского пространства (например, волжские и уральские города, столицы и малые города и т. д.). Такими «отпечатками» могут быть символы времени в архитектуре и памятниках, институциональная насыщенность

города культурными институтами, «Гениями места», оказавшими влияние на изменение городского пространства [115, с. 222]. При этом учёные подчёркивают, что выбор хронотопов для изучения культуры города основывается на понимании многомерности и многоаспектности его пространства и времени его бытования.

Схожее исследование культурного пространства современного сибирского города выполнялось научной городоведческой школой доктора исторических наук, профессора Омского государственного университета В. Г. Рыженко в рамках проекта РФФИ (проект № 18-09-00329). Научный коллектив, состоящий из аспирантов и магистрантов Валентины Георгиевны, изучает динамику трансформаций культурного пространства крупных и малых городов и поселений Западной Сибири, происходивших под влиянием исторических переходов, смены общественного устройства, идеологических, социокультурных установок, политики памяти и коммеморативных практик [116–121]. В исследовании применяется междисциплинарная модель, соединяющая концепции структурирования локальных культурных пространств в виде «loci-совокупностей» (д-р филос. наук А. В. Дахина) и теоретико-методологические опоры, разработанные В. Г. Рыженко: «Культурно-цивилизационный ландшафт — опорная матрица образа города» и матрица трёхуровневой иерархии Фигур памяти [46, с. 159; 116, с. 54; 120, с. 45]. Территориальные рамки проекта включают крупные и малые города Западной Сибири, которые находятся в зоне влияния Московско-Сибирского тракта и Транссибирской железнодорожной магистрали — это Новосибирск, Омск, Ишим, Тара, Тюкалинск, Куйбышев/Каинск.

Анализ институциональной структуры исследований культуры города 2016–2023 гг. выявил только один коллективный проект изучения культурной среды современного города, осуществляемый омскими учёными из Сибирского филиала Института Наследия. Персональных работ обнаружено более 60, среди них только одна диссертация [121], 5 монографий [101, 122–125], 55 научных статей — из них 6 теоретических. За отмеченный период в России проведено 5 научных конференций по проблемам культурной среды города [100, 126–129]. В одной учёные Сибирского филиала выступили организаторами — «Образные характеристики городской среды как ресурс развития территории» (Омск, 1 октября 2020), а во Всероссийской научно-практической конференции

«Формирование качественной культурной среды в малых городских и сельских поселениях» (Барнаул, 18–19 марта 2020 г.) — организаторами и активными участниками дискуссий. Кратко представим специфику исследований.

Проблематика культурной среды города в отечественной гуманитарной практике переживает как минимум три волны исследовательского интереса. Впервые она привлекла внимание архитекторов-урбанистов, культурологов, философов в начале 1980-х — 1990-х гг. Под влиянием культурно-антропологического поворота в мировой познавательной практике, идей зарубежных учёных (Р. Баркер, А. Баттимер, К. Линч, Л. Мамфорд, Э. Рэльф, Т. Стюардт и др.) формулировалась проблема, разрабатывалась и апробировалась в сборниках научных трудов методология исследования. Культурная среда города рассматривалась как часть городской среды в рамках средового и социокультурного подходов (Л. Б. Коган, В. Л. Глазычев, А. В. Иконников, А. А. Высоковский, Г. З. Каганов, А. Я. Орлова и др.).

В конце 1990-х — 2000-х гг. культурная среда города востребуется научным сообществом архитекторов, культурологов, историков, социологов и философов (системный и социокультурный подход — А. Я. Флиер, историко-культурологический — Э. А. Шулёпова, социокультурный — О. Г. Севан, системный и историко-культурный — Д. А. Алисов, О. В. Ромаха, Ю. В. Величко, социально-философский — С. В. Барышников и др.) в качестве предмета не только теоретического, но и практического изучения.

Определение «культурная среда города» формулируется исследователями (независимо от дисциплинарной принадлежности и познавательных подходов), исходя из классического понимания ключевого слова этого словосочетания. «Среда» — окружающие (природные, общественные, материальные и духовные) условия существования, формирования и деятельности человека. Некоторые авторы настаивают на ещё одной характеристике — освоение и активное использование этих условий и/или элементов, значений и смыслов человеком (Э. А. Орлова, Г. З. Каганов и др.). В зависимости от понимания концепта «культура», одни исследователи в определении «культурной среды города» делают акцент на соотношении материальных и нематериальных ценностей (культуры), другие — на условии и результат любой творческой/созидающей деятельности человека, третьи — на коммуникатив-

ном и воспитательном/возделывающем, четвертые — на аксиологическом, пятые — на символически-семиотическом и информационном аспектах и т. д.

Одновременно философы, культурологи, историки, социологи, психологи, искусствоведы, архитекторы, гуманитарные географы изучают близкие к теме культурной среды проблемы культурного пространства, ландшафта (Ю. А. Веденин, И. И. Митин, В. Н. Калущков, В. Л. Каганский, В. Г. Рыженко, Д. А. Алисов, О. В. Гефнер, Ю. Р. Горелова, О. В. Петренко, В. В. Бондарь, О. Н. Маркова, М. В. Скуднева, Л. А. Штомпель, М. Ф. Ершов и др.) и образов (В. Г. Рыженко, Д. Н. Замятин, Ю. Р. Горелова и др.) современного города. Проблемы восприятия пространства и образа города его жителями и гостями разрабатываются с применением методов социологии и психологии (О. А. Борисова, С. Э. Габидулина, Ю. Р. Горелова, Н. К. Букаринова, Д. Р. Шнайдер, И. В. Межевикин, К. Ю. Смирных, Н. Ю. Прокопьева, Т. А. Власова, К. Н. Обухова и др.).

Интерес к проблемам культурной среды города у российских исследователей вновь проявился после 10-летнего перерыва в 2014 г., объявленного указом Президента РФ от 22 апреля 2013 г. № 375 («О проведении в Российской Федерации Года культуры») «Годом культуры». 2 октября 2013 г. на заседании Совета по культуре и искусству, посвящённом роли культурной политики государства в укреплении единства страны и значении отечественной культуры в укреплении российской идентичности, В. В. Путин подчеркнул необходимость поддержания пространственной неразрывности культурной среды России, разработки новой комплексной системы оценки её качества и эффективности реализуемых программ [130]. В это время появляется цикл работ по выявлению факторов формирования культурной среды; проблемам измерения качества; анализу содержания, структуры и классификации понятия; значимости для формирования личности (В. Э. Бежовец, Л. П. Пронина, А. Я. Флиер [131], И. А. Скрипачева [132], М. М. Сабелев [133], Н. М. Генова [134]). Появляются первые тексты об элементах, формирующих и развивающих культурную среду города, — культурных индустрий, архитектуры, регионального телевидения, культурного наследия [135, 136].

Исследовательский интерес получил подпитку после принятия федеральной государственной программы «Культурная среда»

(2019–2024). Напомним цель программы: качественное улучшение культурной среды путём реконструкции и создания новых востребованных объектов во всех российских регионах [137]. Объекты — инфраструктура культуры — культурно-образовательные комплексы с выставочными, театральными и концертными залами, оснащённые качественным оборудованием; дома культуры, библиотеки, кинотеатры, другие современные организации культуры и культурные пространства. Проект предусматривает перспективы развития традиционных культурных институтов (дома и дворцы культуры, библиотеки, кинотеатры) и новых культурных пространств, создание и функционирование которых опирается на современные технологии.

Следующий период исследований культурной среды города отличается прикладным характером. Авторы применяют и дополняют разработанные ранее подходы к определению и изучению культурной среды, обращаются к проблемам регулирования инфраструктурной составляющей и критериям оценки уровня комфорта, рассматривают среду как возможный инструмент решения социально-экономических проблем, посредством создания привлекательности города как для жителей, так и для туристов, выявляют и изучают ресурсы формирования и развития интересной, информационно насыщенной культурной среды (М. Д. Сметанина, О. И. Сгибнева, Л. Г. Скульмовская, О. А. Подкопаев, В. Г. Туркина, Е. Е. Захарова) [138–145]. С учётом изменившегося познавательного, интеллектуального и социокультурного контекста исследователи предлагают новые подходы и ракурсы изучения культурной среды города: семиотический и геокультурный матричный [145, 146].

Появляются монографические работы, предлагающие интересные варианты изучения и развития культурной среды современного города. Культуролог И. А. Скрипачева рассматривает городскую культурную среду современного Тольятти как реальную культурную целостность, анализирует содержание её форм, рассматривает культурные процессы города как основу формирования его культурной среды, «как вектор упорядочения, организации и систематизации человеческой жизни, включающей в себя разнообразные виды культурной деятельности и художественного творчества, направленных на эстетическое восприятие целостности города и городского пространства» [123]. В моно-

графии «Ценность города и ценности горожан» [125] коллектив культурологов, философов и искусствоведов из Ростова-на-Дону представил итоги междисциплинарного исследования на стыке визуальной антропологии, социологии и культурологии города, раскрыл специфику ценностно-смысловой наполненности аудиовизуальной среды городов Южного федерального округа и её влияния на сознание и культуру жителей (проект РГНФ № 18-011-0084 «Развитие аудиовизуальной среды современного российского города в контексте сохранения и трансляции этических ценностей российской культуры»). В коллективной монографии учёных Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва применяется цивилизационно-ценностный подход, отмечается значимая роль культурного наследия в развитии культурной среды современных городов [101].

Несмотря на то что на сегодняшний день сложилась представительная историография проблемы культурной среды города, предложен гибкий понятийный аппарат, разработаны и апробированы на материалах, как правило, дореволюционного и советского города междисциплинарные познавательные подходы (средовый, социокультурный, историко-философский, историко-культурный, ценностный и др.), крупный современный город в ней представлен слабо, сибирский город отражён в работах дореволюционного периода. Культурную среду дореволюционных, советских и постсоветских городов Западной Сибири уже более 30 лет изучают учёные Сибирского филиала Института Наследия [83–101, 147–156], с 2014 г. исследуют современный город с применением интеллектуальных конструкторов «культурная среда», «культурное пространство», «культурный ландшафт», «образ города».

Литература и источники

---

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года: [с изменениями, внесенными в часть 1 статьи 65 Конституции Российской Федерации на основании федеральных конституционных законов от 4 октября 2022 г. № 5-ФКЗ, № 6-ФКЗ, № 7-ФКЗ, № 8-ФКЗ]. Москва, 2022. 76 л.

2. Указ Президента Российской Федерации «Об утверждении Основ государственной культурной политики» от 24.12.2014 г. № 808 (в редакции Указа Президента РФ от 25.01.2023. № 35) // Правительство России : официальный сайт. URL: <http://government.ru/docs/all/94274/> (дата обращения: 10.10. 2023).
3. Хабитат III исследовательские доклады 4 — городская культура и наследие. Нью-Йорк, 31 Мая 2015 // Habitat 3 : сайт. URL: https://habitat3.org/wp-content/uploads/Habitat-III-Issue-Paper-4_URBAN-CULTURE-AND-HERITAGE.pdf (дата обращения: 10.11. 2023).
4. Culture. Urban. Future: Global Report on Culture for Sustainable Urban Development. Paris : UNESCO, 2016. URL: <https://en.unesco.org/creativity/publication/culture-urban-future> (дата обращения: 10.11. 2023).
5. Культура мировых городов : доклад 2018. М. : Изд-во ЦУНБ имени Н. А. Некрасова, 2019. 311 с.
6. WORLD CITIES CULTURE FORUM 2022. URL: https://www.researchgate.net/publication/366667786_World_Cities_Culture_Report_2022 (дата обращения: 10.10. 2023).
7. Горнова Г.В. Философия города : монография. М. : ФОРУМ: ИНФРА-М, 2014. 344 с.
8. Горелова Ю.Р. Пространство как ключевая категория архитектурной теории // Вестник Сибирской государственной автомобильно-дорожной академии. 2016. № 6 (52). С. 54–61.
9. Формирование архитектурного облика городов Западной Сибири в XVII — начале XX веков и местное купечество (Тобольск, Тюмень, Томск, Тара, Омск, Каинск) / В. П. Бойко, Е. В. Ситникова, О. В. Богданова и др. Томск : Изд-во Том. гос. архит.-строит. ун-та, 2017. 324 с.
10. Теория современного города: прошлое, настоящее, будущее : материалы Всероссийской научной конференции, посвящённой 50-летию кафедры градостроительства и ландшафтной архитектуры УрГАХУ (8 ноября 2019 г.). Екатеринбург : Изд-во УрГАХУ, 2019. 114 с.
11. Города будущего: пространственное развитие, соучаствующее управление и творческие индустрии : монография / Безвербный В. А., Белкин С. В., Блинов Г. Н. и др. ; под общей редакцией Д. П. Соснина ; Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации РАН-ХиГС, Кафедра территориального развития имени В. Л. Глазычева. М. : Дело, 2021 (Москва). 374 с
12. Модели развития городов: подходы, решения, перспективы : монография / Под общ. ред. Д. П. Соснина. М. : Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2023. 250 с.

13. «Умный город» XXI века: возможности и риски смарт-технологий в городском ребрендинге / Под ред. проф. И.А.Василенко. М. : Международные отношения, 2018. 256 с.
14. Касаткина С.С. Урбосфера: практики осмысления городского пространства : монография. Череповец : Череповецкий гос. ун-т, 2018. 159 с.
15. Философские и социокультурные проблемы развития города : монография / Редкол.: С.Д.Мезенцев и др. М. : Издательство МИСИ МГСУ, 2020. 256 с.
16. Порошенко О.Ю. Экзистенция города // Вестник Вятского государственного университета. 2021. № 2. С. 45–51.
17. Яницкий О.Н. История городской социологии в России: эволюция идей // Социологические исследования. 2016. № 8. С. 117–126.
18. Николаев В.Г., Евсеева Я.В. Социология города и городские исследования: введение к тематическому разделу // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11. Социология: Реферативный журнал. 2019. № 1. С. 6–9.
19. Попов Е.А., Замятина О.Н., Воронина С.А. Урбанистическая проблематика в диссертациях социологов // Социологические исследования. 2020. № 1. С. 125–131.
20. Карчагин Е.В. Социология города и современные городские исследования // Социология города. 2021. № 4. С. 6–14.
21. Малые города России: новые вызовы, социальные проблемы и перспективы : монография / М.Ф.Черныш, В.В.Маркин, Г.Р.Баймурзина [и др.]; отв. ред. М.Ф.Черныш, В.В.Маркин; предисл. М.К.Горшков ; ФНИСЦ РАН. М. : ФНИСЦ РАН, 2021. 598 с.
22. Вахштайн В.С. Воображая город. Введение в теорию концептуализации. М. : Новое литературное обозрение, 2022. 576 с. (Studiaurbanica).
23. Стась И.Н. Социокультурная антропология городов Югры: опыт современной историографии // Вестник Нижневартского государственного университета. 2015. № 4. С. 29–39.
24. Шабает Ю.П., Садохин А.П., Лабунова О.В., Сазонова Н.Н. Антропологическое понимание города и методология урбанистического изучения // Мониторинг. 2018. № 3 (145). 248–267.
25. Штомпель Л.А. Человек в городе: в поисках идеала // Новое прошлое. 2017. № 3. С. 26–37.
26. Смирнов С.А. Город и Человек : Очерки по городской антропологии. М. : ЛЕНАНД, 2020. 272 с.
27. Баканов С.А. «Urban history» и тренды конъюнктуры: опыт количественного изучения англоязычных отраслевых журналов // Исто-

- рическая урбанистика: прошлое и настоящее города : сборник научных статей Всероссийской конференции с международным участием (г. Сургут, СурГУ, 14 ноября 2014 г.). Курган : ООО «Курганский Дом печати», 2015. С. 7–14.
28. *Стась И. Н.* Историческая урбанистика в Сибири // Историческая урбанистика : прошлое и настоящее города... С. 28–46.
  29. *Стась И. Н.* Урбан-история на Юге России: взгляд из Сибири // Новое прошлое / The New Past. №3. 2017. С. 96–116.
  30. *Стась И. Н.* Историческая урбанистика на Урале: научные школы и основные направления исследований // Вопросы истории. 2017. № 4. С. 168–175.
  31. *Стась И. Н.* Историческая урбанистика в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2019. № 3 (50). С. 93–104.
  32. *Стась И.* Urban History: между историей и социальными науками // Социологическое обозрение. 2022. Т. 21. № 3. С. 250–285.
  33. *Кочнев Д. С.* История развития гуманитарной парадигмы изучения города (на примере отечественной культурологии) // Культура и цивилизация. 2016. Том 6. № 6А. С. 186–193.
  34. *Кудинова И. Ю.* Культурологический портрет сибирского города: на примере Красноярска : автореф. дис. ... канд. культурологии: 24.00.01. Улан-Удэ, 2015. 23 с.
  35. *Замятин Д. Н.* Геокультурный брендинг городов и территорий: от теории к практике. Книга для тех, кто хочет проектировать и творить другие пространства. СПб. : Алетейя, 2020. 740 с.
  36. *Веденин Ю. А.* География наследия. Территориальные подходы к изучению и сохранению наследия. М. : Новый Хронограф, 2018. 472 с.
  37. *Митин И. И.* Город как палимпсест: от историко-географической метафоры к семиотической модели территориального управления // Человек: образ и сущность. Гуманитарные аспекты. 2022. № 1 (49). С. 108–125.
  38. География искусства: новые ракурсы : сборник статей / Отв. ред. и сост. О. А. Лавренова. М. : Автономная некоммерческая организация высшего образования «Институт кино и телевидения (ГИТР)», 2020. 472 с.
  39. *Прокопьева Н. Ю.* Особенности восприятия городского пространства // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова. Серия : Педагогика. Психология. Философия. 2017. № 3 (07). С. 87–93.
  40. *Voloshina L. A.* Urban man: aesthetics of the future // Klironomy Journal. 2023. No. 1 (7). P. 51–70.

41. Трубина Е. Г. Город в теории: опыты осмысления пространства. М. : Новое литературное обозрение, 2011. 520 с.
42. Сафина А. М., Гайнуллина Л. Ф., Леонтьева Л. С. Урбанистика как проект: параллаксное видение // Урбанистика. 2017. № 3. С. 106–116.
43. Трубина Е. Г. Тридцать лет академической урбанистики в постсоветской России: между фундаментальным и прикладным // Новое литературное обозрение. 2022. № 6 (178). С. 125–145.
44. Стризов А. Л. Социологические исследования города: на перекрестке методологических подходов // Социология города. 2021. № 4. С. 15–26.
45. Рыженко В. Г. Сибирское городоведение рубежа XX–XXI веков: поиски подходов к изучению культурного пространства города // История и культура городов России: от традиции к модернизации : материалы Всерос. науч. конгр., посвящ. 290-летию Омска (Омск, 12–14 окт. 2006 г.) / Ред. Д. А. Алисов, А. В. Бородавкин, П. П. Вибе и др. Омск : Наука, 2006. С. 14–17.
46. Рыженко В. Г. Историко-культурологическая модель изучения трансформаций локальных культурных пространств поселений (конец XX — начало XXI века) // Сибирь, Россия, мир в исследовательском и образовательном пространстве : материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, посвящ. памяти проф. В. И. Соболева (Новосибирск, 11–12 апреля 2018 г.) / Под ред. В. А. Зверева. Новосибирск : Изд-во НГПУ, 2019. Ч. 1. С. 159–164.
47. Собственная логика городов: новые подходы в урбанистике : коллективная монография. М. : Новое литературное обозрение, 2017. 422 с.
48. Туркина В. Г., Вербина О. В., Антонова Е. Л. Город как предмет междисциплинарных исследований // *Juvenisscientia*. 2018. № 10. С. 69–72.
49. Современные городские исследования : монография / Под ред. И. А. Савченко, Ю. В. Козловой. 2-е изд., с изм. и доп. М. : ИНФРА-М, 2021. 135 с.
50. Сети города: Люди. Технологии. Власти / Под ред. Е. Лапиной-Кратасюк, О. Запорожец, А. Возьянова. Пер. с англ. К. Гусарова, А. Возьянов, О. Запорожец, М.-В. Моррис. М. : Новое литературное обозрение, 2021. 576 с.
51. Трубина Е. Г. Вовлеченная урбанистическая антропология: соединяя исследования и жизнь сообществ // Сибирские исторические исследования. 2019. № 1. С. 174–180.
52. Scimago Journal & Country Rank // *SCImago*, (n.d.). SJR — *SCImago Journal & Country Rank* [Portal]. Retrieved Date you Retrieve. URL.

- <https://www.scimagojr.com/journalrank.php> (дата обращения: 10.10.2023).
53. Аванесов С. С., Маргарян Е. Г., Сиян Т. С. Концепция научного журнала «Urbis et Orbis. Микроистория и семиотика города» // *Urbis et Orbis. Микроистория и семиотика города*. 2021. № 1 (1). С. 7–11.
  54. *Dellenbaugh Mary. Städtewandel durch Kultur*. Erfurt: Landeszentrale für politische Bildung Thüringen, 2017. 96 p.
  55. *Low Setha. Spatializing Culture: The Ethnography of Space and Place*. London: Routledge, 2017. 263 pp.
  56. *Benjamin Fraser, Araceli Masterson-Algar, Stephen Luis Vilaseca. Cultural studies, behind the scenes: Notes on the craft of interdisciplinary scholarship* // *Journal of Urban Cultural Studies*, Volume 5, Issue 1, Mar 2018, p. 3–14.
  57. *Carolyn Birdsall, Simone Kalkman. Making worlds in urban cultural studies* // *Journal of Urban Cultural Studies*, Volume 5, Issue 2, Jun. 2018, p. 113–123.
  58. *Dellenbaugh-Losse Mary. Inventing Berlin Architecture, Politics and Cultural Memory in the New/Old German Capital Post-1989*. Springer Nature Switzerland AG 2020. 182 p.
  59. *Tourism, Cultural Heritage and Urban Regeneration*. Springer Nature Switzerland AG 2020. 213 p. The Urban Book Series.
  60. *The Hidden Side of the Creative City: Culture Instrumentalization, Political Control and Social Reproduction in Valencia* /Ed. Joaquim Rius-Ulldemolins, Juan Arturo Rubio-Arostegui, Verónica Gisbert-Gracia. Springer Nature Switzerland AG 2021. XXI, 214.
  61. *Rausell-Köster P., Ghirardi S., Sanjuán J. et al. Cultural experiences in the framework of “cultural cities”: measuring the socioeconomic impact of culture in urban performance*. *City Territ Archit* 9, 40 (2022). URL. <https://doi.org/10.1186/s40410-022-00189-8/> (дата обращения: 08.12.2023).
  62. *Segovia C., Hervé, J. The creative city approach: origins, construction and prospects in a scenario of transition*. *City Territ Archit* 9, 29 (2022). URL. <https://doi.org/10.1186/s40410-022-00178-x> (дата обращения: 08.12.2023).
  63. *Kagan S. (Ed.). Culture and Sustainable Development in the City: Urban Spaces of Possibilities* (1st. ed.). Routledge, 2022. 268 p.
  64. *Luger J., & Ren J. (Eds.). (2017). Art and the City: Worlding the Discussion through a Critical Artscape* (1st. ed.). Routledge. URL. <https://doi.org/10.4324/9781315303031> (дата обращения: 08.12.2023).
  65. *Filipcevic Cordes V. New York in Cinematic Imagination: The Agitated City* (1st. ed.). Routledge, 2020. URL. <https://doi.org/10.4324/9780429284205> (дата обращения: 08.12.2023).

66. Tom Allbeson. Photography, Reconstruction and the Cultural History of the Postwar European City. Abingdon and New York : Routledge, 2021. XVII + 272 pp.
67. Visual Participatory Arts Based Research in the City: Ontology, Aesthetics and Ethics. London, 2022. 170 p.
68. Pettenati G. (Ed.) Landscape as Heritage: International Critical Perspectives (1st ed.). Routledge, 2022. URL. <https://doi.org/10.4324/9781003195238> (дата обращения: 08.12.2023).
69. Henryson H., Davy Knittle D. New approaches to urban change in literary and cultural studies // Journal of Urban Cultural Studies, Volume 10, Issue Representing Urban Change beyond Gentrification, Apr 2023, p. 15–30.
70. Theater(s) and Public Sphere in a Global and Digital Society /Ilaria Riccioni (Ed). Brill, 2022. Volume 1: Theoretical Explorations 1st. 22/12/2022, XVIII, 230 pp.; Volume 2: Case Studies Leiden, The Netherlands: 236 pp.
71. Баканов С.А., Хамитова К.А. Городская история в тематике диссертационных исследований в России (1991–2021) // Историческая информатика. 2022. № 1 (39). С. 52–62.
72. Гранкина Е.А. Гуманитарное пространство города: хронотоп, институты, «гении места» : дис... канд. культурологии. Саранск, 2016. 20 с.
73. Холодная А.А. Культурно-семантическое пространство современного российского города : автореф. дис. ... канд. культурологии. Москва, 2018. 23 с.
74. Касаткина С.С. Урбосфера: системно-семиотический анализ : автореф. дис. ... д-ра философ. наук. Архангельск, 2019. 38 с.
75. Коршунова Д.А. «Локусы медиации» в культуре современного города : автореф. дис. ... канд. философ. наук. Симферополь, 2022. 28 с.
76. Наумов С.С. Гуманитарная интеллигенция как субъект исторической памяти в пространстве крупных городов Западной Сибири (1985–2000 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2023. 23 с.
77. Антропология Петербурга : сборник статей к 85-летию со дня рождения Н. В. Юхнёвой / Российская академия наук, Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера); ответственный редактор [и составитель] Н.Е. Мазалова. Санкт-Петербург : МАЭ РАН, 2017. Ч. 1. 2017. 432 с.; Ч. 2. 2017. 299 с.
78. Жигунова М.А. Русское население города Омска: идентичность, культура, традиции = Russian population of the city of Omsk: identity, culture, traditions / Сибирское отделение Российской академии наук, Институт археологии и этнографии, Омская лаборатория ар-

- хеологии, этнографии и музееведения. Омск : [б. и.]; Екатеринбург : Уральский рабочий, 2022. 231 с.
79. *Татауров С. Ф., Тихонов С. С.* Археолого-историческое наследие города Тара // Теория и практика археологических исследований. 2021. Т. 33, № 2. С. 146–156.
  80. *Черных А. В., Каменских М. С.* Осетины Перми: история и культуры / Администрация города Перми, Совет по межнациональному и межконфессиональным отношениям при главе города Перми, Российская академия наук, Уральское отделение, Пермский федеральный исследовательский центр, Отдел истории, археологии и этнографии. Санкт-Петербург : Маматов, 2018. 60 с.
  81. *Гарунова Н. Н.* Города-крепости и культурная и религиозная политика Российского государства на Северо-Восточном Кавказе в XVIII–XIX вв. : монография : (издана к 285-летию юбилею города Кизляра) / Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра Российской академии наук. Махачкала : АЛЕФ, 2020. 151 с.
  82. Антропология дагестанского города: влияние глобализации на трансформацию культуры и быта горожан Дагестана в постсоветский период / Р. И. Сефербеков, Б. Б. Булатов, Э. М.-Г. Зульпукарова и др.; Российская академия наук, Дагестанский федеральный исследовательский центр, Институт истории, археологии и этнографии [и др.]. 2-е доп. изд. Махачкала : АЛЕФ, 2022. 311 с.
  83. Наука о культуре. К 90-летию Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва / Отв. ред. С. Ю. Житенёв. М. : Институт Наследия, 2022. 314 с.
  84. *Селезнева И. А., Горелова Ю. Р.* Сибирский филиал Института Наследия: направления научных исследований, научно-организационная работа и актуализация культурного наследия в 2017–2022 гг. // Наука о культуре. К 90-летию Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва... С. 248–270.
  85. *Петренко О. В.* Динамика культурного ландшафта постсоветской Тюмени (2000–2020): познавательный потенциал исследования // Культурные ландшафты постсоветского города: особенности формирования и трансформации : сборник научных трудов / Под ред. Д. А. Алисова, И. А. Селезневой. М. ; Омск : Институт Наследия, 2021. С. 73–122.
  86. *Петренко О. В.* Теоретические основания изучения объектов наследия: опыт Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва // Современные тенденции в развитии музеев и музееведения : Материалы

- IV Всеросс. с международным участием науч.-практ. конф. (Новосибирск, 22–23 окт. 2020 г.) / Отв. ред. д-р ист. наук О. Н. Шелегина, д-р ист. наук Г. М. Запороженко ; Ин-т истории СО РАН. Новосибирск : ИПЦ НГУ, 2020. С. 62–75.
87. *Петренко О. В., Горелова Ю. Р.* Краеведческо-городоведческие исследования омских учёных Российского института культурологии и Института Наследия: преемственность и развитие // Государственное краеведение в Российской Федерации в конце XX – начале XXI веков: основные проблемы и перспективы развития : сборник научных трудов / Под редакцией П. П. Вибе. Омск : Бюджетное учреждение культуры Омской области «Омский государственный историко-краеведческий музей», 2022. С. 191–204.
88. Культурологические исследования в Сибири: к 30-летию Сибирского филиала Института Наследия : коллективная монография / Отв. ред. И. А. Селезнева; чл. редколлегии Д. А. Алисов, Т. Н. Золотова, О. В. Петренко, Т. Б. Смирнова, К. Ю. Смирных. М., Омск : Институт Наследия, 2023. 524 с.
89. *Селезнева И. А., Горелова Ю. Р.* Сибирский филиал Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва (2014–2023 гг.) // Культурологические исследования в Сибири: к 30-летию Сибирского филиала Института Наследия... С. 35–65.
90. Библиография научных трудов Сибирского филиала (1993–2022 гг.) // Культурологические исследования в Сибири: к 30-летию Сибирского филиала Института Наследия... С. 333–357.
91. *Алисов Д. А.* Сибирский филиал Института Наследия как городоведческий научно-исследовательский центр // Культурное наследие Сибири: изучение, музеефикация, презентация (к 30-летию Сибирского филиала Института Наследия) // Культурное наследие Сибири: изучение, музеефикация, презентация (к 30-летию Сибирского филиала Института Наследия) : материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Омск, 17–18 мая 2023 г.) / Под ред. Т. Н. Золотовой, И. А. Селезневой. Омск : Сибирский филиал Института Наследия, 2023. С. 26–28.
92. *Алисов Д. А.* Городоведение Сибири как направление исследований // Культурологические исследования в Сибири: к 30-летию Сибирского филиала Института Наследия... С. 189–201.
93. *Алисов Д. А., Гефнер О. В., Золотова Т. Н., Хилько Н. Ф.* Культурные ландшафты советского города: сибирские города позднего социализма : монография. М. : Институт Наследия, 2018. 92 с.
94. *Горелова Ю. Р.* Образ города в восприятии горожан : монография. М. : Институт Наследия, 2019. 154 с.

95. Культурные ландшафты сибирского города: проблемы теории и практики / Под ред. Д. А. Алисова, И. А. Селезневой. М. : Институт Наследия, 2019. 154 с.
96. Хилько Н. Ф. Обновление культурной среды и развитие туризма в малых городах и сельских поселениях Омского региона : монография. Омск : Амфора, 2020. 142 с.
97. Культурные ландшафты современного города : сборник научных работ / Под ред. Д. А. Алисова, И. А. Селезневой. М. : Институт Наследия, 2020. 130 с.
98. Культурные ландшафты постсоветского города: особенности формирования и трансформации : сборник научных трудов / Под ред. Д. А. Алисова, И. А. Селезневой. М., Омск : Институт Наследия, 2021. 170 с.
99. Культурные ландшафты городов Сибири (аксиология, история, практики) : материалы X Всерос. науч. симпозиума «Проблемы культуры городов России» (Омск, 30 сентября 2020 г.) [Электронное издание] / Под ред. Д. А. Алисова, О. В. Петренко. М., Омск : Сибирский филиал Института Наследия, 2020. 444 с.
100. Образные характеристики городской среды как ресурс развития территории : материалы Всероссийской научно-практической конференции (Омск, 1 октября 2020 г.) [Электронное издание] / Отв. ред. Ю. Р. Горелова, О. В. Петренко. Омск : Сибирский филиал Института Наследия, 2020. 392 с.
101. Критерии и подходы к формированию качественно нового уровня развития культурной среды в малых городах и сельских населенных пунктах / А. В. Кыласов, Ю. С. Пуtrieb, И. А. Селезнева, Н. Ф. Хилько; Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва. М. : Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва, 2021. 100 с.
102. Культурные ландшафты исторических поселений как особая категория наследия (на материалах Северо-Западного Кавказа) : монография / В. В. Бондарь, О. Н. Маркова. М., 2020. 334 с.
103. Бондарь В. В. Войсковой город Екатеринодар. 1793–1867 гг.: Историко-культурная специфика и функциональная роль в системе городских поселений Российской империи. 2-е изд., испр. и доп. М. : Институт Наследия, 2023. 202 с.
104. Митин И. И. Культурный ландшафт городского района: методика комплексного исследования // Культурные ландшафты городов Сибири (аксиология, история, практики) : материалы X Всерос. науч. симпозиума «Проблемы культуры городов России» (Омск, 30 сентября 2020 г.)... С. 18–23.

105. Аптекарь П. Эксперты Вышки разработали инструмент измерения культурного капитала городов // HSE Daily – университетское бренд-медиа Высшей школы экономики. URL: <https://daily.hse.ru/post/809> (дата публикации: 27.02.2023).
106. Трубина Е.В. Городская антропология: сложное наследство специализации // Этнографическое обозрение. 2016. № 4. С. 102–119.
107. Trubina Elena. The Perm Cultural Project [Permskiikul'turnyiproekt] // Strukov V., & Hudspith S. (Eds.). Russian Culture in the Age of Globalization (1st ed.). London : Routledge, 2018. URL: <https://doi.org/10.4324/9781315626628-5> (дата обращения: 08.12.2023).
108. Положение о научно-образовательном центре «Гуманитарная урбанистика» федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого» // Портал НовГУ. URL: <https://portal.novsu.ru/file/1963040> (дата обращения: 10.11. 2023).
109. Визуальная антропология — 2019. Город-университет: жизненное пространство и визуальная среда : материалы III Международной научной конференции, Великий Новгород, 28–30 августа 2019 года / Под редакцией С. С. Аванесова, Е. И. Спешиловой. Великий Новгород : Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, 2020. 540 с.
110. Визуальная антропология — 2022. Исторический город: актуализация прошлого в перспективе будущего : материалы IV Международной научной конференции, Великий Новгород, 22–23 сентября 2022 года / Под редакцией С. С. Аванесова, Е. И. Спешиловой. Великий Новгород: Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, 2022. 242 с.
111. Аванесов С.С., Федотова Н.Г. Город: в поисках идентичности. СПб. : Алетей, 2022. 408 с.
112. Аванесов С.С. Город как предмет антропологии // Этнография малых и средних городов: история и современные проблемы : материалы Всероссийской с международным участием конференции, посвящённой 100-летию Маргариты Николаевны Шмелевой, Москва, 15–16 марта 2023 года / Институт этнологии и антропологии имени Н. Н. Миклухо-Маклая РАН. М. : Старый сад, 2023. С. 8–9.
113. Иливицкая Л.Г. Город в пространственно-временном измерении: культурнодиагностический подход : автореф. дис. ... д-ра философ. наук. Саранск, 2021. 48 с.
114. Хронотопия города / Е. Я. Бурлина, Я. А. Голубинов, Л. Г. Иливицкая [и др.]. Самара : ООО «Книжное издательство», 2016. 240 с.

115. Бурлина Е.Я. Пространственно-временная диагностика города // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. 2021. Т. 23, № 79–2. С. 222–233.
116. Рыженко В.Г. О методиках выявления трансформаций образов прошлого в локальных культурных пространствах постсоветской России // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2018. № 4. С. 53–57.
117. Кузнецова А.В. Повседневная жизнь сибирских поселений в экспозициях историко-краеведческих музеев // Гришаевские чтения : материалы II национальной научной конференции, посвящённой памяти доктора исторических наук, профессора, заслуженного работника высшей школы Василия Васильевича Гришаева, Красноярск, 15 октября 2019 года / Красноярский государственный аграрный университет. Красноярск : Красноярский государственный аграрный университет, 2019. С. 77–84.
118. Рыженко В.Г. Фигуры и символы памяти о прошлом в локальном культурном пространстве Западной Сибири (конец XX – начало XXI в.): Ишимская версия // Вестник Омского университета. Серия : Исторические науки. 2019. № 1 (21). С. 134–141.
119. Наумов С.С. Материалы личных фондов представителей интеллигенции Омска и Новосибирска как источник по изучению памяти о прошлом / С. С. Наумов // Преподаватель XXI век. 2019. № 1–2. С. 260–274.
120. Рыженко В.Г. Возможности интеллектуальной истории для разработки региональных и локальных исследовательских проектов // Всеобщая история и историческая наука в XX – начале XXI века : сборник статей и сообщений : в 2 т. / Сост. и отв. ред. Г.П. Мягков, Е.А. Чиглицев. Казань : Издательство Казанского университета, 2020. Т. 1. С. 44–48.
121. Пивоварова Ю.И. Культурная среда русской провинции 1800–1860-х гг. : на материале Воронежской губернии : автореф. дис. ... канд. культурологии. Ярославль, 2017. 23 с.
122. Генова Н.М. Этнокультурное, театральное и кинофестивальное движение в культурной среде Омского Прииртышья : монография / Н.М. Генова, Н.Ф. Хилько; ФГБОУ ВО «Омский государственный университет имени Ф.М. Достоевского», Факультет культуры и искусств, Омский региональный общественный благотворительный фонд «Культура Сибири». Омск : Амфора, 2021. 185 с.
123. Скрипачева И.А. Городская культурная среда как пространство современности : монография / И.А. Скрипачева ; Министерство об-

- разования и науки Российской Федерации, Тольяттинский государственный университет, Архитектурно-строительный институт, кафедра «Дизайн». Тольятти : Изд-во ТГУ, 2018. 162 с.
124. Туркина В. Г., Антонова Е. Л., Вербина О. В. Музыкальная культура городской среды: филармоническая деятельность. Прага : Vědeckou davatelské centrum «Sociosféra-CZ», 2017. 61 с.
125. Ценность города и ценности горожан / Д. С. Берестовская, Т. С. Киенко, Д. А. Коршунова и др. Ростов-на-Дону ; Таганрог : Южный федеральный университет, 2019. 304 с.
126. Город, социум, среда: история и векторы развития : материалы Всероссийской научно-практической конференции. Нижний Тагил, 14–15 сентября 2017 г. / Отв. ред. О. В. Рыжкова. Нижний Тагил : НТГСПИ (ф) РГППУ, 2017. 280 с.
127. Городская повседневность: региональный и социокультурный контексты : IV Нижневолж. чтения : материалы Междунар. науч.-практ. конф., г. Волгоград, 21–23 марта 2019 г. ; Федер. гос. авт. образоват. учреждение высш. образования «Волгогр. гос. ун-т» ; Волгогр. отделение Российского общества социологов ; Научно-образовательное культурологическое общество ; Волгогр. отделение Российского филос. общества. Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2019. 665 с.
128. Формирование качественной культурной среды в малых городских и сельских поселениях : материалы Всероссийской научно-практической конференции, Барнаул, 18–19 марта 2020 года / Редкол.: Е. А. Полякова (гл. ред.) и др. ; Алтайский государственный институт культуры. Барнаул : Издательство Алтайского государственного института культуры, 2020. 201 с.
129. Этнография малых и средних городов: история и современные проблемы : материалы Всероссийской с международным участием конференции, посвящённой 100-летию Маргариты Николаевны Шмелевой, Москва, 15–16 марта 2023 года / Институт этнологии и антропологии имени Н. Н. Миклухо-Маклая РАН. М. : Старый сад, 2023. С. 45–47.
130. Заседание Совета по культуре и искусству // Официальный сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/19353> (дата обращения: 10.11. 2023).
131. Флиер А. Я. Культурная среда и ее социальные черты // Флиер А. Я. Избранные работы по теории культуры. М. : Общество с ограниченной ответственностью «Издательство “Согласие”», 2014. С. 32–340.
132. Скрипачева И. А. Объединяющие элементы формирования городской культурной среды (на примере г. Тольятти) // Наука, образование, общество. 2016. № 2 (8). С. 19–26.

133. Сабелев М.М. «Культурная среда» и «Культурное пространство»: целесообразность использования понятий в исследовании театральной культуры российской провинции // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2016. № 37–1. С. 102–108.
134. Генова Н.М. Сущность культурной среды, структура и значимость культурного пространства в формировании личности // Наука и научный потенциал — основа устойчивого развития общества : сборник статей Международной научно-практической конференции, Магнитогорск, 11 октября 2018 года. Часть 2. Магнитогорск : Общество с ограниченной ответственностью «ОМЕГА САЙНС», 2018. С. 200–203.
135. Крестев Т. Архитектура и ценности: ландшафт — культурная среда // Наследие и современность. 2018. № 1 (4). С. 23–43.
136. Астафьева О.Н. Диалогичность культурной среды города: культурное наследие как основа ее целостности // Контуры будущего в контексте мирового культурного развития : XVIII Международные Лихачёвские научные чтения, 17–19 мая 2018 г. СПб. : СПбГУП, 2018. С. 385–386.
137. Федеральный проект «Культурная среда» // Министерство культуры Российской Федерации : сайт. 2004–2023. URL: <https://culture.gov.ru/about/national-project/cultural-environment/> (дата обращения: 10.11. 2023).
138. Сметанина М.Д. Феномен культурной среды // Общество: философия, история, культура. 2019. № 3 (5). С. 83–86.
139. Сгибнева О.И. Культурная среда города: диалог времени и векторы современного развития // Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия : сборник научных статей, с. Кабардинка, Геленджик, 10–13 октября 2019 г. / Отв. ред. И. И. Горлова. М. : Институт Наследия, 2021. С. 190–196.
140. Скульмовская Л.Г. Культура как инструмент решения социально-экономических проблем города // Материалы XXII Международной конференции памяти профессора Л. Н. Когана «Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования». Екатеринбург : УрФУ, 2019. С. 389–402.
141. Подкопаев О.А. К вопросу о формировании новой культурной среды и культурной инфраструктуры в регионах России // Национальное культурное наследие России: региональный аспект : материалы VII Всероссийской научно-практической конференции (Самара, 29 марта 2019 года) : в 2-х частях / Под ред. С.В. Соловьевой. Самара : Самарский государственный институт культуры, 2019. С. 160–165.

142. Туркина В.Г., Анисимов Н.О. Город для проживания: формирование культурной среды // Образование в современном мире : сборник научных статей. Саратов, 2019. Выпуск 14. С. 69–73.
143. Захарова Елена Евгеньевна. Культурная среда города как часть общественного пространства // Человек и культура. 2020. № 1. С. 73–80.
144. Гузенко А.К. Социокультурная деятельность библиотеки как условие формирования культурной среды для астраханцев // Традиции и новаторство в культуре и искусстве: связь времен : сборник статей по материалам VIII Всероссийской научно-практической конференции, Астрахань, 20 марта 2020 года. Астрахань : «ТРИАДА», 2020. С. 213–218.
145. Барышников С.В., Барышникова А.Г. Культурная среда современного города: семиотический аспект // Современные проблемы гуманитарных и общественных наук. 2015. № 1 (5). С. 9–14.
146. Путрик Ю.С. Геокультурный матричный подход к вопросам изучения и формирования культурной среды малого города и сельского поселения // Образные характеристики городской среды как ресурс развития территории : материалы Всероссийской научно-практической конференции (Омск, 01 октября 2020 г.). Омск : Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва, 2020. С. 26–31.
147. Алисов Д.А. Особенности формирования и трансляции исторической памяти о Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.) в структуре культурного ландшафта сибирского города (Features of the formation and translation of the historical memory of The Great Patriotic War (1941–1945) in the structure of the cultural landscape of the Siberian city) // Национальный проект «Культура» и региональные культурные стратегии : материалы Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием) 13–14 мая 2021 г. / Под ред. Лисенковой А. А., Ширинкина П. С. Пермь : Перм. гос. ин-т культуры, 2021. С. 293–299.
148. Горелова Ю.Р., Хилько Н.Ф. Отражение визуально-образных характеристик культурной среды в архитектурном наследии Тобольска // Культурный код. № 3. 2021. С. 15–28.
149. Горелова Ю.Р., Петренко О.В. Динамика культурной среды современного Омска в представлении горожан: к постановке проблемы // Культура и взаимодействие народов в музейных, научных и образовательных процессах важнейшие факторы стабильного развития стран Евразии : сб. науч. тр. : в 2 ч. / Отв. ред.: М. Л. Бережнова, А. А. Ильина, С. Н. Корусенко. Омск : Издат. дом «Наука», 2021. Ч. 2. С. 399–404.

150. Хилько Н. Ф., Горелова Ю. Р., Озерова О. А. Проблемы развития зрительской культуры студентов вузов в инфраструктуре зрелищно-концертных учреждений Омска в формах трансляции культурного наследия // Вестник КемГУКИ. 2021. № 56. С. 248–257.
151. Гефнер О. В. Парки культуры и отдыха в культурном ландшафте современного Омска // Электронный научно-методический журнал Омского ГАУ. 2022. № 3 (30). URL. <http://ejournal.omgau.ru/images/issues/2022/3/01016.pdf> (дата обращения: 08.12.2023).
152. Горелова Ю. Р. Уровни репрезентации культурного наследия в современном художественном процессе // Народы Сибири и Дальнего Востока с древних времён до наших дней [Электронный ресурс] : материалы IX Сибирского исторического форума. Красноярск, 14–16 сентября 2022 г. / Гл. ред. Н. И. Дроздов. Электрон. дан. (62,4 Mb). Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2022. С. 1420–1426. Режим доступа: [http://sibhistory.sfu-kras.ru/wp-content/uploads/2022/11/Электронная версия: СИФ-2022 11.11.2022.pdf](http://sibhistory.sfu-kras.ru/wp-content/uploads/2022/11/Электронная%20версия%20СИФ-2022%2011.11.2022.pdf).
153. Горелова Ю. Р. Культурная среда города в исследованиях сотрудников Сибирского филиала Института Наследия // Аношинские чтения : Материалы III Всероссийской научно-практической конференции (р. п. Большеречье Омской области 12–14 октября 2022 г.) / Отв. ред. Т. Н. Золотова. Омск : Издатель-Полиграфист, 2022. С. 344–354.
154. Горелова Ю. Р., Петренко О. В., Гефнер О. В. Возвышенное глазами современников: ключевые смыслы и новое наполнение // Культурное наследие России. 2022. № 4. С. 33–39.
155. Хилько Н. Ф., Горелова Ю. Р. Тенденции, проблемы и ресурсные точки развития современной киноиндустрии в городах Сибири // Культура и образование : научно-информационный журнал вузов культуры и искусств. 2021. № 2 (42). С. 71–80.
156. Хилько Н. Ф., Горелова Ю. Р. Обновление инфраструктуры культурно-досуговых учреждений и типологии клубных формирований в г. Омске в 2019–2020 г. // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2022. № 59. С. 210–219.

КУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО И КУЛЬТУРНАЯ СРЕДА: СУЩНОСТЬ, ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ

В статье проанализированы методологические подходы к пониманию «культурного пространства» и «культурной среды». Проведена типологизация подходов, выявлена связь методологических подходов с базовыми подходами к пониманию сущности культуры, представлена авторская концепция исследования культурного пространства (среды).

Ключевые слова: культурное пространство, культурная среда, сущность культуры, типология подходов, уровни культурной среды, методология исследования.

The article analyzes methodological approaches to understanding “cultural space” and “cultural environment”. The authors carried out a typology of approaches and identified a connection between methodological approaches and basic approaches to understanding the essence of culture has been identified, and the author’s concept of studying cultural space (environment) has been presented.

Keywords: cultural space, cultural environment, essence of culture, typology of approaches, levels of the cultural environment, research methodology.

Вынесенные в название статьи дефиниции, а именно «культурное пространство» и «культурная среда» встречаются практически во всех трудах, где объектом исследования выступает культура, при этом в зависимости от контекста, целей и задач исследования разные исследователи по-разному трактуют данные понятия, в силу чего иногда они взаимно пересекаются, а иногда расходятся достаточно далеко друг от друга.

У каждого из понятий есть свои смысловые грани и особенности. Так, например, говоря о «среде», мы, несомненно, делаем акцент на активное включение субъекта, а термин «пространство», так или иначе, предполагает описание культурных феноменов и деятельности субъектов культуры в рамках какой-то ограниченной локальности (территориальной, социальной или культурной).

При этом зачастую, в исследовательской практике, одно из этих понятий определяется через другое.

Нет необходимости пытаться раз и навсегда разграничить эти действительно близкие друг к другу исследовательские конструкты, хотя бы в силу того, что многозначность и полисемантичесность объединяющего их родового понятия культуры делает эту задачу практически невыполнимой. Однако, на наш взгляд, будет интересным определить некоторые основные подходы к определению данных понятий. Таким образом, актуальность исследования определяется необходимостью осмысления понятийного и методологического разнообразия трактовок и подходов к выше отмеченным дефинициям.

При этом следует понимать, что именно полисемантичесность родового понятия («культура») и намечает логику выделения различных исследовательских парадигм. В силу этого в рамках данной публикации мы предпринимаем попытку соотнесения различных методологических подходов к пониманию «культурного пространства» и «культурной среды», во-первых, с подходами к самому понятию «культура», во-вторых, с определениями одной категории через другую (пространство через среду, среду через пространство).

В обыденном понимании слово «культура» часто ассоциируется с образованностью. Под культурой понимают общий уровень эрудиции человека, подразумевают внутреннюю интеллигентность, начитанность и т. д. Культура понимается как некий образец для подражания, на который должно равняться, стандарт поступков. Кроме того, в обиходе слово «культура» характеризует качественный уровень чего-либо. В этом смысле говорят о культуре поведения, культуре обслуживания, культуре речи и др. Современная наука рассматривает культуру как творческую деятельность человека по преобразованию природы и общества, результатом которого является постоянное пополнение материальных и нематериальных ценностей. Культура рассматривается и как способ освоения окружающего мира, и как динамический творческий процесс.

На данный момент существует множество определений понятия «культура». Многообразие подходов к определению сущности культуры объясняется как многосложностью и многомерностью самого феномена культуры, с одной стороны, так и различиями

в мировоззренческих и методологических позициях авторов, с другой.

Не вдаваясь в дискуссии по данному вопросу, не перечисляя современные трактовки данной дефиниции, можно отметить, что, прежде всего, следует различать культуру в широком смысле и культуру в узком смысле. В широком смысле под культурой, по нашему мнению, следует понимать особый способ взаимодействия человека с окружающим миром, особую сферу человеческой деятельности, в рамках которой происходит создание, хранение, преобразование, трансляция и потребление культурных ценностей (материальных и нематериальных). В узком смысле под культурой следует понимать конкретную область, сферу общественной жизни, в рамках которой происходит функционирование таких учреждений культуры, как театры, библиотеки, выставочные залы, музеи и др.

В рамках данной публикации (соответственно специфике объекта и предмета исследования) следует обратить внимание на существование таких основных подходов к пониманию сущности и функционала культуры, как антропологический, аксиологический, социологический, герменевтический, семиотический, феноменологический и системный.

Антропологический подход исходит из того, что культура есть совокупность продуктов человеческой деятельности, мир идей и вещей, искусственно созданный человеком, созданная человеком «вторая природа». Одним из основоположников этого подхода, Э. Тейлором, культура определялась как «некоторое сложное целое, которое включает в себя знания, верования, искусство, мораль, законы, обычаи и другие способности и привычки, приобретаемые и достигаемые человеком как членом общества» [1, С. 7]. Согласно концепции Э. Кассирера, культура существует как «межсубъектный мир», она выступает как общность субъектного мира, выросшего из совместной деятельности людей», а значит, имеет антропологические основания. Антропологизм культуры проявляется в её антропологических формах и символических значениях. «Истоки культуры он находит не в инстинктах человека, не в социальной организации общества, не в глубинах божественного духа, а в способности человека творить искусственный мир, где реальность обозначается определенными символами. Человек может и должен познать эти символы, которые сам же и создает.

Сущностью культуры является символическая деятельность», — полагает автор [2, с. 15]. По мнению Й. Хейзинги, культура антропогенна, то есть человек создаёт культуру, и культура формирует человека. Являясь носителем культуры, человек обуславливается ею [3, с. 516]. При таком подходе культура охватывает все стороны человеческого бытия. В этом одновременно плюс и минус подхода. Объект исследования настолько расширяется, что становится невозможным охватить его в рамках одной науки. В результате от общего антропологического направления отпочковываются более частные, которые изучают отдельные аспекты или сферы человеческой деятельности.

Согласно *аксиологическому подходу*, к культуре относится только то, что выражает достоинства человека и способствует их развитию. Соответственно культура понимается как совокупность лучших творений человеческого духа, высших, непреходящих ценностей. Три великих мыслителя эпохи классической немецкой философии — И. Кант, Ф. Шиллер, Г. В. Ф. Гегель — в своих представлениях о культуре, о культуурообразующей деятельности человека и человечества, акцентируют внимание на одухотворяющей функции культуры. По их мнению, культура должна способствовать возвышению человека и человечества, взращивая и поощряя развитие только самых лучших качеств, таких как гуманизм, разумность, стремление к красоте и гармонии. Так, Иммануил Кант считал, что не блаженство, а достоинство дарует человеку культура. Именно идею моральности он определял как одну из важнейших основ культуры, которая «сводится только к подобию нравственного в любви, к чести и внешней пристойности...» [4, с. 18]. Культура, по мнению Ф. Шиллера, должна «подчинить человека форме уже в чисто физической его жизни и сделать его, насколько это зависит от царства красоты, эстетическим; ибо только из эстетического, а не из физического может развиваться моральное состояние» [5, с. 329]. Связывая культуру с интеллектом, Г. В. Ф. Гегель установил, что «в <...> развитии всеобщности мышления состоит абсолютная ценность культуры» [6, с. 47]. Таким образом, аксиологический критерий в определении понятия «культура» явно содержится в работах этих авторов. По мнению современных исследователей, аксиологический подход, делающий акцент на взаимосвязи культуры с гуманизмом и общечеловеческими ценностями, объективно прослеживается в каждом из наи-

более известных определений культуры, начиная с древности и до наших дней. В понятии «культура» мыслители всех эпох стремились выразить качественное своеобразие человеческого существования и развития [7].

С позиций *социологического подхода* культура рассматривается как фактор организации общественной жизни, как совокупность идей, принципов, социальных институтов, обеспечивающих коллективную деятельность людей. Культура выступает формой трансляции социального опыта в виде предметов, навыков и приёмов деятельности, образцов поведения.

М. Вебер в своих работах обосновал социологический подход к культуре. Культура общества, по его мнению, формируется в трёх процессах исторического развития: социальном, цивилизационном и собственно культурологическом. Социальный процесс составляет развитие хозяйства, социальных отношений, политики и государства. Цивилизационное развитие образует наука и техника. Движение культуры происходит через развитие религии, философии и искусства. Основой всякой крупной культуры выступает тип социальной организации [8, с. 52].

Американский социолог Нейл Смерзер выделял такие составляющие культуры, как понятия и концепты (уровень содержания), отношения (взаимосвязь явлений), ценности (социально одобряемые и разделяемые большинством людей убеждения). Исходя из такого понимания, Н. Смерзер определил культуру как набор ценностей, представлений о мире и кодов поведения, общих для людей одного стиля жизни [9, с. 41]. Современное социологическое понимание сущности культуры выразили Л. Г. Ионин, Л. Н. Коган и В. С. Цукерман [10, 11, 12].

Герменевтический подход к понятию «культура» основан на мысли, что культура рассматривается как множество текстов, которые интерпретируются и осмысливаются людьми. Так, например, Вильгельм Дильтей воспринимал культуру как застывшую жизнь и считал основной целью исследователя научиться понимать письменно зафиксированные отражения этой жизни. Проблематика понимания сближает герменевтику с философией культуры и с философией языка. Философская герменевтика предполагает новое измерение человека: в ней ставится вопрос о человеке понимающем: понимающим себя, своё место в мире, окружающую реальность и другого человека. Это понимание фак-

тически оказывается онтологическим свойством человека. Рассматривая культуру как объективацию духа, В. Дильтей включает в неё не только духовные образования сами по себе, но и такие существенные системные институты, как хозяйство, право, семью и т. д. [13, с. 335].

По мнению Ю. М. Лотмана, «культура есть устройство, вырабатывающее информацию. Подобно тому, как биосфера с помощью солнечной энергии перерабатывает неживое в живое (Вернадский), культура, опираясь на ресурсы окружающего мира, превращает не-информацию в информацию» [14].

Культуру Ю. М. Лотман определяет как сложную знаковую систему, которая имманентно имеет свою память, обладает особыми способами изучения и саморегуляции, «отграничена от не-культуры (природы) именно знаковостью; систему, втягивающую природную не-знаковость в себя и преобразующую ее семиотически» [15, с. 14]. В определении культуры Ю. М. Лотмана присутствуют знаковость, ограниченность, самостоятельность развития, социальная значимость. Это позволяет нам понимать культуру как систему знаков и символов, надприродное пространство, в котором сосредоточено ментальное содержание социально значимой информации, передающейся с помощью символов и знаков, в том числе в искусстве.

Один из основоположников *феноменологического подхода к культуре* Э. Гуссерль утверждал, что «жизненный мир» и репрезентирующая его культура являются центральными смыслообразующими элементами и смысловым началом всего человеческого бытия [16, с. 172]. Благодаря методу «феноменологической редукции» человеческое сознание получило возможность освободиться и начать восхождение к подлинной духовной культуре. Феноменология как наука продолжает развиваться в различных направлениях, обнаруживая всё новые характеристики эмоциональной и когнитивной деятельности человека, ставя под сомнение однозначность оценки явлений культуры и предлагая альтернативный взгляд на неё [17].

Одна из первых попыток применения системного подхода к пониманию культуры принадлежит Л. Уайту [18]. Данный мыслитель рассматривает культуру как целостную и саморазвивающуюся систему материальных и духовных элементов. Крупнейшим завоеванием научной мысли XX века стала теория систем.

Она-то и есть основа, на которой вызрел системный метод культурологии. Иначе его называют системным подходом. М. С. Каган в «Философии культуры» замечает, что системное мышление обрело парадигмальный масштаб во второй половине XX века, когда во всех сферах культуры пришлось иметь дело с «целостными, сложными и сверхсложными системами, которые оказываются доступными познанию, преобразованию, управлению, проектированию именно в своей целостности, не допуская привычного аналитического расчленения и оперирования каждой частью порознь, ибо система всегда есть нечто большее, чем сумма составляющих ее частей» [19, с. 45].

«В рамках системного подхода культура рассматривается как система, складывающаяся и функционирующая во взаимодействии: объективной (любые культурные объекты) и субъективной (“слепок” культуры в сознании); рациональной и эмоционально-чувственной её составляющих; культурно-новационных механизмов и свойственных культуре способов обеспечения себестождественности; процессов производства, распространения (трансляции) и “присвоения” культурных ценностей и др.» [20, с. 145].

В итоге необходимо ещё раз подчеркнуть, что каждый из перечисленных выше подходов по-своему прав, и одновременно ни один не исчерпывает собой истины. Но именно различные акценты в понимании культуры и закладывают специфику различных подходов к определению и, соответственно, специфике исследования культурного пространства и культурной среды. Ниже рассмотрим, как различные подходы к культуре формируют различные парадигмы понимания культурного пространства и среды. И начнём с антропологического подхода.

Сторонники *антропологического подхода* акцентируют внимание на том, что «гуманитарная оптика, свойственная подлинной (не-редукционистской) антропологии, позволяет увидеть... что пространство — понятие не физическое, а экзистенциальное... Пространства нет вне культуры; нет никакого “физического” пространства до культуры, “после” культуры или без культуры... Само пространство (как и время) — культурное измерение бытия и, соответственно, чисто человеческий способ присутствия в сущем» [21, с. 15–16]. По мнению Е. А. Ключевой, культурное пространство может рассматриваться в качестве субстанциального

основания культурогенеза, берущего свои корни в свойствах человеческого существа — творца и творения культуры» [22, с. 85].

Таким образом, сторонники данной позиции достаточно смело и радикально утверждают зависимость самой категории пространства от человека и культуры как его имманентного качества.

Аксиологический подход развивается целым рядом современных авторов. Так, например, аксиологическое наполнение культурного пространства с социальной и личностной позиций развивается О. И. Горяиновой и П. И. Касаткиным, Е. А. Орловой и др.

О. И. Горяинова устанавливает связь социального и личностного факторов в формировании культурного пространства. Культурное пространство определяется ею как «совокупность ценностных отношений к опыту той или иной социальной группы, степень ценностной адаптации к нему, одним словом, превращение внешнего социального во внутреннее личностное достижение» [23, с. 13]. Говоря о культурном пространстве, П. И. Касаткин акцентирует внимание на его ценностной природе, утверждая, что именно оно аккумулирует ценностный потенциал духовной и материальной культуры. При этом автор отмечает, что по своей природе культурное пространство гетерогенно, ибо состоит «...из множества национальных культур, основанных на своих ценностях» [24, с. 11].

Аксиологический принцип заложен в экологической парадигме культурной среды Д. С. Лихачёва. Именно в культурной среде он видел необходимое условие духовного существования человека и его социальности. Учёный подчёркивал, что культурная среда «необходима для его духовной, нравственной жизни, для его “духовной оседлости”, для привязанности к родным местам, для нравственной самодисциплины и социальности. <...> Человек воспитывается в определенной, сложившейся на протяжении многих веков культурной среде, незаметно вбирая в себя не только современность, но и прошлое своих предков» [25, с. 50]. Концепция историко-культурной среды Э. А. Шулеповой совмещает достоинства аксиологического и социально-исторического подходов. По её мнению, культурная среда напрямую связана с образами наследия, посредством которых осуществляются процессы культурного наследования и преемственности [26, с. 56].

Социально-ментальный подход к культурному пространству развивает Е. А. Орлова, определяя его как «пространство реа-

лизации человеческой виртуальности (задатков, возможностей, способностей, желаний и пр.), осуществления социальных программ, целей и интересов, распространения идей и взглядов, языка и традиций, верований и норм» и т. д. [7].

Кристофер А. Бэйл, развивая метафизическую парадигму культурной среды, предлагает рассмотреть её как иммерсионную ментальную реальность для отображения контуров культуры как мега- и политекстовой системы [27].

По мнению Л. Г. Скульмовской, культурное пространство является частью *социального* [28]. Однако не всякое социальное пространство может рассматриваться как культурное. По мнению Н. Л. Пятковой, культурным может считаться лишь такое пространство, «где реализуются задачи и функции культуры, <...> такое пространство, которое оказывает прямое и непосредственное воздействие на развитие и формирование индивида, формируется культурной деятельностью людей, то есть пространство, в котором осуществляется деятельность человека по производству, распространению и потреблению культурных ценностей» [29, с. 12–13].

Примером рассмотрения культурного пространства с применением *феноменологического, герменевтического и семиотического подходов* могут служить наработки М. М. Бахтина, который в своих трудах неоднократно отмечал связь культурного пространства со смыслами, символами и значениями культурного бытия. Определяющим фактором формирования социокультурного пространства он считает «диалогические отношения далеких контекстов и близких контекстов, то есть между укоренившимися смыслами и определяющими их символами и значениями» [30].

Из современных исследователей в данном случае можно упомянуть работы В. В. Абашева, который исследуя пермский текст как локальную структурно-семантическую категорию русской культуры, делает сразу несколько интересных для данной статьи замечаний. Во-первых, автор непосредственно акцентирует неразрывность связи пространства и культуры, с одной стороны, и культуры и человека — с другой, отмечая, что «жизнь человека размещается в пространстве», при этом «локальное не растворяется в универсальном без остатка: человек не выносит смысловой и ценностной пустоты места, где он живет, ему насущно необхо-

дим его осмыслить и ценностно упорядочить» [31, с. 395–396]. Автор исследует культурное пространство Перми как текст и феномен русской культуры одновременно. При этом текст, насыщенный смыслами и придающий ценность человеческому существованию. Сам автор отмечает, что у основания данной идеи «лежит представление о творческой, конструирующей реальность энергии культуры. Ведь осваивая место, избранное для жизни, человек не только преобразует его утилитарно. Исходя из духа и норм своего языка и культуры, он организует новое место символически и тем самым, вырывая его из немого доселе ландшафта, приобщает к порядку культуры. Культура не нейтральна к физическому пространству, она его идеально переустраивает и трансформирует, сообщает ему структуру и смысл» [31, с. 5].

Д. Л. Спивак, развивая семиотический подход к рассмотрению культурной среды города, подчёркивает её метафизическую сущность, обусловленную ментальной составляющей [32].

Отдельного внимания заслуживают подходы, в которых понятия культурного пространства и среды напрямую пересекаются и определяются одно через другое.

Так, например, Д. А. Алисов определяет культурное пространство как «созданную людьми искусственную среду существования и самореализации». [33, с. 12]. Развивая этот тезис, Д. А. Алисов вводит ещё третью переменную, а именно культурный ландшафт, который, по его мнению, и располагается на стыке пространства (среды) и социума. Автор утверждает, что «город — это пространство (среда) и социум (*homosocialeest*) одновременно. На пересечении этих двух «составляющих констант» и возникает культурный ландшафт города» [345, с. 10].

Е. Н. Мастеница также определяет культурное пространство через понятие среды. По её мнению, культурное пространство — это созданная людьми искусственная среда, «организованная совокупность физических, символических объектов, технологий, нормативных и ценностных образований, включающих не только материальные (природные или искусственные)», но и то, что можно назвать «душа города» [35, с. 227].

Данный подход в силу своей широты и комплексности приближает нас к системному видению культурной среды и пространства, которые основаны на представлении культуры как системы. В рамках *системного подхода* культура определяется

как иерархичная сложноорганизованная система, отдельные элементы которой связаны друг с другом тесными отношениями взаимовлияния и взаимообусловленности. Согласно данной модели, в центре любой культурной общности находится так называемое культурное ядро, представляющее из себя совокупность наиболее базовых, неизменных характеристик (ценностей, норм, представлений, идеалов) той или иной культуры, её духовный фундамент [36]. По мере удаления от него наблюдается всё большее культурное своеобразие, происходит накопление культурных отличий. Механизм культурного развития сводится к взаимодействию культурного ядра общества с культурными вариациями, которые допустимо назвать субкультурами. При этом ядро культуры обеспечивает необходимое единство её структуры, а вырастающие из него субкультуры одновременно представляют собой и определённую целостность, и в то же время являются более или менее различающимися подсистемами этого целого. Все субкультуры способны взаимодействовать и общаться друг с другом благодаря существованию культурного ядра, то есть базовых ценностей, признаваемых всеми субкультурными образованиями. Ядро культуры является по существу культурным наследием, передающимся от поколения к поколению, оно выступает тем связующим началом, которое обеспечивает принадлежность всех представителей культурной общности к некому культурному целому, их восприятие друг друга как «своих».

Одним из вариантов развития системного подхода является *системно-структурный*, с одной стороны, основанный на качествах системы, с другой — на родовых качествах пространства. Как правило, любое культурное пространство структурировано и зонировано. Эти его неотъемлемые свойства легли в основу *структурного* подхода к его изучению.

А. В. Иконников в структуре пространства предлагает различать такие уровни, как физическое пространство (реальное физическое пространство как объективная действительность); концептуальное пространство (ментальная модель); перцептивное пространство (пространство в восприятии субъекта) [37, с. 51]. Другое традиционное деление городского пространства — на центр и периферию. В центре города традиционно наибольшее количество властно-административных структур, учреждений

культуры, культовых сооружений, архитектурных ансамблей, имеющих историческую ценность и т. д. Кроме того, центр является территорией, которую регулярно или периодически посещают все горожане. На периферии идёт нарастание однообразия и монотонности типовой застройки. Здесь, как правило, располагается незначительное количество культурных и властно-административных учреждений. По мнению В. Л. Каганского, центр интегрирует систему изнутри. Граница очерчивает её извне. Центр многоаспектно и многослойно дифференцирован и является пространственно самым сильным компонентом системы [38].

Такая модель культурного пространства позволяет совместить понятия центра и ядра культуры. Наложение этих моделей уточняет понимание процессов культурной преемственности и бесконфликтного культурного разнообразия.

Дополнение данной модели учётом семиотических факторов позволяет развить представление о специфике культурного пространства и определяет понимание того, что культурное ядро определяет своеобразие, которое необходимо отличает одну культурную общность от другой. Для каждой культурной среды (пространства) характерно создание собственного семиотического поля — системы общеизвестных всем её представителям знаковых средств, которые обеспечивают их взаимопонимание и повседневное взаимодействие. Применительно к культурному пространству региона (города) следует сделать ещё несколько уточнений. Естественно, что, находясь на территории определённой страны, государства, культура региона (города) необходимо впитывает этнические и национальные особенности своей страны, стремится к их сохранению и трансляции. Этот уровень можно условно назвать мегауровнем культурного ядра. При этом культура региона (города) включает ещё и собственные черты, присущие ей на основании принадлежности определённой территории. Так, например, столичные города отличаются от провинциальных. Этот уровень условно можно характеризовать как мезоуровень. Кроме того, культурное ядро города предполагает уровень ценностей, присущих только данному конкретному городу и определяющих его неповторимое лицо. Данный уровень можно условно назвать микроуровнем.

Для уточнения структуры ценностей, реализуемых на каждом из выделенных нами уровней, полезно обратить внимание

на такие уровни (срезы, модальности) культуры, как «материальная» и «нематериальная». Деление культуры на материальную и нематериальную традиционно, но отнюдь не бесспорно. На самом деле грань между ними условна и прозрачна. Так, например, архитектурный ансамбль вполне материален, однако напрямую связан с художественным творчеством своего создателя-архитектора, воплотившего в нём свои эстетические пристрастия, а также известные и соответствующие времени каноны и знания. А вот каноны, знания и ценности — это уже компоненты ментального плана.

Материальный уровень культурного ядра территории (ещё раз подчёркиваем условность такого деления) определяется особенностями архитектурно-планировочной среды и важнейшими материальными историко-культурными ценностями, определяющими его качественное своеобразие, и, что немаловажно, признаваемыми самими жителями в качестве ценностей культуры [39, с. 20]. В структуре нематериального пласта культуры правомерно выделить три основных компонента: знания, нормы, ценности. К первому можно отнести знания об историческом прошлом и традициях культурной общности. Исследование второго и третьего слоя требует проведения исследований в области городской антропологии, аксиологии культуры, социальной психологии. Исследования в этих областях позволят делать выводы о преобладающих ценностно-нормативных ориентациях жителей.

Таким образом, культурное пространство (среда), с точки зрения системного подхода, должно рассматриваться как сложная иерархичная система, реализуемая на материальном и нематериальном уровнях, в рамках которой можно выделить некое культурное ядро и ряд субкультурных образований, выделяемых по различным признакам.

Вышеизложенные концепции и подходы к пониманию культурного пространства (культурной среды) намечают такие основные грани, модальности существования (проявленности) данных понятий, как аспект физический (реальное пространство (среда)) и аспект перцептивно-ментальный (пространство, среда, воспринимаемые и отражённые в образах и понятиях). В соответствии с первым аспектом, культурное пространство выступает как вполне реальное физическое пространство, на котором располагаются

конкретные учреждения культуры — библиотеки, театры, кино-театры, музеи и др. С этой точки зрения, культурное пространство чётко локализуется в пространстве и задано, в том числе, и административными рамками. То есть культурное пространство понимается как определённая территория, обладающая совокупностью учреждений культуры и находящаяся в оперативном управлении городского управления культуры. Этот аспект можно назвать институциональным или, точнее, институционально-деятельностным, потому как культура представляется особой сферой, в рамках которой происходит создание, хранение, трансляция и накопление культурных ценностей. Соответственно изучение данной сферы предполагает изучение деятельности как создателей, так и потребителей культурных ценностей. Институциональный аспект культурной среды акцентирует внимание на системе взаимодействия субъектов и специфике их социокультурной деятельности и взаимовлияния.

Перцептивный аспект пространства и среды всегда связан с ментальной составляющей и образными характеристиками. Образный аспект совмещает в себе и интеллектуальное, и эмоциональное восприятие действительности. Образ «представляет собой систему наиболее ярких и мощных по выразительности знаков, символов, представлений и характеристик, отражающих сущностные черты чего-либо...» [39, с. 19]. Принцип же системности позволяет рассматривать явления во всей сложности и многообразии их взаимовлияния и, тем самым, является непреложно необходимым при изучении таких сложных явлений, как культурное пространство и культурная среда.

Литература и источники

---

1. Тейлор Э. Первобытная культура. Исследования развития мифологии, философии, религии, искусства и обычаев. М., 2002. 285 с.
2. Кассирер Э. Избранное. Опыт о человеке. М. : Гардарики. 1998. 450 с.
3. Хейзинга Й. Человек и культура // Современная западноевропейская и американская эстетика. М. : Книжный дом «Университет». 2002. С. 45–56.
4. Кант И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане // Кант И. Сочинения. М. : Мысль, 1966. Т. 6. 256 с.

5. Шиллер Ф. Письма об эстетическом воспитании человека // Шиллер Ф. Собр. сочинений. М. : Государственное изд-во художественной литературы, 1957. Т. 6. С. 251–358.
6. Гегель Г.В.Ф. Философия права // Гегель Г.В.Ф. Сочинения. М. – Л.: Соцэкгиз, 1934. Т. 7. 380 с.
7. Орлова Е.В. Культурное пространство: определение, специфика, структура // Аналитика культурологии. 2010. № 18. С. 149–152.
8. Вебер М. Принципы социологии истории и культуры // Вебер М. Избранные произведения. М. : Прогресс, 1990. С. 45–68.
9. Смелзер Н. Социология. М., 1998. 245 с.
10. Ионин Л.Г. Социология культуры : учебное пособие. М. : Логос, 1996. 280 с.
11. Коган Л.Н. Социология культуры. Екатеринбург, 1992. 120 с.
12. Цукерман В.С. Социология культуры и уральский регион. Челябинск, 1999. 265 с.
13. Дильтей В. Собрание сочинений : в 6 т. М. : Дом интеллектуальной книги, 2000. Т. 1 : Введение в науки о духе / Пер. с нем. под ред. В. С. Малахова. С. 270–730.
14. Лотман Ю.М. Избранные статьи : в трёх томах. Таллинн : Александра, 1992. Т. 1. Статьи по семиотике и типологии культуры. 479 с.
15. Лотман Ю.М. Культура и взрыв. М., 1995. 235 с.
16. Гуссерль Э. Феноменология искусства. М., 1996. 350 с.
17. Соколова И.Б. Феноменологический подход к анализу произведений культуры // Методология культурологического исследования (Культурологические исследования 06) : сборник научных трудов. СПб. : Астерион, 2006. С. 73–75.
18. Уайт Л. Избранное. Эволюция культуры. М., 2004. 1072 с.
19. Каган М.С. Философия культуры. СПб. : Петрополис, 1996. 356 с.
20. Аймермахер К. Знак. Текст. Культура / К. Аймермахер. М. : Дом интеллектуал. книги, 1998. 258 с.
21. Аванесов С.С. Городское пространство как антропологический феномен // Праксема. Проблемы визуальной семиотики. 2018. 2 (16). С. 15–16.
22. Ключева Е.А. Культурное пространство как научная категория // Общество. Среда. Развитие. 2015. № 4. С. 84–89.
23. Горяинова О.И. Культура повседневности в контексте методологии культурологического познания // Культурологический журнал. 2010. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kultura-povsednevnosti-v-kontekste-metodologii-kulturologicheskogo-poznaniya> (дата обращения: 14.05.2023).

24. Касаткин П.И. Культурное пространство: аксиологический аспект // Знание. Понимание. Умение. 2017. № 4. С. 145–156.
25. Лихачёв Д.С. Экология культуры // Прошлое – будущему : статьи и очерки. Л., 1985. С. 49–63.
26. Шулепова Э.А. Культурная среда исторического города: методология изучения и трансляция // Культурологический журнал. 2011. № 2. С. 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturnaya-sreda-istoricheskogo-goroda-> (дата обращения: 28.06.2023).
27. Christopher A. Bail The cultural environment: measuring culture with big data // Theory and Society. 2014. № 43. Pp. 465–482.
28. Скульмовская Л.Г. Теоретические и методологические предпосылки исследования культурного пространства города // Социокультурное пространство сибирского города: история и современность : сборник научных статей / Югорское отделение Русского географического общества, Центр охраны культурного наследия, Кафедра истории и политологии Югорского государственного университета. Выпуск 3. Ханты-Мансийск : Информационно-издательский центр, 2006. С. 4–12.
29. Пяткова Н.Л. Пространство в первобытной культуре : автореф. дис. ... канд. культурологии. Челябинск, 1997. 17 с.
30. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики: Исследования разных лет. М. : Худож. лит., 1975. 502 с.
31. Абашев В.В. Пермь как текст: Пермь в русской культуре и литературе XX в. Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 2000. 399 с.
32. Спивак Д.Л. Метафизика Петербурга. Французская цивилизация. СПб. : Алетейя, 2005. 528 с.
33. Алисов Д.А. Культура городов Среднего Прииртышья в XIX — начале XX вв. : монография. Омск : Изд-во ОмГПУ, 2001. 200 с.
34. Алисов Д.А. Культурный ландшафт города: концепция, структура, индикаторы // Культурные ландшафты городов Сибири (аксиология, история, практики : материалы X Всероссийского научного симпозиума «Проблемы культуры городов России» (Омск, 30 сентября 2020 г.) / Под ред. Д.А. Алисова, О.В. Петренко. Москва, Омск : Сибирский филиал Института Наследия, 2020. С. 7–17.
35. Мастеница Е.Н. Культурное пространство города: пути постижения и интерпретации // Труды Санкт-Петербургского института культуры. СПб., 2015. С. 223–237.
36. Горелова Ю.Р. Образные характеристики городской среды: сущность, механизмы формирования, Классификация // Омский научный вестник. 2012. № 3 (109). С. 234–238.

37. Иконников А.В. Пространство и форма в архитектуре и градостроительстве. М. : URSS, 2006. 349 с.
38. Каганский В.Л. Исследование российского культурного ландшафта как целого и некоторые его результаты // Международный журнал исследований культуры. 2011. № 4 (5). С. 26–40.
39. Горелова Ю.Р. Образ города в восприятии горожан : монография. М. : Институт Наследия, 2019. 154 с.

Раздел 2

ИНФРАСТРУКТУРА КУЛЬТУРНОЙ СРЕДЫ СОВРЕМЕННОГО ГОРОДА: ПРОБЛЕМНЫЕ ТОЧКИ И ПОТЕНЦИАЛ РАЗВИТИЯ

Хилько Н. Ф., Горелова Ю. Р.

ЦИФРОВИЗАЦИЯ КУЛЬТУРНОЙ СРЕДЫ СОВРЕМЕННОГО ГОРОДА: ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ (на примере Западной Сибири)

В статье раскрываются основные тенденции развития цифровизации в культурной среде городов Западной Сибири. Устанавливается смысл основного понятия «цифровизация культурного наследия». Дается общая характеристика процесса цифровизации культуры на современном этапе через анализ целевых индикаторов и показателей цифровизации сферы культуры РФ 2019–2024 гг. Выявлены сферы и уровни культурной среды города, в которых наиболее активно реализуется процесс цифровизации культурного наследия, а именно: музейная, информационно-просветительская, туристская, зрелищная, комплексная культурно-образовательная.

Ключевые слова: культурная среда, цифровизация, культурное наследие, QR-кодирование, цифровая оптимизация, интерактивные формы.

The article reveals the main trends in the development of digitalization in the cultural environment of the cities of Western Siberia. The meaning of the concept “digitalization of cultural heritage” has been established. A general description of the process of digitalization of culture at the present stage is given through an analysis of target indicators and indicators of digitalization of the cultural sphere of the Russian Federation for 2019–2024. The areas and levels of the cultural environment of the city are identified in which the process of digitalization of cultural heritage is most actively

implemented, namely: museum, information and educational, tourist, entertainment, comprehensive cultural and educational.

Keywords: *cultural environment, digitalization, cultural heritage, curcoding, digital optimization, interactive forms.*

Цифровизация культурной среды — новый для культурного пространства процесс, поэтому нужно максимально зафиксировать тенденции его развития. Возрастание цифрового контента, сосредоточенного в сфере культуры, даёт возможность большему количеству жителей городов приобщиться к культурному наследию и исторической памяти, оптимизировать традиционные способы передачи наследия через культурно-досуговую деятельность. В этом смысле следует согласиться с мнением С. Ю. Житенёва о том, что «цифровизация стала очередным этапом интенсивного развития межкультурной коммуникации у нас в России и во всем мире» [1, с. 13].

В то же время роль ИТ-технологий в культуре не до конца осмыслена, и опыт их использования недостаточно обобщён и систематизирован. Современная социокультурная ситуация в нашей стране привела к необходимости адаптации жителей городов к цифровой среде и повышения их квалификации как пользователей интернета. В то же время цифровизация в сфере культуры ставит особые задачи перед системой профессиональной подготовки кадров культуры. В первую очередь речь идёт о приобретении работниками культуры навыков работы с ИТ-технологиями, социальными сетями, современными технологиями распространения информации, способами приобщения к культурным благам в виртуальном пространстве [2].

Цифровизация культуры в современной городской среде также рассматривается с позиции цифрового развития региона [3, 4]. В частности, в сфере деятельности ряда городских музеев существует проблема отсутствия сайтов в сети Интернет, а также неразработанность теории проектирования и оценки качества контента музейных сайтов. Эту проблему неоднократно ставят современные исследователи. Так, например, А. О. Дыртык-оол указывает на отсутствие концепции информатизации музея, призванной «обеспечивать внедрение информационных технологий в музеи, оказывать помощь музейным сотрудникам в освоении информационных технологий и эксплуатации информационной

инфраструктуры. Важнейшими показателями, определяющими возможности предоставления населению информационных ресурсов в области культурного наследия, в частности этнокультурного наследия, являются объемы электронных каталогов музеев, а также наличие сайтов в сети Интернет» [5, с. 5].

Рассмотрим сущность понятия «цифровизация». В переводе с английского слово «цифровизация» (digitization) означает «оцифровка — процесс перехода от аналоговой формы к цифровой» [6]. При определении понятия «цифровизация» исследователями выделяются два уровня рассмотрения понятия — узкое и широкое. Учёными особо обращается внимание на изначально присутствующие два смысла термина «цифровизация», определяющие разнонаправленность этого явления: оно понимается как создание цифрового продукта и как его использование.

В предельно *узком смысле* значение термина диджитализация (digitization) используется тогда, когда происходит перевод — оцифровка культурных объектов, что даёт лёгкий и быстрый доступ к ним. Так, В. И. Игнатьев определяет цифровизацию (digitization — «оцифровка») как понятие, которое означает, с одной стороны, «изначальное создание нового продукта в цифровой форме» [7, с. 4]. По мнению В. Г. Халина и Г. В. Черновой, под «цифровизацией» понимается преобразование информации в цифровую форму, которое в большинстве случаев ведёт к появлению новых возможностей, в том числе и в области культуры [8]. Ещё в более узком, техническом плане цифровизация, по мнению Б. Панышина, означает *трансформацию* аналоговой формы передачи, обработки и представления данных (информации) в цифровую [9]. Таким образом, переход от оцифровки культурного объекта к его созданию в цифровой форме и затем к интеграции, преобразованию и трансформации приводит к расширительному пониманию цифровизации.

В *широком смысле* понятие «цифровизация» может трактоваться как интеграция в цифровую сферу культурных артефактов. С этим подходом смыкается и понимание цифровизации, предложенное А. О. Прончатовым, рассматривающим её как «глобальное движение..., охватывающее целый ряд мероприятий, связанных с переводом культурных артефактов в цифровую форму» [10, с. 6].

Цифровизация культуры, по мнению С. Ю. Житенева, — это форма преобразования «информации о количественном и каче-

ственном составе объектов культуры и культурных ценностей» на современных информационных платформах «путём сплошного непрерывного документального учёта на федеральном, региональном и местном уровнях» [1, с. 14].

Итак, с позиций цифровой культурной среды, цифровизация предполагает выбор приоритетов сохранения, трансляции и передачи культурных ценностей в цифровой форме.

А. Р. Прончатовым была осуществлена систематизация методологии исследования проблем цифровизации в культурной сфере. Автором были выделены такие подходы к данному явлению, как технологический, инфраструктурный, парадигмальный, регионально-сетевой, инновационный, глобалистский и экономический [10].

Наиболее близким к рассмотрению тенденций развития цифровизации культуры стоит *инфраструктурный подход*. Его используют всё большее количество зарубежных и российских исследователей (Т. В. Никуленко, Е. Б. Стариченко, D. Tilson, K. Lyytinen, K. Sørensen и др.). Сущность *инфраструктурного подхода* в том, что он делает акцент на высокой значимости цифровизации в структурной перестройке культурной сферы. Зарубежные авторы D. Tilson, K. Lyytinen и K. Sørensen, разъясняя смысл этого подхода, указывают, что цифровизация — это «социотехнический процесс применения цифровых методов в более широком социальном и институциональном контексте, который придает цифровым технологиям инфраструктурный характер» [11, с. 750]. Т. В. Никулина и Е. Б. Стариченко отмечают, что цифровизация «это не только перевод информации в цифровую форму, а комплексное решение» в сфере инфраструктуры культуры [12]. Этот подход, имея в основе технологичность, расширяет значение самого феномена цифровизации, вписывая её в более широкие круги социокультурных перемен. Таким образом, от простого социокультурного применения цифровых инструментов с позиций данного подхода данное явление анализируется ещё с позиции преобразования инфраструктуры.

С января 2019 г. в рамках национального проекта «Культура» начался процесс цифровизации услуг и формирования информационного пространства в сфере культуры. Подпрограмма «Цифровая культура» охватывает собой сферу городской культуры, сохранение и популяризацию культурного наследия городов.

Проект планируется осуществить до конца 2024 г. Он направлен на обеспечение свободного *доступа к культурному достоянию* для всех граждан, создание качественного интернет-контента и комфортной культурной цифровой среды [13].

Согласно данному проекту, по целому ряду целевых индикаторов должна наблюдаться позитивная динамика, отражающая ускорение темпов цифровизации сферы культуры (см. табл. 1).

Таблица 1

Целевые индикаторы и предполагаемые показатели цифровизации сферы культуры РФ 2019–2024 гг. [13]

№	Наименование показателя (индикатора)	Предполагаемое значение показателя по годам					
		2019	2020	2021	2022	2023	2024
1	Доля музеев, имеющих сайт в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, в общем количестве музеев Российской Федерации, %.	94	100	—	—	—	—
2	Количество созданных виртуальных концертных залов.	403	483	563	643	723	823
3	Количество выставочных проектов, снабжённых цифровыми гидами.	175	250	325	400	475	550
4.	Количество онлайн-трансляций мероприятий, размещаемых на портале Культура.РФ.	100	200	300	400	500	600
5	Доля публичных библиотек, подключенных к информационно-телекоммуникационной сети Интернет в общем количестве библиотек РФ, %.	91,3	100	100	100	100	100

Как видим из табл. 1, в проекте предусмотрены процессы, создающие условия для тенденций цифровой оптимизации деятельности в музейном, зрелищном, туристском и информационном направлениях развития цифровой культурной среды.

Анализ особенностей развития этого процесса позволил выявить следующие *сферы культурной среды города*, в которых наиболее активно реализуется процесс *цифровизации* культурного наследия, а именно: музейная, информационно-просветитель-

ская, туристская, зрелищная, комплексная культурно-образовательная. При этом процесс цифровизации осуществляется на разных уровнях.

Рассмотрим формы цифровизации, развивающиеся на различных уровнях. На первом уровне имеет место оцифровка культурных объектов и заполнение сайтов офлайн-контентом. На втором уровне происходит включение в сетевое пространство культуры с офлайн-трансляциями. Третий уровень характеризуется онлайн-трансляциями, а также созданием виртуальной интерактивной среды. Четвёртый уровень связан с внедрением дополненной реальности в пространстве интерактивного цифрового и мультимедийного сопровождения (цифровые аудио- и видеогиды). Так создаётся комплекс содержания цифровых продуктов в виртуальной интерактивной среде. При этом одни цифровые формы внедряются в большей степени в одних учреждениях культуры, а другие — в других. Так, в музейной сфере действует цифровое и мультимедийное сопровождение (цифровые аудио- и видеогиды) в пространстве музеев, экспоцентров и выставочных залов.

В информационно-просветительской сфере наряду с оцифровкой книжных памятников идёт формирование контента, цифровая каталогизация и заполнение им библиотечно-информационных сайтов в библиотечно-информационных центрах. Туристская сфера представлена наличием видеогидов и QR-кодов в пространстве экскурсионно-туристических маршрутов, а также исторических мультимедийных парков.

В зрелищной сфере (филармониях, культурно-досуговых центрах) интенсивно идёт процесс создания виртуальных концертных залов.

В пространстве комплексной культурно-образовательной сферы (в социокультурных кластерах) объединяются различные формы цифровизации: онлайн- и офлайн-трансляции, цифровые гиды; размещение офлайн-контента и создание виртуальной интерактивной культурно-образовательной среды.

Рассмотрим развитие цифровизации с целью обеспечения *открытого доступа* к культурным ценностям жителей сибирских городов. От общероссийских направлений развития цифровой культурной среды логично перейти к рассмотрению тенденции развития в культурном пространстве Сибири. Нужно отметить, что этот процесс идёт постепенно и не сразу распространяется на

учреждения культуры и искусства Сибири. В целом по Западной Сибири процесс цифровизации можно охарактеризовать следующим образом.

Первичный этап цифровизации, связанный с оцифровыванием объектов культуры, охватил практически все учреждения Западной Сибири. Позднее стали создаваться условия для размещения на сайтах, портале «Культура РФ». Цифровизация активно реализуется в пространстве музеев, парков, экскурсионных объектов, театров, концертных залов, культурно-досуговых учреждений. Впоследствии в культурной среде городов Западной Сибири активно происходит внедрение дополненной реальности, которое охватывает ряд музеев, туристско-экскурсионных организаций. Более полная виртуализация культурной среды связана с внедрением онлайн-просмотров в музеях, концертных залах, выставках Западной Сибири.

Следующий этап цифровизации культурной среды региона переводит виртуализацию в интерактивные формы. Это проявляется в сопровождении экскурсий и экспозиций выставок цифровыми гидами в музеях и на туристских маршрутах. Кроме того, цифровизация культурной среды региона связана с размещением регионального контента в мультимедийных музеях, в частности в пространстве исторического парка «Россия — моя история», отделения которого имеются в Тюмени, Омске, Новосибирске. Далее происходит включение цифрового контента в социокультурные кластеры.

В результате можно говорить о тенденции создания интерактивной цифровой среды в форме трансформации продуктов культуры. Данная тенденция проявляется в системе трансформации цифровых продуктов в виртуальное пространство мультимедийных музеев. Так, например, планируется создание Сибирского социокультурного кластера в г. Кемерово, предусматривающего интеграцию достижений российской отечественной культуры в форму культурно-образовательной деятельности. При этом происходит слияние технологий виртуальных музеев, онлайн-трансляций, выставочных проектов и виртуальных концертных залов с последующим *обновлением контента* [14].

Итак, в музейном, зрелищном и туристском компонентах цифровой культурной среды сибирских городов налицо *признаки*, свидетельствующие о возрастании уровня цифровизации в разных

сегментах культурного пространства: 1) наличие сайтов, информативность их содержания, внедрение цифровых гидов в музеях и интерактивных пространств в библиотеках, 2) характер регионального контента в мультимедийных музеях, 3) виртуализация концертных залов, 4) содержание онлайн-трансляций мероприятий, 5) широта содержания QR-кодов культурных объектов.

Активное размещение в сети Интернет контента сибирских музеев, как пишет П. П. Вибе, началось ещё в 1990-е годы. Среди музеев первые сайты появились у следующих музеев: Бийский краеведческий музей имени В. Бианки; Томский объединенный историко-архитектурный музей [15].

В направлении развития цифровизации, по данным сайта «Лучшие музеи Сибири», развиваются следующие музеи Западной Сибири: Омский и Новосибирский областные краеведческие музеи, Музей мировой погребальной культуры в г. Новосибирске, Кузбасский музей-заповедник «Томская Писаница», музеи Тюмени [16]. В целом наибольшее развитие цифровой культурный контент сайтов музеев отмечается в пяти городах: Тюмени, Омске, Новосибирске, Бийске и Кемерове.

По данным сайта «Туристер.ру», музейное пространство Новосибирска представлено 11 сайтами, Омска — 8 сайтами, Томска — 4 сайтами, Кемерова — 2 сайтами. В данном контенте имеет место литературное, этнокультурное, художественное наследие, архитектура, культурные события в контексте летописи советской эпохи, этнокультурные особенности городской среды [17]. По признаку *внедрения цифровых гидов в музеях России*, согласно плану деятельности Министерства культуры РФ, к 2024 году предполагается плановый рост степени цифровизации в 3,14 раза: с 75 до 550 [18].

В музеях и выставочных центрах ряда музеев Западной Сибири на основе российской платформы «Артефакт» появились цифровые гиды в Томске, Тобольске, Омске, Тюмени, Кемерове и других городах. Например, подобные технологии работают в Музее истории Томска, Тобольском губернском музее и Музее семьи императора Николая II в Тобольске, Омском литературном музее имени Ф. М. Достоевского, Новосибирском художественном музее, Музейном комплексе имени И. Я. Словцова в Тюмени, Кемеровском музее изобразительного искусства и др. Использование современных цифровых технологий делает более информативным,

интерактивным музейное пространство, городскую среду в целом, способствует сохранению и популяризации историко-культурного наследия среди горожан, особенно молодого поколения, делает город более привлекательным для туристов [19, с. 246–247].

Большого успеха достигают региональные отделения мультимедийных музеев. Здесь важнейшим является признак *наполняемости регионального контента*. Исторические парки «Россия — моя история» — самый масштабный экспозиционный комплекс в России. География его площадок простирается через всю Россию и насчитывает 24 города. В Сибири такие музеи есть в Омске, Новосибирске, Якутске и Тюмени [20].

Развитие цифровых технологий с течением времени затрагивает максимум сфер применения. Одна из таких областей — это музеи, которые стремятся сохранить историю предметов и достижений, но при этом не отставать от прогресса. Преподнесение материала здесь переходит на новый уровень с внедрением в культуру мультимедийных решений. В содержание регионального контента этих исторических парков входят археологические материалы, сведения о происхождении и образе жизни аборигенов, сведения о современных этносах.

В Якутском филиале наряду с репрезентациями истории Республики Саха (Якутия) мультимедийная экспозиция сообщает о происхождении и образе жизни эвенков, эвенов, чукчей и юкагиров. При этом иллюстративный ряд включает современные фотографии представителей этих народностей в национальных костюмах. Главной темой регионального контента в этом парке является история титульной национальности региона — якутов и характер их взаимоотношений с русскими. Из соседей якутов в экспозиции эпизодически фигурируют лишь буряты и монголы.

В Новосибирском филиале также экспонируются материалы о покорении Сибири русскими казаками через сюжеты о возведении острогов и строительстве Транссиба. При этом контент сибирских отделений, по мнению Вальдмана И. А., Красильниковой Е. И., Наумова С. С., представляет собой «искусственно очищенную от проблем и противоречий историю страны и ее отдельных регионов» [21, с. 45–49].

Цифровизация обслуживания в библиотеках заключается не только в наличии сайтов библиотек, но также связана с созданием широкой сети интерактивных пространств: информаци-

онных стендов, электронных каталогов, виртуальных читальных залов. Развитие *интерактивных пространств в библиотеках*, как и в музеях, сочетается с внедрением в их деятельности аудио- и видеогидов. Этот процесс в Западной Сибири только начинается. Первые шаги в направлении цифровизации уже сделаны: в библиотеках используются информационные системы учёта посетителей; осуществляется оцифровка культурного наследия; формируются электронные базы данных; создаются информационные порталы, виртуальные выставки; внедряются технологии дополненной (augmented reality) и виртуальной реальности (virtual reality). Цифровизация создаёт качественно новые возможности для библиотечно-информационного обслуживания. Библиотеки становятся неотъемлемой частью не только отечественной, но и мировой информационной инфраструктуры. Большое влияние на способы поиска и получения информации оказывают интернет-технологии, а электронные книги трансформируют привычные формы чтения [22].

В качестве примера приведем деятельность Городского центра информатизации «Эгида» г. Новосибирска. Содержанием виртуальных информационных экскурсий является формирование интереса читателей к чтению через информирование по различным темам, связанным с культурой города. Создание аудиогидов, где используются короткие фразы, жизненные истории, относится к разновидности рассказывания историй или сказительства. Этот процесс сопровождается регулярными конкурсами аудиогидов «Дом, в котором я живу», который проходит в рамках сайта «Библиотека сибирского краеведения» [23].

В Тюменской областной библиотеке реализован проект с применением цифровых технологий, позволивший создать восемь видеогидов по книжным памятникам с применением технологии «QR-код». Созданные *видеогиды* в простой, удобной, информативной и доступной форме дают возможность познакомиться с уникальными изданиями, включёнными в реестр книжных памятников Российской Федерации и хранящимися в Тюменской областной научной библиотеке. Знакомство с данными видеороликами-буктрейлерами будет интересно любой возрастной категории читателей [24].

Процесс расширения *интернет-ресурсов зрелищной культуры* проявляется в увеличении количества интерактивных форм взаи-

модействия виртуальных концертных залов и онлайн-трансляций мероприятий.

В городах Западной Сибири ведётся активная работа по внедрению виртуальных концертных залов. В регионе открываются *виртуальные концертные залы*, которые дают возможность слушать концерты выдающихся российских и зарубежных музыкантов, видеть постановки мировых спектаклей, легендарных балетов и мюзиклов в прямой трансляции или в записи в различных регионах страны. Проект создания виртуальных концертных залов был запущен Министерством культуры РФ в 2014 г. В этот год подобные залы были открыты на базе филармоний в Омске, Томске, Сургуте, Тюмени [25].

Например, в рамках национального проекта «Культура» на базе Томской филармонии в 2016 г. был оборудован Виртуальный концертный зал, оснащённый светодиодным экраном и акустической системой. Виртуальные концерты проходят в Камерном зале филармонии. Посетители этих мероприятий имеют возможность смотреть и слушать лучшие концерты из Московской государственной академической филармонии имени П. И. Чайковского [26]. В 2018 г. появились виртуальные концертные залы в филармониях Новосибирска и Барнаула. С 2019 г. этот проект продолжает реализовываться: расширяется сеть *пространства размещения* виртуальных концертных залов, открываются залы при культурно-досуговых центрах, библиотеках. В 2019 г. концерты стали давать виртуальные залы: в Тобольске в Доме культуры «Синтез», в Тюмени в Центре культуры и искусства «Современник». В 2020 г. был открыт подобный зал в Кемерове на базе Государственной научной библиотеки Кузбасса имени В. Д. Фёдорова. Он оснащен высокопрофессиональной техникой, позволяет посетителям увидеть онлайн-трансляции, записи с ведущих концертных площадок России и мировых концертных залов. При этом создаётся эффект полного присутствия и погружения в мир искусства [27]. В частности, в Новосибирской филармонии создан виртуальный концертный зал. В культурно-досуговом центре «Гармония» г. Новосибирска виртуальный концертный зал открылся в декабре 2021 года [28]. Позднее в Омске в 2022 г. был открыт виртуальный зал во Дворце культуры Кировского района.

Ещё одним признаком цифровизации форм зрелищной сферы культурной среды выступает наличие *онлайн-трансляций*,

онлайн-показов и онлайн-демонстраций мероприятий. Все эти виды интерактивного представления продуктов культуры отражают многообразные сферы культуры региона.

На основании анализа данных сайта «Культура.РФ» на предмет содержания цифровизации зрелищной культуры (2020–2022 гг.) было установлено значительное число онлайн-показов в направлении традиционной культуры и этнокультурного наследия Сибири.

Например, это онлайн-представления народных традиций регионов (Новосибирской и Томской областей, Алтайского и Красноярского краёв, Республики Бурятия). В содержании этих виртуальных представлений актуальным является *показ историко-культурного достояния Сибири* через спектакли, демонстрацию музейных экспонатов. Кроме того, большое просветительское значение имели онлайн-демонстрация мировых коллекций искусства, виртуальное посещение старейших театров, онлайн-встречи на самые разные темы — поэзии, культурного туризма, литературных новинок (Омск, Барнаул) [29].

Важной частью цифровизации является фиксация в онлайн-формах региональных и городских культурных инициатив. Тематика этого направления развития цифровой культурной среды — самая разнообразная. Это могут быть онлайн-трансляции праздников города, Дней искусств, выступлений творческих коллективов, показ знаковых событий города, фестивалей, творческих встреч, показ спектаклей театров, виртуальные экскурсии по музеям. По формам проведения, это в основном прямые онлайн-трансляции или презентации на сайтах или в виртуальных концертных залах (см. табл. 2).

Таблица 2

**Тематика онлайн-мероприятий сибирских городов,
размещённых на портале «Культура.РФ»**
[30, 31, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 38]

№	Город	Название онлайн-мероприятий	Форма проведения	Тематика
1	Тюмень	«Люблю тебя, мой край Тюменский»	Онлайн- трансляция ВКЗ	История и краеведение

Продолжение табл. 2

№	Город	Название онлайн-мероприятий	Форма проведения	Тематика
2	Омск	Трансляция акции «Ночи музеев»	Онлайн-демонстрация экспонатов	Знакомство с декоративно-прикладным искусством, символами царской власти из Турции и Ирана
3	Новосибирск	«Живое наследие Сибири» 2022 г. «Кладезь славянской культуры». Онлайн-трансляция мероприятий Дня города — 2023. Военно-исторический фестиваль «Сибирский огонь»	Онлайн-трансляции концертов, концертных программ, мероприятий	Выступление народных коллективов, фольклорных ансамблей. Достижения в сфере культуры и искусства города к юбилею (130 лет)
4	Барнаул	«Концерт любительских и профессиональных коллективов». Фестиваль «Издано на Алтае». XI Всероссийский фестиваль традиционной культуры «День России на Бирюзовой Катунь»	Онлайн-трансляция мероприятий	Декады народной музыки «Звучат народные инструменты России». Посещение старейших театров, просмотр архитектурных памятников Алтайского края
5	Томск	«Ночь искусств»: «Сводный детский хор Томской области»	Онлайн-трансляция мероприятий	Прослушивание фольклорных произведений
6	Красноярск	Фестиваль «Сибирская Масленица», краевой праздник «День минусинского помидора» (21 августа 2021), выступления Красноярского академического симфонического оркестра	Онлайн-трансляция мероприятий	Показ народных традиций

Окончание табл. 2

№	Город	Название онлайн-мероприятий	Форма проведения	Тематика
7	Иркутск	День иркутского кино	Онлайн-трансляция	Иркутская область стала первым регионом в России, где празднуют день местного кинематографа
8	Республика Бурятия	День Республики Бурятия	Онлайн-трансляция	Интересные встречи на самые разные темы — поэзии, культурного туризма, литературных новинок, национальной музыки
9	Кемеровская область	Музейные маршруты России. Кемерово	Презентация в рамках онлайн-трансляции	Популяризация уникального культурно-исторического наследия Кузбасса
10	Республика Тува.	Спектакль «Степь» Тувинского театра кукол по мотивам пьесы Виталия Петрова	Онлайн-трансляция спектакля	История и краеведение

Согласно сайту «Культура. РФ», QR-кодирование в Сибири осуществлялось в 11 городах в 2012–2020 гг. По содержанию контента QR-кодирования преобладают памятники архитектуры и деревянного зодчества (в 4-х проектах), чаще всего уникальные. Особенно выделяются купеческие особняки (Барнаул, Омск, Томск, Тюмень). Нередко даются исторические справки по развитию архитектуры, истории отдельных зданий (Новосибирск, Омск, Барнаул). Особый интерес представляют этнокультурные арт-объекты в Сургуте и Ханты-Мансийске, памятники геолого-добытчикам в Сургуте. Отдельного внимания заслуживает инициатива QR-кодирования воинских захоронений в Красноярске [39].

В пространстве туризма активно используется, например, *QR-код-технология* — нанесение на памятники истории и куль-

туры QR-кодов, которые можно считать мобильными устройствами и переходить на сайт, где приведена информация о данном здании или сооружении, история его создания, архивные фотографии объекта [39]. Создаются специальные *мобильные приложения*, отражающие информацию об историко-культурных памятниках и достопримечательностях города, туристических ресурсах. С помощью специального приложения, установленного на смартфон, стало возможным увидеть облик города в исторической ретроспективе: посмотреть, как выглядели достопримечательности и улицы города в прошлом, что представляли собой объекты, которые не сохранились или были перестроены. Приложение способно автоматически определять местонахождение, предлагает пользователю ознакомиться с фотографиями близ расположенных исторических объектов и информацией о них; можно также увидеть архивное изображение поверх современного здания или улицы, наведя на них камеру.

Приведём, как пример, проект «QR-город», который был запущен в 2012 г. в Тюмени. В «кьюаризацию» Тюмени входят памятники архитектуры, деревянное зодчество, парки, скверы, «визитные карточки города». В *Барнауле* проект «QR-город 2012» охватывает купеческие особняки. В нём используются статьи о храмах, зданиях неоклассики советской эпохи, истории зданий и исторические факты.

В 2013 г. к QR-кодированию присоединились Тобольск, Ханты-Мансийск. Графические коды получили распространение в Омске и Кемерове. В этот же год Музеем города Новосибирска, компанией МТС и мэрией Новосибирска был реализован инновационный историко-культурный проект «Виртуальная история» на основе *технологии дополненной реальности*. В Новосибирске QR-кодами было охвачено 22 памятных объекта, включая историю архитектуры, справки о здании, архивные фото.

В этом же году в г. Омске был осуществлен совместный проект Министерства культуры Омской области и оператора связи «Билайн» «Омск на ладони». В 2019 г. в Омске в рамках реализации проекта под руководством начальника управления коммуникационной политики ОмГТУ Александры Козулиной, который поддержала «Росмолодежь», было разработано приложение «Омск: Ожившая история» с технологией дополненной реальности, которое позволяет проводить экскурсии по городу, даёт возмож-

ность отследить локации важнейших объектов, познакомиться с исторической справкой, увидеть архивные фотографии, а также послушать небольшую лекцию анимированного гида. Наиболее масштабно «кьюаризация» в 2013 году проходила в Томске. В рамках проекта «QR-Томск. История по-новому» в настоящее время графические коды появляются более чем на четырёхстах памятниках архитектуры и других ценных зданиях [40].

В 2020 г. в Омске при поддержке федерального агентства по делам молодёжи «Росмолодежь» был реализован проект «Город говорит», руководителем которого стал председатель Молодёжного общественного совета при горсовете Андрей Бем. В центре города на асфальте была проведена красная линия, связавшая 25 главных достопримечательностей, на которых разместили QR-коды, отсканировав которые, можно перейти на сайт, где расположена вся информация о памятнике, а также аудиогид, который может «провести экскурсию» [40, с. 10].

Анализ проблем цифровизации культурной среды современного города позволил выявить следующие тенденции развития, которые намечаются в культурных учреждениях городов Западной Сибири.

Происходит поэтапное обеспечение открытого доступа к культурным ценностям жителей сибирских городов. Возрастает трансформация продуктов культуры в цифровую форму с созданием интерактивной цифровой среды. Идёт интенсивное внедрение цифровизации культурных услуг музеев в информационное пространство культуры. Развивается интеграция цифровой культуры в социокультурные кластеры. Имеет место расширение интернет-ресурсов зрелищной культуры за счёт количества интерактивных форм взаимодействия. Идёт процесс постоянного обновления регионального контента мультимедийных музеев. Устанавливается более тесная связь QR-кодирования памятников Сибири с развитием туризма.

Литература и источники

1. *Житенёв С.Ю.* Новые информационные технологии и современная культура коммуникаций: состояние, определения и вопросы развития // Цифровизация культуры и культура цифровизации: современные проблемы информационных технологий : материалы

- Всерос. науч. конф. (08 октября 2020 г.) / Под ред. С. Ю. Житенёва ; Институт Наследия. М. : Институт Наследия, 2020. С. 12–14.
2. *Моисеева Т.А.* Цифровые технологии как фактор обеспечения доступа к культурным ценностям // Государственное управление и развитие России: вызовы и перспективы : сб. статей. Пенза : Пензен. гос. аграр. ун-т, 2018. С. 50–57.
  3. *Гендина Н.И., Колкова Н.И., Рябцева Л.Н.* Цифровизация в сфере культуры: сущность, нормативно-правовое регулирование, приоритетные направления совершенствования кадрового обеспечения // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2020. № 50. С. 183–197.
  4. *Губченкова А.С., Чеснова О.А., Еникеева Л.А.* Проблемы цифровизации сферы культуры Российской Федерации // Петербургский экономический журнал. 2019. № 4. С. 52–60.
  5. *Самаковская О.В.* Проблемы использования информационно-коммуникационных технологий в музеях Западной Сибири (опыт регионального исследования музеев, содержащих этнографические коллекции // Музееведение и историко-культурное наследие. Выпуск IV [Электронный ресурс] : сборник статей /А.М. Кулемзин, Д.Д. Родионова, Ю.П. Степанова [и др.] ; под ред. А.М. Кулемзин. Кемерово : Кемеровский государственный институт культуры, 2012. С. 75–80.
  6. Collins Dictionary (n. d.). Definition of 'digitize'. Retrieved December 15, 2021. URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/digitize> (дата обращения: 03.07.2022).
  7. *Игнатьев В.И.* Информационная перегрузка социальной системы и её социальные последствия // Социологические исследования. 2017. № 7. С. 3–12.
  8. *Халин В.Г., Чернова Г.В.* Цифровизация и ее влияние на российскую экономику и общество: преимущества, вызовы, угрозы и риски // Управленческое консультирование. 2018. № 10. С. 46–63.
  9. *Паньшин Б.* Цифровая экономика: понятия и направления развития // Наука и инновации. 2019. № 3 (193). С. 48–55.
  10. *Прончатов А.О.* Содержание цифровизации в сфере культуры: методологические подходы к изучению // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2022. № 3 (304). С. 85–82.
  11. *Tilson D., Lyytinen K., Sørensen K.* Research Commentary: Digital Infrastructures: The Missing IS Research Agenda // Information Systems Research. 2010. Vol. 21 (4). P. 748–759.

12. Никулина Т.В., Стариченко Е.Б. Информатизация и цифровизация образования: понятия, технологии, управление // Педагогическое образование в России. 2018. № 8. С. 107–113.
13. Федеральный проект «Цифровая культура» // Министерство культуры РФ: сайт. 2004–2023. URL:<https://culture.gov.ru/about/national-project/digital-culture/> (дата обращения: 03.07.2022).
14. Шунков А.В., Пономарёв В.Д. Кемеровский государственный институт культуры в Сибирском кластере искусств: интеграция науки, образования и творчества для развития человеческого потенциала в регионе // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2018. № 45–2. С. 13–20.
15. Вибе П.П. Музеи Сибири в глобальной информационной сети Интернет // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. 1999. №7. С. 110–115.
16. Лучшие музеи Сибири // Музейный инфоцентр: Проект Партнерства ТИЦ: сайт. URL:<https://visitmuseums.ru/museums-of-siberia.html> (дата обращения: 19.06.2023).
17. Музеи Омска // Туристер: сайт. 2009–2023. URL: <https://www.tourister.ru/world/europe/russia/city/omsk/museum> (дата обращения: 02.10.2023).
18. План деятельности Министерства культуры РФ на 2019–2024 гг. // Министерство культуры РФ: сайт. 2004–2023. URL:<https://culture.gov.ru/upload/iblock/143/1432f6f4c2fa7daafc7528a839e6d92.pdf> (дата обращения: 02.10.2023).
19. Гефнер О.В. Цифровизация и культурный ландшафт современного города (на примере Новосибирска) // Культурные ландшафты городов Сибири (аксиология, история, практики) : материалы X Всероссийского научного симпозиума «Проблемы культуры городов России» (Омск, 30 сентября 2020 г.) / Под ред. Д.А. Алисова, О.В. Петренко. Москва, Омск : Сибирский филиал Института Наследия, 2020. С. 243–248.
20. Высокие технологии в музеях: современные мультимедийные решения // LCDTOP: сайт. URL:<https://lcdtop.ru/stati/vysokie-tehnologii-v-muzeyah-sovremennye-multimediynye-resheniya> (дата обращения: 02.10.2023).
21. Вальдман И.А., Красильникова Е.И., Наумов С.С. Исторический парк «Россия — моя история»: региональный контент versus идеология и смыслы основной экспозиции мультимедийного проекта // Преподаватель XXI век. 2019. № 3–2. С. 219–238.
22. Нещерет М.Ю. Цифровизация процессов обслуживания в библиотеках — это уже реальность // Библиосфера. 2019. № 2. С. 19–25.

23. Кузменкина Л.А. Аудиогид — это создание своеобразного спектакля // Интерактивное образование: электронная газета. 2006–2023. URL: <http://io.nios.ru/articles2/115/15/audiogid-eto-sozdanie-svoego-braznogo-spektaklya> (дата обращения: 02.10.2023).
24. Тобольск — ключ к Сибири: сайт. URL: <https://tobolsktravel.ru> (дата обращения: 02.10.2023).
25. Город будущего. Как «умные» технологии меняют мир // Аргументы и Факты. Тюмень: сайт. 2023. URL: https://tmn.aif.ru/society/details/gorod_budushchego_kak_umnye_tehnologii_menyayut_mir (дата обращения: 14.03.2021).
26. Томская филармония: сайт. URL: <https://tomskfil.ru/virtual-hall/> (дата обращения: 19.06.2023).
27. Виртуальный концертный зал // Государственная научная библиотека Кузбасса имени В.Д. Федорова: сайт. 2001–2023. URL: <https://kemrsl.ru/vkz/> URL: <https://kemrsl.ru/vkz/> (дата обращения: 19.06.2023).
28. Виртуальный зал в Коченевском районе Новосибирска провел первую трансляцию // Национальные проекты.рф: сайт. 2020–2023. URL: [/news/virtualnyy-zal-v-kochenevskom-rayone-novosibirska-provel-pervuyu-translyatsiyu](https://news.virtualnyy-zal-v-kochenevskom-rayone-novosibirska-provel-pervuyu-translyatsiyu) (дата обращения: 19.06.2023).
29. Культура.РФ: сайт. 2013–2023. URL: <https://www.culture.ru/> (дата обращения: 19.06.2023).
30. Тува-онлайн: Сетевое информационное агентство: сайт. 2001–2023. URL: <https://www.tuvaonline.ru> (дата обращения: 19.06.2023).
31. Афиша Омска // Культура.РФ: сайт. 2013–2023. URL: <https://www.culture.ru/afisha/omsкая-oblast-omsk?tags=kultura-onlain&period=today> (дата обращения: 19.06.2023).
32. Новости Новосибирска и Новосибирской области // BezFormata. Com. 2–23. URL: https://novosibirsk.bezformata.com_ (дата обращения: 19.06.2023).
33. Афиша городского округа город Тюмень // Культура.РФ: сайт. 2013–2023. URL: <https://www.culture.ru/afisha/tyumenskaya-oblast-tyumen> (дата обращения: 19.06.2023).
34. Афиша Барнаула // Культура.РФ: сайт. 2013–2023. URL: <https://www.culture.ru/afisha/altaiskii-krai-barnaul> (дата обращения: 19.06.2023).
35. Региональный проект «Цифровизация услуг и формирование информационного пространства в сфере культуры («Цифровая культура») (Красноярский край) // Красноярский край. Проектное управление: сайт. URL: <http://project.krskstate.ru/nacprojects/culture/regproject/0/id/43069> (дата обращения: 19.06.2023).

36. Цифровая культура (Томская область) // Стратегия 24: общероссийская платформа: сайт. URL: <https://strategy24.ru/70/culture/projects/tsifrovaya-kultura-tomskaya-oblast> (дата обращения: 19.06.2023).
37. Новости министерства культуры // Министерство культуры Иркутской области: официальный сайт. URL: <https://irkobl.ru/sites/culture/news/news/1295673> (дата обращения: 19.06.2023).
38. Афиша Улан-Удэ // Культура.РФ: сайт. 2013–2023. URL: <https://www.culture.ru/afisha/respublika-buryatiya-ulan-ude?tags=kultura-onlain> (дата обращения: 19.06.2023).
39. QR-коды: новая реальность для больших городов // Живой журнал / Livejournal.com: сайт. URL: <https://qr-gorod.livejournal.com/671.html> (дата обращения: 19.06.2023).
40. *Гефнер О. В.* Цифровизация и социокультурная среда современного города (на материалах городов Западной Сибири) // Электронный научно-методический журнал Омского ГАУ. 2021. № 1 (24) январь – март. URL: <http://ejournal.omgau.ru/images/issues/2021/1/00905.pdf> (дата обращения: 19.06.2023).

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ В РЕПЕРТУАРНОЙ ПОЛИТИКЕ СОВРЕМЕННОГО СИБИРСКОГО ТЕАТРА

В статье отражены результаты исследования места отечественного историко-культурного наследия в репертуарной политике современных сибирских театров. Проведен контент-анализ репертуара 37 государственных театров 12 городов Западной Сибири за 2016–2023 гг., который выявил 697 (23 %) постановок, отражающих различные виды отечественного нематериального культурного наследия: классическое искусство, этническую (народную) культуру, театральное наследие, региональные и общероссийские «идеи, ценности и символы». Созданные театральные образы формируют мировоззрение, патриотические чувства к большой и малой Родине, историческую память о знаковых личностях и событиях отечественной и местной истории, представления о национальном культурном наследии. Наиболее уязвимыми в плане искажения и фальсификации являются образы историко-культурного наследия: этнические, персональные и военные. Этот факт актуализирует необходимость дальнейшего развития практик научного консультирования и экспертизы со стороны историков, этнографов и культурологов.

Ключевые слова: нематериальное культурное наследие; театральное искусство; театры Западной Сибири; репертуарная политика.

The article reflects the results of the study of the place of the national historical and cultural heritage in the repertoire policy of modern Siberian theaters. A content analysis of the repertoire of 37 state theaters and 12 cities of Western Siberia for 2016–2023 was carried out, which revealed 697 (23 %) productions reflecting various types of domestic intangible cultural heritage: classical art, ethnic (folk) culture, theatrical heritage, regional and all-Russian “ideas, values and symbols”. The created theatrical images form a worldview, patriotic feelings for the great and small Motherland, historical memory of iconic personalities and events of national and local history, ideas about the national cultural heritage. The most vulnerable in terms of

distortion and falsification are the images of historical and cultural heritage: ethnic, personal and military. This fact actualizes the need for further development of the practices of scientific consulting and expertise on the part of historians, ethnographers and culturologists.

Keywords: *intangible cultural heritage; theatrical art; theaters of Western Siberia; repertoire policy.*

Синтетическая природа, коллективность творчества и восприятия, доступность, сиюминутность и эмоциональность театрального искусства определяют социальные функции театра — коммуникативную, развлекательную, познавательную, ценностную, социализирующую, формирующую общественное сознание и эстетический вкус, нравственность и политическую зрелость [1]. Отмеченные социокультурные особенности определяют неубывающий интерес исследователей и органов исполнительной государственной власти к «самому зрелищному из искусств».

Социологический мониторинг состояния современного российского театра в рамках изучения общественного мнения (ВЦИОМ), театральной социологии, культурологических региональных и общероссийских проектов выявляют проблемные зоны как в культурной политике в отношении театрального искусства РФ, так и в предпочтениях зрителей и репертуарной политике театров [2–7]. Зафиксировано перманентное снижение зрительской «грамотности» и активности, которое усилилось в период пандемии и самоизоляции 2020–2021 гг. Обнаружено, что респонденты рассматривают театр, прежде всего, как место досуга, которое должно быть доступным во всех смыслах. Доступным финансово, территориально в центре и провинции, технически — в онлайн- и офлайн-форматах, для людей с ограниченными возможностями. Доступным для восприятия, понимания и в то же время театр должен оставаться местом высокого искусства, прививающим культуру и хороший вкус [6]. Театр, по мнению современного зрителя, должен быть «более гуманистичным», свободным от стереотипов, политических, внутренних и внешних рамок. Выявленные исследователями репертуарные предпочтения театральной аудитории в виде развлекательного и эмоционально-драматического репертуара, сочетающего традиции, современные тенденции и творческий эксперимент, отражаются в репертуарной политике театров.

Проблемы культуры и культурной политики Правительство, Президент РФ и органы исполнительной власти решают на уровне изменений законодательства. Согласно четвёртому пункту статьи 68 Конституции РФ, внесённому и одобренному в ходе общероссийского голосования 1 июня 2020 г., культура провозглашается уникальным наследием многонационального народа Российской Федерации, поддерживается и охраняется государством [8, с. 25]. В «Основах государственной культурной политики РФ» (утв. Указом Президента РФ от 24 декабря 2014 г. № 808) культура возведена в ранг национальных приоритетов, признается достоянием, как и природные богатства, важнейшим фактором роста качества жизни и гармонизации общественных отношений, залогом динамичного социально-экономического развития, гарантом сохранения единого культурного пространства и территориальной целостности России [9]. В изменившейся политической и социокультурной ситуации последних лет в январе 2023 г. в «Основы...» [10] вносятся существенные дополнения с учётом ключевых моментов «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» (Указ от 02.07.2021 г. № 400) и «Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» (Указ от 9 ноября 2022 г. № 809). Культура, как подчёркивается в новой редакции документа, должна обеспечивать сохранение гражданского единства, защиту национальных интересов и достижение национальных целей развития РФ. «Формирование нравственной, социально ответственной, самостоятельно мыслящей, творческой личности, разделяющей традиционные российские духовно-нравственные ценности», провозглашается главным условием реализации этих условий [10]. Подчёркивается основополагающая роль «единения» науки, образования и искусства в реализации отмеченной общественной миссии. В деятельности организаций культуры (в том числе театров) взят курс на усиление их роли в деле исторического и культурного просвещения и духовно-нравственного воспитания граждан. Для этого предлагается использовать уникальное российское культурное наследие, в том числе литературное, музыкальное, художественное, театральное и кинематографическое [10].

Миссия и основополагающая роль театра, как части и организации культуры, в развитии и самореализации личности, в гума-

низации общества и сохранении национальной самобытности российской культуры закреплена Постановлением Правительства РФ «О государственной поддержке театрального искусства в Российской Федерации» в «Положении о театре Российской Федерации» (25.03.1999 г. № 329, ред. от 23.12.2002 г. № 919, от 14.07.2020 г. № 1040) [11]. Для осуществления возложенных на него миссий современный театр использует все имеющиеся творческие средства: репертуар, творческий потенциал постановщиков, режиссёра и актёров, декорации и технические возможности сцены, различные формы взаимодействия со зрителем — текущие спектакли, читки новых пьес и встречи со зрителем, концерты, творческие проекты, перформансы в дни юбилейных событий и Ночи искусств, онлайн-каналы и онлайн-спектакли, информационные и дискуссионные блоги в социальных сетях и т. д.

В данной статье представлены результаты исследования, проведённого с целью определения места отечественного историко-культурного наследия в репертуарной политике современного сибирского театра, на примере Западной Сибири. Это позволило, во-первых, выявить востребованность театром историко-культурного наследия в реализации отмеченных развивающих, воспитательных, просветительных, «сохраняющих и укрепляющих» функций. Во-вторых, раскрыть специфику и динамику формируемых и транслируемых образов. И, наконец, установить готовность современного сибирского театра к выполнению возложенных на театральное искусство общественных миссий.

Фронтальный просмотр современной литературы в научных каталогах РГБ, Омской областной государственной научной библиотеки имени А. С. Пушкина, научной электронной библиотеки Elibrary.ru выявил локальные исследования по темам «театр как культурное наследие», «театральное культурное наследие и практика его сохранения»; текстов, освещающих проблему историко-культурного наследия в репертуаре театров Западной Сибири в 2016–2023 гг., не обнаружено. Отметим работы, в которых заложен важный для нашего исследования посыл. В. С. Малеев обращает внимание на огромный потенциал спектаклей в музейной практике художественного выражения историко-научного материала, воссоздания и презентации нематериального культурного наследия посредством включения в экспозиции «синтетических музейно-театральных форм» в виде реконструкции событий, об-

рядов, персональных историй. Автор приводит интересный опыт работы музеев с документальным театром, примеры применения традиционных, променадных, иммерсивных и радиопредставлений в музее истории Екатеринбурга, архитектурно-этнографическом музее Семенково Вологодской области и др. [12]. Огромные возможности театров в сохранении и трансляции ценностей национальной культуры, историко-культурного наследия (классического, мирового, национального) раскрываются исследователями на примере Китайской оперы и Драматического театра Бурятии [13, 14].

Проблемы репертуара и репертуарной политики современного (для своего времени) театра так или иначе изучались театроведами, социологами, историками и культурологами в зависимости от предмета, целей, территориальных и хронологических рамок исследования. Мы отметим наиболее близкие к интересующей нас теме, новационные в теоретическом и практическом плане проекты.

В конце 1960–1970-х гг., по свидетельству В. Н. Дмитриевского [15; 16, с. 47–56], в изменившихся внутривластных и социокультурных ситуациях советское искусствоведение и театроведение, как и другие гуманитарные дисциплины, расширяют свои предметные области, обновляют познавательные подходы, обращаются к междисциплинарным, комплексным исследованиям проблем театра, в том числе современного репертуара и репертуарной политики. Популярной научно-коммуникативной практикой становятся междисциплинарные научные форумы с участием представителей социально-гуманитарных и точных наук. Снижение идеологического прессинга, расширение информационного поля, в том числе путём востребования «забытого» отечественного наследия и зарубежных работ, обмен теоретическим и практическим опытом в ходе междисциплинарных дискуссий, определили свободу выбора исследователем собственного методологического инструментария. Оформились три параллельно развивающихся направления в изучении театра: «1) экономики, организации и управления театра, 2) педагогики и психологии театра: творчества и восприятия сценического искусства и 3) социологических исследований театральной жизни, ее функционирования <...> (публика, репертуар, профессиональное театральное сознание)» [15, с. 602]. «Неформальные сообщества, возникающие на погра-

ничном стыке научных дисциплин» [17, с. 21], вырастали в междисциплинарные научно-исследовательские коллективы.

В 1970-х гг. уникальные комплексные качественно-количественные исследования проводила группа «Социология и театр». Группа была сформирована в 1974 г. по инициативе правления ВТО на базе «Театральной лаборатории по изучению театрального зрителя и динамики репертуара» сектора театра научно-исследовательского отдела ЛГИТМиК (рук. В. Н. Дмитриевский), при участии театроведов Ленинградского отделения ВТО (А. З. Юфит, Ц. С. Андреева, Б. Н. Кудрявцев), специалистов Института социально-экономических проблем АН СССР: философа Б. М. Фирсова, социолога-философа А. Н. Алексеева, журналиста-социолога О. Б. Божкова, математика-психолога Б. З. Докторов, экономиста-социолога Л. Е. Кесельмана, искусствоведа В. Л. Владимиров. В 1978 г. коллектив возглавил Б. М. Фирсов, состав пополнился театроведами А. Я. Альтшуллером, Ю. М. Барбоем, А. А. Кирилловым.

Научно-исследовательские проекты коллектива и сегодня не теряют своей теоретической и практической актуальности, среди них: «Социологическое изучение репертуара драматических театров СССР 1960–1970-х гг.», «Театр в духовной жизни современного молодого человека» и «Зритель в театре». Старт изучению репертуара дала совместная работа В. Н. Дмитриевского и А. Н. Алексеева [18]. Монографии по последним двум проектам были изданы в малотиражных изданиях в 1979 и 1981 гг. и переизданы в 2013 г. в серии «Социология и экономика искусства: научное наследие» [19]. Специфика и результаты исследований также представлены в текстах В. Н. Дмитриевского [15, 16]. В 1991 г. референт ВТО Б. Н. Кудрявцев защитил кандидатскую диссертацию, в которой отразил тенденции развития и проблемы исследования репертуара драматических театров Ленинграда 1970–1980-х гг. [20].

В отмеченных проектах коллектив анализировал совокупные репертуарные тенденции и характерные черты театров Ленинграда в контексте художественного спроса и предложения, во взаимосвязи с производственно-экономической деятельностью, изучал ориентацию и вкусы ленинградцев. Критики и театроведы ЛГИТМиК и ВТО, Художественного совета Главного управления культуры выступали в качестве авторитетных экспертов. Театр рассматри-

вался учёными как особый социальный институт, в рамках которого создаётся театральное искусство — некое множество продуктов театрального творчества (производства) и объект зрительского восприятия (потребления). Подчёркивалась тесная взаимосвязь театра, театрального репертуара и зрителя. Исследователи работали в рамках социологии театра, направления, формирующегося на стыке социологии, социальной психологии, экономики, истории и теории театра. Применялись комплексный театроведческий, социологический, социально-психологический подходы. Строгость изучению репертуара театров как массового процесса театральной жизни придавало одновременное применение экспертной процедуры по оценке репертуара с последующей формализацией и осмыслением бытующих в критике и театроведении категорий; анализа статистических документов, представляющих формирование и динамику репертуара; массового анкетного опроса зрителей [15, с. 633]. Для целевого анализа содержания текстов А. Н. Алексеевым применялся также контент-анализ. Обработка больших массивов данных осуществлялась при помощи ЭВМ, с привлечением внешних специалистов. Изучался объём репертуара — общее количество пьес, поставленных в театрах за определённый период времени, и его структура — подмассивы пьес разных авторов, жанров и содержательных особенностей, а также объём структурных элементов. Вычислялись условные «индексы популярности» каждой пьесы за год у зрителя (ИПЗ) и театра (ИПТ). Экспертная оценка интерпретации пьесы, сценического режиссёрского и актёрского процесса позволила выявить структуру репертуара (стилевые и жанровые особенности) и характерные тенденции его формирования.

При изучении сводной театральной афиши театров Ленинграда 1974–1976 гг. важным, в интересующем нас ключе, результатом стал опыт выявления реальных социально-эстетических функций театральных постановок и построение типологии драматических спектаклей. Экспертный опрос подтвердил гипотезу учёных, что **в каждом спектакле (продукте художественного творчества) отражается, выражается и соответственно воспринимается зрителем богатая совокупность социальных и эстетических ценностей**. В основу анализа экспертного мнения и впоследствии типологии спектаклей была положена исходная классификация социальных ценностей: 1) актуальные общественные ценности

(идеологический потенциал); 2) общезначимые человеческие ценности (нравственный потенциал); 3) ценности художественной культуры (развитие художественного вкуса, глубина раскрытия образа и характера, интересный эксперимент и т. д.); 4) ценности массового сознания (популярность, возможность отдохнуть, получить эмоциональную разрядку и т. д.). Интересно, что в диссертационной работе 1990 г. Б. Н. Кудрявцев применяет в качестве исследовательского инструмента только три ценностных потенциала — содержательный, художественный и массовый [20, с. 8–9]. Сочетание и противостояние отмеченных ценностей в постановках позволили выделить типы спектаклей, определяющих «тенденции дифференциации репертуара по характеру реализуемых в спектакле социальных ценностей и осуществляемых театром социально-эстетических функций» [16, с. 55].

Отметим ещё один знаковый проект изучения современного для своего времени театра и его репертуара — комплексное исследование «Художественная жизнь современного общества», осуществлённое специалистами Государственного института искусствознания (Москва), ВТО и Российской академии наук в сложное постперестроечное время — 1995–2001 гг. Проблемы формирования репертуара, зрительских предпочтений изучались учёными в контексте анализа театрального рынка, экономики и маркетинга театра. Мониторинг театральной деятельности осуществлялся в том числе с применением метода анкетирования зрителей (зрительская анкета, мнение о репертуаре конкретного театра), руководителей и главных бухгалтеров театра (вопросы ценовой политики, какой репертуар привлекает зрителей, меры по улучшению и т. д.), потенциальных спонсоров. [22, с. 234–239, 254–259, 267–279].

В рамках реализации программы по созданию системы непрерывного наблюдения за состоянием и развитием театральной жизни, предусмотренной Планом мероприятий по реализации «Концепции долгосрочного развития театрального дела в Российской Федерации на период до 2020 года» (от 10 июня 2011 года № 1019-р.) по заказу Министерства культуры РФ, исследователями Государственного института искусствоведения (ГИИ) и ВТО были подготовлены, но, к сожалению, не реализованы в полной мере проекты мониторинга театральной деятельности современной России [23, с. 270]. В 2012 г. сотрудниками ГИИ под руководством доктора

культурологии А. А. Ушкарева была разработана концепция мониторинга, методологические подходы и методика социологического исследования развития театральной отрасли по экономическим и техническим показателям, по внутритеатральным проблемам и взаимоотношению со зрителем, по оценке репертуара зрителем и т. д. На первом этапе предполагалась составление базы данных государственных, муниципальных и частных профессиональных театров России по стандартным параметрам: число театров, коммерческая вместимость зрительных залов, численность работников, расходы на оплату труда, совокупные текущие расходы, количество спектаклей и число новых постановок, количество посещений, доходы от продажи билетов и размер бюджетных субсидий и т. д. Далее был подготовлен и проверен на отдельно отобранных регионах пакет анкет для зрителей, а также экспертных опросов руководителей театров, представителей профессионального театрального сообщества, руководителей органов культуры разных уровней. Примеры анкет и методика опросов представлены в статье А. А. Ушкарева «Мониторинг театральной жизни России: вопросы методологии» [24]. Практический этап мониторинга проводился при участии ВТО, в качестве инструмента использовалась созданная в 2006 г. информационно-справочная система «Театральная Россия» (www.rosteatr.ru), по сути, являвшаяся электронной версией ежегодного справочника «Театральная Россия» (публикуется с 2002 г.). Персональные страницы театральных организаций содержат разделы: контактные данные, общая информация, краткая история, сведения по персоналу и текущему репертуару (автор произведения и название спектакля). К 2014 г. на сайте было размещено 2600 страниц с информацией по театрам (1453), концертным организациям (81), управлениям культуры (242), фестивалям (637), продюсерским агентствам (12), культурным центрам (259). С 1 по 7 ноября 2014 г. проходил первый ежегодный общероссийский мониторинг театральной жизни. Организациям предлагалось зарегистрироваться на портале, ответить на вопросы анкеты о репертуаре, гастролях, творческих проектах, персонале [25]. С апреля 2016 г. портал не функционирует, отдельные его страницы сохранены в вебархиве (<https://archive.li/www.rosteatr.ru>; <http://www.rosteatr.ru/search.asp?navigate=1>).

Новационный междисциплинарный научно-практический проект по изучению проблем современного театра реализуется на

базе Российского института театрального искусства (ГИТИС). В декабре 2017 г. в институте создана «Лаборатория будущего театра» (приказ № 427 от 01.12.2017 г.), целью которой является проведение исследований и разработка модели театра будущего, осуществление научных и творческих проектов. Руководитель проекта — театральный критик, ректор ГИТИСа, заслуженный деятель искусств РФ, кандидат филологических наук Г. А. Заславский. Куратор исследовательского направления — аналитик в области культуры и креативных технологий, руководитель Центра исследования культурной среды при МГУ, кандидат физико-математических наук О. В. Иванов. Исследовательский коллектив, как и группа «Социология и театр» 1970–1980-х гг., объединяет искусствоведов, социологов, математиков, специалистов по применению количественных и статистических методов в гуманитарных исследованиях, что отразилось на методике работы и презентации результатов. Лаборатория имеет официальный сайт (<https://thefuturelab.gitis.ru>), где размещена подробная информация о лаборатории и её проектах («Библиотека театрального продюсера», «Музей театра будущего» с фотокопиями экспонатов прошлого века), проводимых исследованиях и мероприятиях (премьеры экспериментальных спектаклей, круглые столы, онлайн-конференции), о команде и контактах. На данный момент сотрудниками лаборатории проведён и апробирован в виде научных публикаций и электронных изданий ряд социологических и социокультурных исследований по ключевым проблемам современного российского театра: «Обзор публикаций в отечественных и зарубежных изданиях о тенденциях развития театра и театре будущего», «Театры России: перепись», «Основы развития театра и театрального дела в РФ» «Портрет зрительской аудитории» и «Независимые театры как часть культурного ландшафта России» [26]. Первым этапом исследований стала оценка театрального предложения на территории РФ, которая включала перепись российских театров (государственных и негосударственных) с выборочным анализом репертуара [5, 27]. Применялся метод сплошной переписи, использовались интернет-источники, которые сопоставлялись с данными федерального статистического наблюдения. Фиксировались название, местоположения, контакты, составлялась выборочная репертуарная база (включала данные о названии обстановки, авторе литературной основы, режиссёре и жанре спектакля). Театры

классифицировались по видам, принадлежности, по числу регионов, среднему числу постановок и др. Определялось распределение театров по видам, соотношение государственных и негосударственных театров, был сделан вывод о том, что в стране и регионах преобладают драматические театры, затем идут театры кукол, театры юного зрителя, меньше всего — театров оперы, балета. Исследование показало, что развитие новых форм театральной деятельности (антрепризы и продюсерские компании, лаборатории, экспериментальные театры, арт-площадки и др.) в большинстве своём происходит в негосударственных театрах. В регионах, несмотря на развитие гастрольной деятельности, основу театрального предложения формируют местные театры.

Следующим этапом стало определение новизны исследований выявленных проблем и возможностях театра будущего [28–29]. Третьим этапом исследований был анализ репертуара выявленных в ходе переписи и минимально представленных в федеральной статистике независимых (негосударственных) театров России. В ходе исследования применялся контент-анализ собранной из интернет-источников информации, в базу включались театры, демонстрирующие активность на протяжении двух лет. Больше всего негосударственных театров на территории Сибири выявлено в Новосибирской области — 20 и Омской — 9 [30, с. 140]. Творческий поиск оценивался по жанрово-видовым характеристикам спектаклей, определяемым режиссёрами театров, например, «Лекция, разговор о роли поэта, о его месте в мире, о славе и одиночестве» («Маяковский. Трагедия в стихах», В. Маяковский) [30, с. 142].

Повторяемость названий спектаклей рассматривается исследователями как признак популярности произведений и репертуара, применительно к независимым театрам — это детские спектакли и ряд взрослых («Варшавская мелодия», «Женитьба», «Двое на качелях», «Скамейка»). Оцениваются также продуктивность режиссёров (количество постановок) и возвратные характеристики спектаклей независимых театров. Выделяются популярные авторы и произведения (по убыванию): А. П. Чехов («Чайка», «Дядя Ваня», «Вишневый сад», «Три сестры», «Медведь»); Ш. Перро («Золушка», «Красная шапочка», «Спящая красавица», «Кот в сапогах»); Г. Х. Андерсен («Дюймовочка», «Снежная королева»); А. С. Пушкин («Евгений Онегин», «Пиковая дама»,

«Барышня-крестьянка» и др.), Н. В. Гоголь («Ревизор», «Женитьба», «Игроки», «Вечера на хуторе близ Диканьки»); Н. В. Коляда, У. Шекспир («Гамлет», «Ромео и Джульетта»), А. Н. Островский («Гроза», «Бесприданница», «Женитьба Бальзаминова» и др.), Э. Гофман («Щелкунчик»), Ф. М. Достоевский («Преступление и наказание», «Идиот», «Братья Карамазовы»), И. А. Вырыпаев, М. А. Булгаков («Зойкина квартира», «Бег», «Собачье сердце»), К. И. Чуковский («Доктор Айболит», «Мойдодыр») и т. д. Проведённый нами анализ репертуара сибирских театров в основном демонстрирует те же результаты.

Последнее десятилетие историков и культурологов вновь привлекает история советских провинциальных театров военного и послевоенного времени, в том числе проблема репертуарной политики. Нам эти работы интересны тем, что в них представлен опыт формирования репертуара под влиянием устоявшейся государственной идеологии, советских политических и духовно-нравственных ценностей, в периоды некоторого ослабления давления и контроля партии, административно-командной системы управления. С. В. Зяблинцева на основе представительной источниковой базы (архивы, сборники документов, периодическая печать, работы историков и театроведов) выявляет специфику деятельности и репертуарной политики театров Западной Сибири во время Великой Отечественной войны и в первое послевоенное десятилетие [31, 32]. Автор отмечает относительно свободный выбор репертуара в начале войны, как правило, героико-патриотического содержания, ближе к победе — постановок драматического и комедийного жанра советских авторов, а также русских и зарубежных классиков.

Резкие изменения фиксируются в театральной жизни Западной Сибири с 1946 г. после выхода постановления ЦК ВКП(б) «О репертуаре драматических театров и мерах его улучшения», определившего курс репертуарной политики советских театров на современные, идейные произведения советских авторов, отражающие жизнь и героических труд советского общества. Л. И. Белова изучает репертуарную политику театров Челябинска периода оттепели (1950–1960-е гг.) на материалах периодической печати, отмечает, что даже в условиях смягчающейся культурной политики этого периода театры при формировании репертуара находились под жёстким партийным контролем, осуществляли утверждён-

ный план по количеству спектаклей, зрителей и заполняемости зала. Автор типологизирует спектакли по степени актуальности их тематики, выделяет пьесы советских авторов: «большая часть спектаклей посвящалась теме труда, мирного строительства, освоения новых земель, трудовых подвигов на севере» [33, с. 137]. Белова отмечает возвращение в репертуар зарубежных авторов, учёт передовых тенденций театрального искусства этого времени.

Историки А. Г. Иванова и С. А. Заельская, анализируя репертуарную политику театров Урала периода 1960–1980-х гг., выявляют широкую жанровую палитру, отражавшую потребности времени и отвечавшую запросам социалистического общества эпохи «развитого социализма», соответствующую идеологическим требованиям контролирующих партийных органов. Фиксируют факт того, что при формировании репертуара ключевое место отдавалось пьесам, раскрывающим актуальные для исследуемого периода темы современности, производства, героического прошлого советского народа. Обязательно ставились пьесы к юбилейным датам советской истории. Театрами и зрителями были также востребованы классические произведения и постановки по произведениям местных авторов и национальной драматургии. «В целом репертуарная политика в большинстве театров Урала была хорошо продумана, — резюмируют авторы, — соответствовала требованиям времени, отражала пропагандируемые властью и принимаемые большинством населения нравственные ценности и идеалы, способствовала привлечению в театр зрителя» [34, с. 69].

Казанский историк И. А. Гузельбаева проанализировав историографию, общероссийский и региональный социокультурный контекст развития советского театрального искусства, воспоминания и интервью театральных деятелей, выявила изменения в театральной культуре и репертуаре театров Татарской АССР в период перестройки (1985–1991 гг.). Историк приходит к выводу, что репертуар театров ТАССР изучаемого времени тематически отражал как тенденции столичных театров (обращение к «белым пятнам» истории, травматическим событиям/памяти 1930-х гг. и в то же время сохранение традиционных тем классовой борьбы и «советского человека»), так и «локальную специфику и чаяния татарских авторов (вопросы национальных «корней», проблема сохранения родного языка, истории, культуры)», поиск национальной идентичности [35, с. 177, 180].

Фундаментальное научное исследование актуальной сегодня проблемы существования в современных условиях российского репертуарного театра осуществила в ходе подготовки диссертационной работы историк искусства Н. Л. Фролова [36]. Хронологические рамки работы ограничены автором 1991–2014 гг., территориальные — московскими коллективами. Театр рассматривается как социокультурный феномен. Структурообразующим элементом работы является учёт совокупности четырёх аспектов проблемы: творческого, социологического, организационного и экономического. Фролова определяет и анализирует конструирующие признаки репертуарной модели театра — репертуар как выражение этической и художественной программы театра; творческий коллектив с умеренной ротацией, с общими эстетическими целями; художественное руководство театром и последовательная реализация художественно-творческой программы театра [36, с. 5–6].

Она выделяет три типа репертуарных театров: консервативные; театры без труппы (с продюсерским стилем руководства); полуфункциональные центры, стремящиеся к экспериментам, применяющие различные формы культурной деятельности и позиционирующие себя в качестве городского культурного центра. Анализ одной из ключевых характеристик репертуарного театра проводился по статистическим данным Главного информационно-вычислительного центра МК РФ, сочетался с контекстуальным анализом публикаций по теме. Динамику репертуарных интересов театров и соответствие их зрительскому спросу Н. Л. Фролова отслеживает по составленным рейтингам репертуара для взрослых, в которых выделяет постановки-лидеры по количеству постановок, прокату спектаклей, по количеству зрителей всего и на одном спектакле [37]. Исследователь отмечает важный для формирования театрального репертуара момент: после утверждения в 2014 г. «Основ государственной культурной политики» усиливается контроль со стороны заказчика (учредителя), репертуарные (государственные) театры в планах и отчётах обосновывают критерии эффективности своей деятельности [36, с. 20].

Интересная идея сравнительного анализа репертуарной политики современных профессиональных и любительских театров Белгородской области реализована Т. О. Рашиной, О. А. Михайловой, В. В. Плеховой [38]. Авторы попытались также выявить факторы, влияющие на подбор репертуара любительских театров.

Для анализа выбраны жанровые особенности спектаклей, в ходе которого подсчитывается количество постановок русских и зарубежных авторов, представляющих классическую и современную драматургию. Однако, к сожалению, текст, опубликованный по итогам исследования, не позволяет провести верификацию полученных данных и сделанных выводов. В статье, во-первых, отсутствует указание на хронологические рамки исследования (остаётся только предполагать по названию и дате публикации, что это 2018–2019 гг.), во-вторых, авторы декларируют планомерное социологическое исследование репертуара, при этом не озвучены его суть и применяемые методы, в-третьих, не указаны источники количественных данных, на основе которых рассчитывается процентное соотношение пьес в репертуаре театров.

Нижегородский филолог Е. Е. Процин проводит статистическое исследование особенностей репертуара современных российских театров в сезоне 2018–2019 гг. [39]. Выбор современного театра в качестве объекта внимания он считает удачным в том плане, что в культурной атмосфере сегодня нет идеологических противостояний жанрам или авторам, нет и «эстетических бурь» (как было в советское время. — О. П.), поэтому исследование может продемонстрировать взвешенную «карту внимания» театров в выборе произведений для постановок. Учёный исходит из того, что «репертуарная политика складывается с учетом корреляции эстетических поисков театральных коллективов и коллективного запроса, горизонта ожидания публики» [39, с. 89], из чего делает вывод, что даже простой подсчёт количества поставленных литературных произведений (пьес) покажет основные тенденции.

Им был проанализирован представленный на официальных сайтах репертуар 393 профессиональных драматических театров России. Автором подсчитано количество драматических театров по регионам, степень популярности классических, советских и современных авторов. Итоги количественного анализа по большей части совпадает с подсчётами коллег из Лаборатории театра будущего по независимым театрам. Процин приходит к выводу, что абсолютно доминируют классические писатели. Сравнивая свои данные с данными исследований группы «Социология и театр» о преобладании в 1970-х гг. современных пьес, он приходит к неутешительным выводам о том, что сегодня наблюдается консервативная репертуарная фаза, а талантливые авторы, новаторы, под-

нимающие современные проблемы, особой тенденции не задают. Репертуарная политика ориентирована «на усредненные представления зрителей о том, что и почему ставится на сцене» [39, с. 95].

Автор указывает на наличие «несомненного популизма» у большинства театров. В числе преобладающих постановок — либо хрестоматийные тексты, либо современные комедии, а также расхожий набор детских произведений. Он выявляет сохранение интереса к советским авторам, особенно в детском репертуаре. Е. Е. Прощин отмечает четкую разницу между театральными центрами и периферией. В центре, по мнению исследователя, заметен выбор менее очевидного репертуара, для провинции же характерна «инерционно-архаичная» репертуарная политика. Автор делает печальный вывод о региональных театрах: «Кажется, такие театры испытывают затруднения с привлечением публики, больше ориентируются на решение материальных проблем, вопроса выживания» [39, с. 96]. Не со всеми выводами автора мы можем согласиться, подробнее на этом остановимся ниже.

Челябинский культуролог М. Л. Шуб считает сохранение лидирующей позиции классических произведений, части российского и мирового классического художественного наследия в современных репертуарных предложениях и предпочтениях чертой положительной [40]. Классика, пишет автор, как одна «из форм-носителей коллективной (или культурной по Я. Ассману) памяти и является частным примером <...> коннективной (связывающей в единое целое. — О. П.) структуры, позволяющей (вкупе с аналогичными другими) культуре и даже шире — нации сохранять некую ментальную монолитность и поддерживать жизнеспособный уровень идентичности» [41, с. 110].

Это утверждение нашло своё подтверждение в ходе проведённого в 2012–2014 гг. на кафедре культурологии и социологии Челябинской государственной академии культуры и искусств социологического исследования (рук. М. Л. Шуб). Изучались образы коллективного и персонального, а также художественного (художественное наследие, классическое искусство) прошлого в представлениях обычных среднестатистических жителей Челябинска (ежегодно опрашивались 550 человек: мужчин и женщин в возрасте от 18 до 70 лет) [41, 42]. Установлено, что ценностно значимым для респондентов является как прошлое, так и настоящее, при этом в личном плане («я-позиции») настоящее для челябинца бо-

лее ценно. В оценке времени с точки зрения общества и страны («мы-позиции») ценнее прошлое, в том числе художественное. Блок анкеты, связанный отношением респондентов к классическому художественному наследию, выявил доминирующую позицию рассмотрения классики как наиболее «ценного, богатого по содержанию», как образец для современного искусства, «с вечной проблематикой», варианты ответов с низким ценностным статусом классики не были востребованы.

Изучение репертуарных предпочтений челябинцев в 2012 г. также выявило лидирующие позиции классических произведений. Классику выбрали 33,2%, современное экспериментальное переосмысление классики — 12%; современное прочтение классики в традиционной манере — 19,4%; современный сюжет — 9,5%; не смогли точно сказать — 20,3%, не интересуются учреждениями искусства — 5,5% [40, с. 873]. По количеству ответов исследователи выделили три группы респондентов: «устойчивые консерваторы», «относительные консерваторы» и «актуалисты» (предпочитают актуальные сюжеты и формы их подачи). Эти группы в общих чертах совпадают с позициями, выделенными исследователями «Лаборатории театра будущего» в ходе изучения «портрета зрителя»: консервативная, умеренная и прогрессивная [6].

Ответы челябинцев на вопрос о значимых деятелях искусства, ассоциирующихся с классикой в очередной раз подтвердили факт того, что массовый потребитель (в том числе современный) плохо ориентируется в классике, выбирая те имена (и почти не зная их произведения), что активно транслируются в массовой культуре [41, с. 111]. Оценивая ответы на вопросы о востребованности художественного культурного наследия и культурной активности респондентов, в 2014 г. М. Л. Шуб обращается к положительному опыту советской системы образования, воспитания, политики формирования общекультурной подготовки личности посредством художественного просвещения, агитации, вовлечения в книжную культуру. В современной же ситуации, по мнению культуролога, кроются и пессимистические, и оптимистические зёрна: «Пессимизм связан с реальным снижением общекультурной компетентности людей, проявляемой и в падении интереса к деятельности учреждений культуры, к искусству в целом, и в снижении объёмов чтения и качества читаемой литературы, и в снижении если не количественных, то качественных параметров художественного

потребления. А оптимизм кроется в том, что <...> подобная ситуация пока всё ещё не признаётся нормальной» [41, с. 113].

Всероссийские опросы ВЦИОМ 2018–2021 гг., к сожалению, значительного улучшения ситуации не отмечают. По данным социологического исследования 2018 г., уровень культурной вовлечённости россиян с 2014 г. вырос всего на 17 % (с 71 % до 88 %), 12 % респондентов не посещали ни одного мероприятия за год [43]. В рейтинге посещаемости театр стоит на третьем месте после праздников и кинотеатров. Всероссийский опрос населения об отношении россиян к культуре и работникам культуры в 2021 г. показал, что культурная жизнь стала более насыщенной всего у 35 % респондентов [44]. По открытым данным статистики Министерства культуры РФ, мероприятия государственных театров Западной Сибири в 2022 г. посетило в среднем 26 % населения, больше всего в городах-миллионерах Новосибирске и Омске (см. табл. 1). На открытый вопрос о современных российских писателях или поэтах, заслуживающих перевода на другие языки мира, 76 % испытали затруднения с ответом. Среди названных имён в числе лидеров были Пушкин, Толстой, Лермонтов, Достоевский, Чехов, Есенин и др. Будем надеяться, что респонденты не дослушали или не поняли вопрос и не считают этих писателей «современными».

В представленном историографическом и социокультурном контексте вполне оправдан курс, заданный в новой редакции «Основ культурной политики» (от 24.12.2014 г. № 808 в ред. Указа Президента РФ от 25.01.2023 г. № 35), на усиление роли культурных организаций в историческом и культурном просвещении, духовно-нравственном воспитании россиян, в том числе с помощью российского культурного наследия. Отмеченное возвращает нас к теме исследования, к определению места историко-культурного наследия в репертуарной политике современных сибирских театров. Территориально нас интересует Западная Сибирь в её географических границах. Для изучения выбраны 12 городов: два города-миллионера — Новосибирск и Омск, три крупнейших — Тюмень, Барнаул, Томск, четыре больших — Бийск, Рубцовск, Северск, Тобольск, три малых — Тара, Карасук, Калачинск (см. табл. 1). Хронологические рамки ограничены 2016–2023 гг. Семь отмеченных лет, на наш взгляд, позволят выявить динамику формируемых и транслируемых образов, проследить их зависимость от меняющихся политической и социокультурной ситуации в стране.

Таблица 1

Соотношение численности населения
и театрального предложения в городах Западной Сибири
(на примере государственных театров)¹

Регион/ город	Население (январь 2023), чел.	Гос. театры, (декабрь 2022), число	Вместимость зрит. залов, мест всего	Театры по жанрам				Мероприятия (спектакли и др.), стационар- но 2022 г., число	Посетителей мероприятий стационарно 2022 г., чел.	Зрительская аудитория ста- ционарных площадок, %
				Драматические	Музыкальные	ТЮЗ	Театры кукол			
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Россия	146 447 424	638	72 055	356		76	110	149 786	30 807 200	21 %
Тюменская область, УФО	1 608 494	4	2 211	2		1	1	1 772	398 000	25 %
Тюмень	855 618	3	1 858	1		1	1			
Тобольск	99 877	1	353	1						
Сибирский ФО (10 регионов)	16 645 802	80	32 743	42	14	8	14	20 015	3 892 000	23 %
Алтайский край, СФО	2 130 950	7	2 904	3	1	1	2	2 151	458 200	22 %
Барнаул	623 057	4	2 399	1	1	1	1			
Бийск	181 678	1	283	1						
Рубцовск	124 687	2	222	1			1			
Новосибирская область, СФО	2 794 266	11	4 159	7	2	1	1	3 855	860 400	31 %
Новосибирск	1 635 338	10	4 059	6	2	1	1			
Карасук	24 753	1	100	1						

¹ Таблица составлена О. В. Петренко по открытым данным статистики Министерства культуры РФ и Росстата, размещённым на официальных интернет-порталах (www.stat.mkrf.ru; www.opendata.mkrf.ru; www.rosstat.gov.ru) и в статистических сборниках «Россия в цифрах» (М., 2022). Информация уточнялась данными театров.

Окончание табл. 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Омская область, СФО	1832064	10	3546	6	1	1	2	3302	535700	29 %
Омск	1110836	8	3028	5	1	1	1			
Тара	27146	1	200	1						
Калачинск	20825	1	118				1			
Томская область, СФО	1052106	5	2543	1	1	2	1	1622	256700	24 %
Томск	551504	3	1439	1		1	1			
Северск	105797	2	1104		1	1				
Итого (по городам)		37	15163	19	5	6	7			
Итого (по регионам СФО)	7809386	33	13152	17	5	5	6	10930	2111000	27 %
Доля регионов в СФО, %	47 %	43 %	40 %	40 %	29 %	63 %	43 %	55 %	54 %	

Специфика объекта и предмета исследования обусловила обращение к познавательному потенциалу двух междисциплинарных научных направлений: исторической культурологии, изучающей тенденции исторической изменчивости культуры на основании её результатов (А. Я. Флиер), и интеллектуальной истории, рассматривающей все виды творческой деятельности в широком социокультурном контексте. В основе методики исследования — принципы междисциплинарности и дополнительности. Объект театроведения (театр) изучается с учётом особенностей родительской дисциплины, с применением неисторических (поиск, выборка, регистрация, формализация, систематизация, анализ базы данных при помощи электронных таблиц Excel, контент-анализ) и исторических (историко-генетического, историко-критического и историко-сравнительного) методов.

В работе мы опираемся на сформулированное учёными Института Наследия фундаментальное понятие «культурное наследие», «составляющее социокультурное, интеллектуальное и духовное основание современного общества», «формирующее чувство самобытности и устанавливающее преемственность с предшествующими поколениями народов России», включающее «объекты

и ценности, созданные прошлыми поколениями, выдержавшие испытание временем, выявленные, сохраняемые и используемые в социокультурных и духовных процессах, передающиеся последующим поколениям» [45, с. 34].

Результаты творческой деятельности театральных коллективов, созданных ими художественных образов, отдельных спектаклей и репертуара в целом, по большей части находятся в нематериальной форме, на материальных носителях фиксируется лишь вторичная информация и избранные постановки. Соответственно объектом нашего внимания будет нематериальное культурное наследие, к которому относят: «идеи, ценности, символы; <...> нормы, обычаи, правила и стили поведения, образцы общения; традиции взаимодействия с природной средой; традиции государственного управления и организации общественной жизни; верования и религиозные обряды; традиционные формы ведения хозяйственной деятельности; способы познания окружающего мира; традиционные народные технологии <...> и прикладное художественное искусство <...>; классическое искусство, академические художественные и архитектурные школы; народные исполнительские искусства, фольклор и художественное творчество; праздники, родовые и семейные традиции» и т. д. [46, с. 11]. Отмеченные виды нематериального культурного наследия мы используем в качестве базовых единиц либо тем при контент-анализе репертуара сибирских театров.

Понятие «историко-культурное наследие» используется нами в качестве рабочего инструмента, указывающего в том числе на преимущественный интерес к образам культурного наследия в их исторической динамике, тесной связи с прошлым и памятью о нём в обществе. Концепт «образ» — ещё один рабочий инструмент нашего исследования. В философии под образом понимают результат или идеальную форму отражения предметов и явлений материального мира в сознании человека, живое наглядное представление о ком-либо или чём-либо. В толковых словарях образ определяют как художественное отражение идей и чувств в звуке, слове, красках, а также созданный художником, в нашем случае режиссёром; обобщённый характер, тип. Образ прошлого выступает структурным элементом исторической памяти, он может отражать научную и/или ненаучную информацию, обращён к эмоциональной стороне сознания, метафоричен, эмоци-

онален, узнаваем, способен отражать универсальные ценности (Л. М. Мазур, О. Б. Леонтьева, Н. Л. Мысливец). Его определяют как абстрактно-символьную модель исторической реальности в массовом сознании (Л. М. Мазур), интеллектуальный конструкт, «вторую и третью реальность» (В. Г. Рыженко). Выделяют «образы-события», «образы-личности», «образы-символы» или «образы-концепции» (Л. П. Репина). Нас будет интересовать образы, отражающие отечественное историко-культурное наследие (и/или его виды) в репертуарной политике театров Западной Сибири.

В театральной теории и практике под репертуарной политикой понимают деятельность театральной организации, которая направлена на «формирование репертуара, удовлетворение и развитие потребностей населения в театральном искусстве, обеспечение творческого роста труппы и развитие театральной организации» [47]. Репертуарная политика формируется во взаимодействии театра и зрителей под влиянием текущих социально-экономических и социокультурных тенденций. Это отмечают театроведы, это подтверждает хорошо налаженная современными театрами практика отслеживания репертуарных предпочтений зрителя (учёт количества посещений, опрос зрителей через анкеты, отзывы, листы ожидания, и т. д.). Изучение репертуара театров таким образом, в этом мы солидарны с В. Н. Дмитриевским, «позволяет также изучать и театр, и зрителя, и социальный контекст театральной жизни, становясь, таким образом, одним из подходов к комплексному изучению проблемы «театр в духовной жизни общества» [21, с. 63].

Для решения исследовательских задач нами был проанализирован репрезентативный источниковый комплекс, включающий законодательные и нормативные акты федерального и местного значения; делопроизводственные материалы театров (уставы, отчёты); опубликованные и размещённые в сети Интернет открытые данные официальной статистики; официальные интернет-сайты и группы «ВКонтакте», афиши, периодические издания театров («Письма из театра», Омск, драмтеатр; «Антракт», Омск, «Пятый театр»; «Театральный проспект», Новосибирск, театр «Красный факел» и др.); тексты средств массовой информации, освещающие события современной театральной жизни региона и рецензирующие театральные постановки. Сформирована база данных театров

и спектаклей изучаемых театров с необходимыми для исследовательской и практической деятельности сведениями.

База театров содержит следующие данные: название, ведомственная принадлежность, город, контакты (адрес, электронная почта, сайт, соцсети), руководство (директор, главный режиссёр), краткая справка по истории создания и деятельности, репертуар театров и его специфика, оценка работы критиками и зрителями (выраженная в рецензиях, отзывах, количестве посещений), библиография и интернет-ссылки. База спектаклей охватывает период с 2016 по 2021 гг., включает разделы: название, автор, аннотация, жанр постановки (определённый режиссёром и формализованный в отчётах для статистики), город, театр, жанр театра, дата премьеры и последнего спектакля (снят с репертуара), режиссёр-постановщик, актёры, сцена, количество спектаклей, средние показатели посещаемости, отзывы/рецензии, цитаты, ссылки, комментарии.

Представим основные результаты нашего исследования. В двенадцати изучаемых городах выявлено 37 театров: 19 драматических, 4 музыкальных, 1 оперы и балета, 6 театров юного зрителя и 7 кукольных. В традициях советского времени каждый регион имеет в наличии театры всех театральных жанров, не всегда они находятся в одном населённом пункте, как в городах-миллионерах. Объём статьи и цели исследования не предполагают подробного представления каждого театра и его творческой специфики, справочная информация о театрах размещена нами в таблице (см. табл. 2), в тексте отметим лишь некоторые коллективы.

Более чем вековая театральная история, развитая театральная инфраструктура, творческие театральные достижения и награды позволяют Омску и Новосибирску «соревноваться» за право называться театральной столицей Сибири. Согласно данным Министерства культуры РФ и «Лаборатории театра будущего», современный Новосибирск всё же побеждает в этой борьбе и по количеству театров (в том числе негосударственных), и по обслуживанию жителей. В Новосибирске находится единственный в Западной Сибири театр федерального уровня — Новосибирский государственный академический театр оперы и балета (1945). Сегодня в Новосибирске, не считая любительских, полупрофессиональных молодёжных и экспериментальных театров,

10 профессиональных коллективов (см. табл. 1, 2). Старейший областной театр — Новосибирский государственный академический драматический театр «Красный факел», который был создан в Одессе в 1920 г. как передвижной и стационарирован в Новосибирске в 1932 г. Самый молодой новосибирский театральный коллектив был создан 16 февраля 2021 года. Новый драматический театр, по заявлению его создателей (правительства Новосибирской области), призван способствовать развитию конкурентной среды в профессиональном театральном сообществе области, «созданию нового репертуарного классического театра, сохранению исторической памяти и лучших традиций русского театра» [48]. Художественный руководитель А. А. Курбанов представляет будущее театра как театра «апокалиптического оптимизма», точно отражающего современное «сумбурное красивое время» [48].

Таблица 2

Государственные театры Западной Сибири

№ п.п.	Наименование	город	год создания	контакты	e-mail	сайт	жанр театра	Зал осн., мест	Зал доп., мест
1	Рубцовский драматический театр	Рубцовск	1937	Алтайский край, г. Рубцовск, ул. К. Маркса, 141.	Dram-teatr.rub@rambler.ru	https://rubdram-teatr.ru/	Драматический	98	
2	Бийский городской драматический театр	Бийск	1887	Алтайский край, Бийск, ул. Советская, 25	dram-teatr@list.ru	http://bskdrama.ru/	Драматический	283	
3	Алтайский государственный театр для детей и молодежи имени В. С. Золотухина	Барнаул	1958	Алтайский край, г. Барнаул, пр. Калинина, 2	teatral-tai@mail.ru	www.mta-bar-naul.ru	ТЮЗ	465	100
4	Алтайский государственный музыкальный театр	Барнаул	1956	Алтайский край, г. Барнаул, проспект Комсомольский, 108	altmzk@yandex.ru	muz-kom22.ru	Музыкальный	670	100

Продолжение табл. 2

№ п.п.	Наименование	город	год создания	контакты	e-mail	сайт	жанр театра	Зал осн., мест	Зал доп., мест
5	Алтайский государственный театр кукол «Сказка»	Барнаул	1963	Алтайский край, г. Барнаул, ул. Пушкина, 41	pup-pet64@yandex.ru	https://teatr-skazka22.ru/	Кукольный	130	40
6	Алтайский краевой театр драмы имени В. М. Шукшина	Барнаул	1921	Алтайский край, г. Барнаул, ул. Молодёжная, 15	teatraktd@mail.ru	https://altdrama.ru/	Драматический	711	183
7	Театр кукол имени А. К. Брахмана	Рубцовск	1965	Алтайский край, г. Рубцовск, ул. Комсомольская 134	theatre.Brahman@mail.ru	http://www.kt22.ru/	Кукольный	124	
8	Молодежный драматический Театр «На окраине»	Карасук	2005	Новосибирская обл., г. Карасук, ул. Совхозная, д. 119	na-okraine@yandex.ru		Драматический	100	
9	Новосибирский городской драматический театр под руководством Сергея Афанасьева	Новосибирск	1995	Новосибирская обл., г. Новосибирск, Вокзальная магистраль, дом 19,	natsyr@mail.ru, teatrnsk@gmail.com		Драматический	100	
10	Новосибирский драматический театр	Новосибирск	2021	Новосибирская обл., г. Новосибирск, Серебренниковская, 35 (Дом актера)		https://novdt.ru/documents	Драматический		
11	Новосибирский государственный академический театр оперы и балета	Новосибирск	1945	Новосибирская обл., г. Новосибирск, Красный Проспект, 36	office@novat.nsk.ru	www.novat.nsk.ru/theatre	Оперы и балета	1201	321
12	Новосибирский драматический театр «Старый дом»	Новосибирск	1933	Новосибирская обл., г. Новосибирск, ул. Большевистская, 45	old-house@mail.ru	www.old-house.ru	Драматический	160	

Продолжение табл. 2

№ п.п.	Наименование	город	год создания	контакты	e-mail	сайт	жанр театра	Зал осн., мест	Зал доп., мест
13	Новосибирский академический молодежный театр «Глобус»	Новосибирск	1930	Новосибирская обл., г. Новосибирск, ул. Каменская, 1	office@globus-nsk.ru	www.globus-nsk.ru	ТЮЗ	490	84
14	Новосибирский музыкальный театр	Новосибирск	1959	Новосибирская обл., г. Новосибирск, ул. Каменская, 4	teatr_muzkom@mail.ru	www.muzkom.ru	Музыкальный	602	
15	Новосибирский государственный академический драматический театр «Красный факел»	Новосибирск	1920	Новосибирская обл., г. Новосибирск, ул. Ленина, 19	info@redtorch.ru	www.redtorch.ru	Драматический	510	93
16	Новосибирский областной театр кукол	Новосибирск	1933	Новосибирская обл., г. Новосибирск, ул. Ленина, 22	puppetsnsk@mail.ru	www.puppetsnsk.ru	Кукольный	189	40
17	Новосибирский драматический театр «На левом берегу»	Новосибирск	1997	Новосибирская обл., г. Новосибирск, ул. Вертоковская, 10 (Дом радио)	rampansk@gmail.com		Драматический	161	
18	Молодежный драматический театр «Первый театр»	Новосибирск	2008	Новосибирская обл., Новосибирск, ул. Селезнева, 46	1-teatr@inbox.ru	www.1-teatr.ru	Драматический	108	
19	Калачинский театр кукол «СКАЗКА»	Калачинск	1994	Омская обл., г. Калачинск, улица Калинина, 3	Teatrskazka@mail.ru		Кукольный	118	
20	Омский государственный театр кукол, актера, маски «Арлекин»	Омск	1936	Омская обл., г. Омск, пр. К. Маркса, 41	arlekinomsk@mail.ru	www.arlekinomsk.ru	Кукольный	230	100

Продолжение табл. 2

№ п.п.	Наименование	город	год создания	контакты	e-mail	сайт	жанр театра	Зал осн., мест	Зал доп., мест
21	Омский областной театр юных зрителей имени XX-летия Ленинского комсомола (БУК «Омский ТЮЗ»)	Омск	1937	Омская обл., г. Омск, проспект К. Маркса, 4В	post@-tuz.omsk-portal.ru, rybas -tasha@-mail.ru	tuzomsk.ru	ТЮЗ	504	
22	Омский государственный музыкальный театр	Омск	1947	Омская обл., г. Омск, ул. 10 лет Октября, 2	muzteatr47@mail.ru	www.muzteatr-omsk.ru/	Музыкальный	964	
23	Омский драматический театр «Галёрка»	Омск	1990	Омская обл., г. Омск, ул. Б. Хмельницкого, 236	galerka.omsk@mail.ru, press_galerka@mail.ru	www.galerka-omsk.ru	Драматический	279	
24	Омский государственный драматический театр «Пятый театр»	Омск	1990	Омская обл., г. Омск, ул. Красный путь, 153	main@5ththeatreomsk.ru, post@5ththeatre.omskportal.ru	ttp://5ththeatreomsk.ru/	Драматический	280	
25	Драматический лицейский театр	Омск	1994	Омская обл., г. Омск, ул. Красный Путь, д. 18Б	licey-drama@yandex.ru		Драматический	56	
26	Городской драматический театр «Студия» Л. Ермолаевой	Омск	1991	Омская обл., г. Омск, ул. Химиков, д. 27	ermolaeva-teatr@mail.ru	ermolaeva.ru	Драматический	250	
27	Омский государственный Северный драматический театр имени М. А. Ульянова	Тара	2002	Омская обл., г. Тара, ул. Советская, 25	ogsdt@mail.ru	www.Tara-theatre.ru	Драматический	170	30

Продолжение табл. 2

№ п.п.	Наименование	город	год создания	контакты	e-mail	сайт	жанр театра	Зал осн., мест	Зал доп., мест
28	Омский государственный академический театр драмы	Омск	1874	Омская обл., Омск, Ленина, 8а	oatd@mail.ru	www.omskdrama.ru	Драматический	465	100
29	Томский областной театр юного зрителя	Томск	1980	Томская обл., г. Томск, пер. Нахановича, 4	totuz@gov70.ru	http://tuztomsk.ru/	ТЮЗ	339	60
30	Томский областной театр драмы	Томск	1850	Томская обл., г. Томск, пл. Ленина, 4	omskdrama@gov70.ru		Драматический	750	100
31	Томский областной театр куклы и актера «Скоморох» имени Романа Виндермана	Томск	1946	Томская обл., г. Томск, пл. Соляная, 4	skomorohtomsk@gov70.ru		Кукольный	150	40
32	Северский музыкальный театр	Северск	1957	Томская обл., ЗАТО Северск, пр-т Коммунистический, 119	mbusmt@seversk.gov70.ru		Музыкальный	824	
33	Северский театр для детей и юношества	Северск	1964	Томская область, Северск, Коммунистический проспект, 48	sevtdu@seversk.gov70.ru		ТЮЗ	200	80
34	Тобольский драматический театр имени П. П. Ершова	Тобольск	1705	Тюменская обл., г. Тобольск, 4 мкр., д. 66	tobteatr@list.ru		Драматический	353	
35	Тюменский театр кукол	Тюмень	1945	Тюменская обл., г. Тюмень, ул. Кирова, д. 36	lubov20teatr@yandex.ru	kukli.kto72.ru	Кукольный	393	50
36	Молодежный театр «Ангажемент» имени В. С. Загоруйко	Тюмень	1994	Тюменская обл., г. Тюмень, ул. Олимпийская, д. 8А	mail@angagement.info	angagement.info	ТЮЗ	200	48

Окончание табл. 2

№ п.п.	Наименование	город	год создания	контакты	e-mail	сайт	жанр театра	Зал осн., мест	Зал доп., мест
37	Тюменский драматический театр	Тюмень	1858	Тюменская обл., г. Тюмень, ул. Республики, д. 129	tyumen-teatr@mail.ru		Драматический	777	207+82+101
	Всего						37	13404	1569

В Омске — 8 государственных театров. Старейший — Омский государственный академический театр драмы (1874). Самый молодой по театральному возрасту и возрасту младших актёров — Драматический лицейский театр (1994). Это уникальный коллектив, созданный и продолжающий работать в русле идеи К. Станиславского и Е. Вахтангова «об образовательном театре-студии для школьников и студентов», в стенах которого юные актёры, по задумке автора театрального проекта В. Решетникова, познают себя и окружающий мир [49]. В 1994 г. в малом городе Омской области Калачинске появился ещё один коллектив, открывающий новый, «сказочный» мир для маленьких зрителей, — Театр кукол. С 2002 г. культурной доминантой Тары, одного из старейших малых городов Сибири и близлежащих населённых пунктов, является Омский государственный Северный драматический театр. С 2007 г. театр носит имя известного земляка, советского и российского театрального деятеля, актёра театра и кино М. А. Ульянова, который многое сделал для культурного развития города и создания театра.

В Тюмени всего 3 профессиональных театра: Тюменский драматический театр (1858), Тюменский театр кукол (1945), Молодежный театр «Ангажемент» имени В. С. Загоруйко (1994). В Тобольске находится самый первый театр в Сибири — Тобольский драматический театр (1705). В 1991 г. ему присвоено имя П. П. Ершова — знаменитого сибиряка, русского поэта, писателя, педагога, сказочника и драматурга.

В Барнауле — 4 театра разных жанров (см. табл. 2). Драматическому театру, созданному в 1921 г., в 1991 г., как и Тоболь-

скому, присвоено имя знаковой для края творческой личности — советского кинорежиссёра, киноактёра, писателя и сценариста В. М. Шукшина. Обоснованием этого стали «большие заслуги в художественном воплощении литературного наследия Лауреата Ленинской премии, заслуженного деятеля искусств РСФСР <...>, пропаганде на сцене лучших образцов отечественной и мировой драматургии» и 70-летие со дня основания [50]. Барнаульскому ТЮЗу также присвоено имя земляка, известного кино- и театрального деятеля, бывшего художественного руководителя театра: в 2013 г. он стал называться «Алтайский государственный театр для детей и молодежи имени В. С. Золотухина». Список «именных» театров продолжает Театр кукол г. Рубцовска (1965), в 2006 г. получивший имя своего основателя, бывшего актера Рубцовского драматического театра, почётного гражданина города А. К. Брахмана. Один из трёх государственных театров Томска, Томский областной театр куклы и актера «Скоморох» с 2001 г. носит имя Романа Виндермана — руководителя и главного режиссёра театра, новатора кукольного театра, экспериментирующего в спектаклях с различными куклами, с сочетанием живого и неживого, с классическими произведениями и взрослыми темами.

Статус и творческое кредо молодёжных имеют 4 театра — молодёжные и по жанровой принадлежности новосибирский академический «Глобус» (1930) и тюменский «Ангажемент» (1994), драматические «На окраине» (2005, Карасук, Новосибирская область) и «Первый театр» (2008, Новосибирск). Несмотря на жанровую принадлежность, театры ставят спектакли для любой зрительской аудитории, всех стилей и направлений. То же можно сказать о кукольных театрах, включающих в свой репертуар постановки как для самых маленьких, так и для взрослых.

Отметим ещё одну особенность, обусловленную временем создания изучаемых театров. В современном театральном пространстве Сибири чётко прослеживаются периоды, символизирующие три эпохи: дореволюционную, советскую и постсоветскую. Не всегда это отражается в творческих предпочтениях, но заметно в стремлении театров поддерживать свою идентичность и «реноме», и, что самое важное, отражается визуально, в архитектурном образе театральных зданий, как дореволюционных и советских, так и современных («новоделах») (Рис. 1–6).

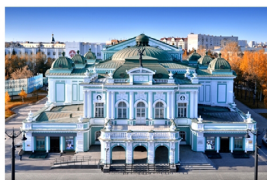
Тобольский драматический театр им. П.П. Ершова.
Источник: www.tobteatr.kto72.ru

Томский областной театр драмы.
Источник: www.pressoboz.ru

Тюменский драматический театр.
Источник: www.vsluh.ru

Омский государственный академический театр драмы.
Источник: www.tdr.kto72.ru

Бийский городской драматический театр.
Источник: www.bty.ru

Рис. 1. Драматические театры Западной Сибири:
Тобольский, Томский, Тюменский, Омский и Бийский драматические театры

Новосибирский государственный академический драматический театр «Красный фанел». Источник: www.bshesang.nsk.ru

Алтайский краевой театр драмы им. В.М. Шукшина (Барнаул).
Источник: www.altai-drama.ru

Новосибирский драматический театр «Старый дом».
Источник: www.old-house.ru

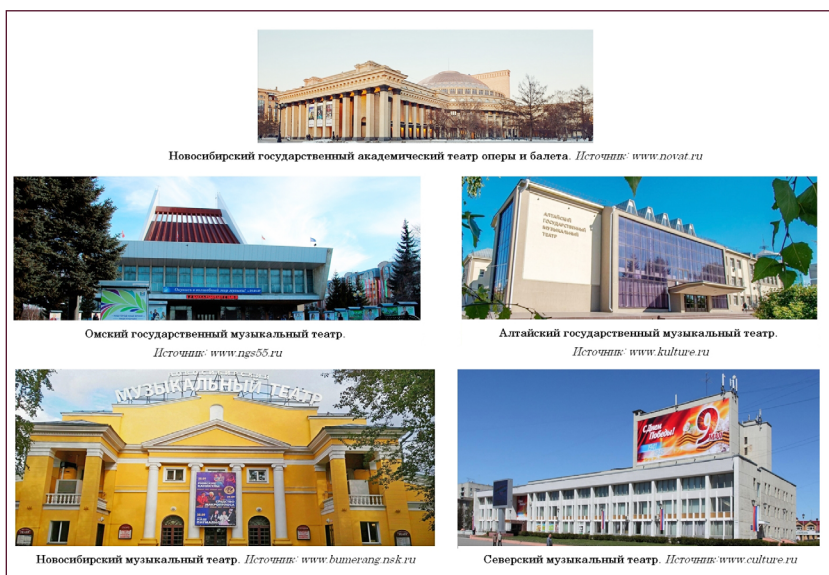

Рубцовский драматический театр.
Источник: www.ar22.ru

Рис. 2. Драматические театры Западной Сибири:
Новосибирский государственный, Алтайский, Новосибирский «Старый дом»
и Рубцовский драматические театры

Рис. 3. Драматические театры Западной Сибири: «Пятый театр», «Галёрка» и театр «Студия» Л. Ермолаевой (Омск), Северный драматический театр (Тара), «На окраине» (Карасук), «Первый театр» (Новосибирск)

Рис. 4. Музыкальные театры Западной Сибири

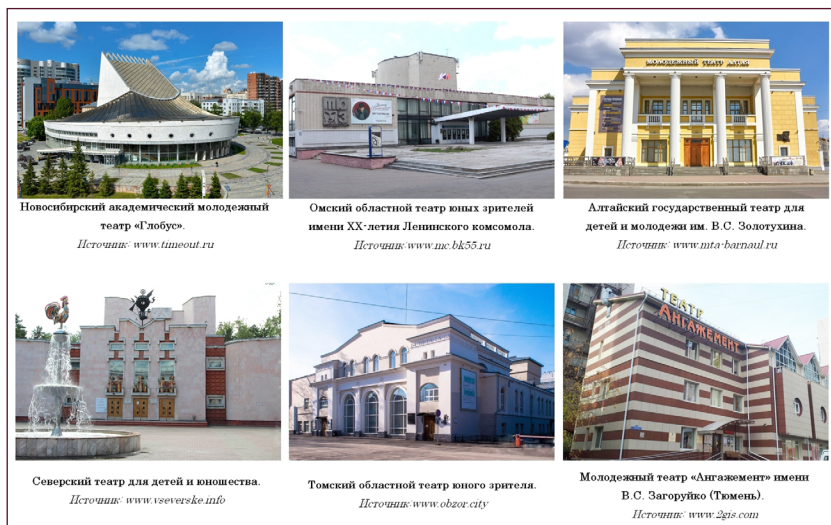

Рис. 5. Театры юного зрителя Западной Сибири

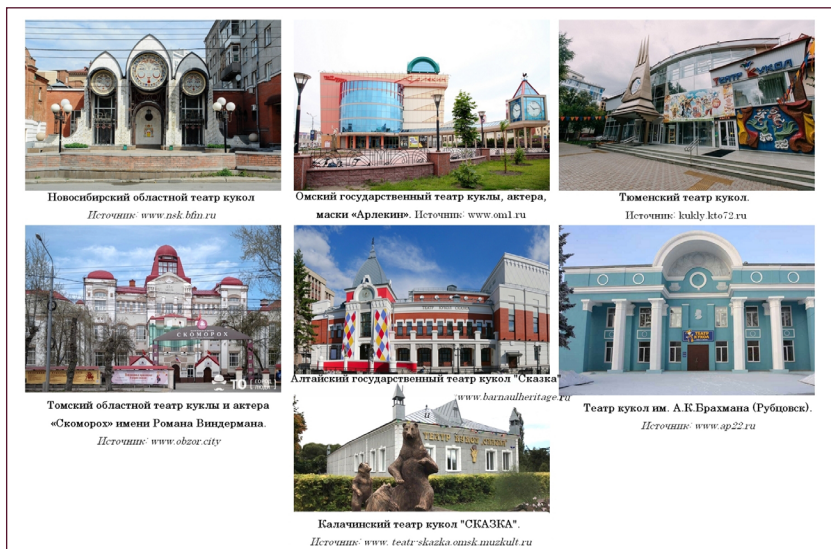

Рис. 6. Кукольные театры Западной Сибири

Поражает своей монументальностью напоминающее Большой театр в Москве здание в «стиле высокого классицизма»,

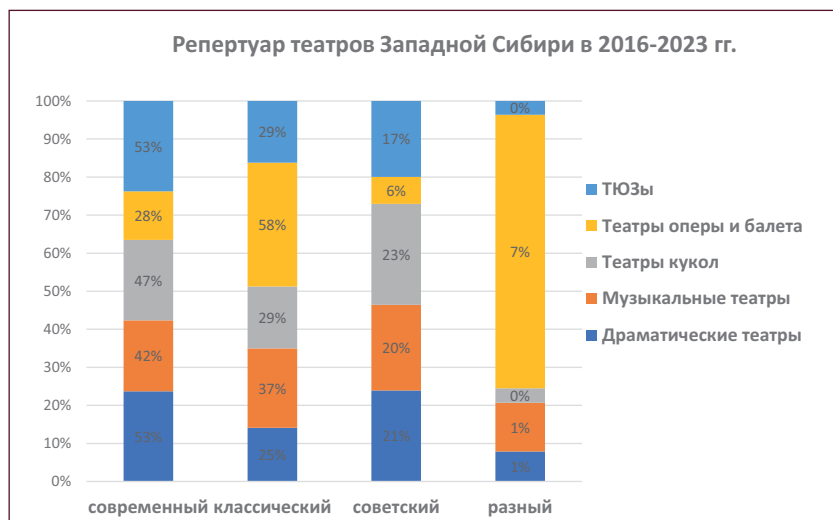
построенное в 2008 г. правительством области для Тюменского драматического театра (Рис. 1). Уютен «русский модерн начала XX века» здания омского театра «Галерка», появившийся после реконструкции в 2014–2018 гг. (Рис. 3). Сказочны и оптимистичны стилизованные фасады кукольных театров в Новосибирске, Омске и Тюмени (Рис. 6). Некоторые театральные здания являются городскими достопримечательностями, памятниками архитектуры и объектами культурного наследия федерального значения. Среди них Омский государственный академический театр драмы (1905 г.), Бийский драматический театр (1916 г.), Новосибирский государственный академический театр оперы и балета (1931–1954 гг.). Эта тема требует отдельного изучения, мы же подчеркнём, что визуальный образ, внешний облик и внутренний интерьер театров — дополнительный существенный фактор, влияющий на восприятие художественных образов, транслируемых со сцены.

Анализ архива спектаклей и текущего репертуара изучаемых нами театров Западной Сибири за 2016–2023 гг. выявил 3030 постановок, в том числе 45 архивных спектаклей, доступных с 2020 г. в видеоформате на официальных YouTube-, Rutube- и VK-страницах, а также сайтах театров. Постановок российских авторов больше, чем зарубежных, в 2,5 раза: из 3030 пьес 2162 (71 %) отечественных и 860 (28 %) зарубежных. Вывод Е. Е. Прощина об абсолютном доминировании в репертуаре современных драматических российских театров в сезоне 2018–2019 г. классических постановок и малом количестве современных [38], не подтверждается на примере изучаемых нами театров. Этот факт говорит о том, что автор поспешил перенести опыт анализируемых им театров на все театры России. Драматические театры Западной Сибири демонстрируют другие цифры (Рис. 7), постановки современных авторов в 2016–2023 гг. занимают в среднем 50 % (1505) репертуара (в 2018–2019 гг. — 49 %, в 2021–2022 гг. — 53 %), классические произведения — 30 % (в 2018–2019 гг. — 28 %), пьесы советских авторов — 20 % (в 2018–2019 гг. — 22 %, 2021–2022 гг. — 17 %). Репертуар Омского драматического театра 2016–2023 гг. составили 41 % классических постановок, 46 % современных и 12 % советских. Репертуар омского театра «Галерка»: 40 % классических постановок, 24 % современных, 35 % советских. Больше всего современных пьес в репертуаре омских «Пятого театра» и театра Л. Ермолаевой,

новосибирских «Первого театра» и «Старого дома», драмтеатра г. Рубцовска (от 62 % до 74 %). На рис. 7 представлен так называемый «репертуарный пирог», отражающий соотношение видов произведений в репертуаре изучаемых нами театров.

В репертуаре театров заметно преобладание детских спектаклей (37 % — 1113 детских постановок, из них 39 % — 439 спектаклей в непрофильных театрах) и комедий (659 постановок, 22 % от репертуара). Драмы в репертуарной политике театров занимают третье место: 16 % (472) по всем театрам, из них 71 % (338) в драматических, 22 % (106) в ТЮЗах. Музыкальные постановки всех театров составляют 9 % общего репертуара, из 290 спектаклей в непрофильных театрах шли 90 (34 % от музыкальных). 5 % (162) составили концерты к юбилейным датам и тематические вечера, столько же, 160 постановок представляют новые театральные жанры. Среди последних отметим: литературные — 25 % (40), экспериментальные (за столом, тренировки, медитации, киносценарии, блоги, перформансы, иммерсивные, физические, пластические, «в закулисы» и т. д.) — 21 % (34), документальные — 15 % (24), моноспектакли — 7,5 % (12), сторителлинг (увлекательное повествование, рассказывание историй) — 7,5 % (12), фантастиче-

Рис. 7. Постановки театров Западной Сибири по жанрам театров и видам постановок

ские — 7 % (11), художественные (театр живописи в Омске) — 4 % (7), биографические (в том числе автофикшн) — 4 % (6) и другие спектакли.

Нематериальное историко-культурное наследие представлено в репертуаре театров в виде постановок и образов в них транслируемых (см. табл. 3, 4).

Таблица 3

**Виды российского нематериального историко-культурного наследия
в репертуаре театров Западной Сибири
(количество постановок по годам)**

Вид	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	Всего
Классическая литература	82	88	110	133	131	99	169	85	313
Русские народные сказки	28	37	46	54	54	41	65	42	118
Театральное наследие	2	2	2	3	6	5	13	3	25
Этнографическое	1	3	3	4	6	6	9	14	17
Итого	113	130	161	194	197	151	256	144	473

Таблица 4

**Виды российского нематериального историко-культурного наследия
в театральном репертуаре Западной Сибири
(количество постановок в театрах разных жанров)**

Вид наследия	Театры по жанровой принадлежности				
	Драматические	Музыкальные	Кукольные	Оперы и балета	ТЮЗы
Классическое искусство	58 %	11 %	8 %	4 %	20 %
Русские народные сказки	28 %	6 %	46 %	3 %	18 %
Театральное наследие	56 %	16 %		12 %	16 %
Этнографическое	35 %	12 %	18 %	6 %	29 %

Спектакли, в основе которых лежат произведения классиков отечественной литературы и искусства, демонстрируют классическое наследие, в репертуаре изучаемых театров их более 313 (см. табл. 3). Самые популярные авторы классического реперту-

ара: А. Н. Островский, А. П. Чехов, Н. В. Гоголь, А. С. Пушкин, Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой, И. С. Тургенев, А. В. Сухово-Кобылин, М. Е. Салтыков-Щедрин и др. (см. табл. 5).

Таблица 5

**Популярные классики отечественной литературы и искусства
в репертуаре театров Западной Сибири
(количество театров разных жанров и число постановок)**

Автор	Театры по жанровой принадлежности (количество театров/число постановок, шт.)					
	Драма- тические	Музы- кальные	Куколь- ные	Оперы и балета	ТЮЗы	Итого
1	2	3	4	5	6	7
Количество театров	19	4	7	1	6	37
Островский А. Н.	45	3	1		16	65
Пушкин А. С.	24	9	11	4	10	58
Чехов А. П.	36	5		1	8	50
Гоголь Н. В.	21	7	8		12	48
Разные авторы	3	3	5	22	1	34
Достоевский Ф. М.	15	1	2		8	26
Толстой Л. Н.	8		1		2	11
Ершов П. П.	4	2	2	1	1	10
Сухово-Кобылин А. В.	9					9
Тургенев И. С.	6				3	9
Лермонтов М. Ю.	2	1			4	7
Салтыков-Щедрин М. Е.	3		1		2	6
Бажов П. П.	1		2		2	5
Гончаров И. А.	2				3	5
Аксаков С. Т.	1		3		1	5
Соллогуб В. А.	4	1				5
Фонвизин Д. И.	2		2			4
Грибоедов А. С.	4					4
Крылов И. А.	3					3

1	2	3	4	5	6	7
Куприн А. И.	2				1	3
Лесков Н. С.	3					3
Чайковский П. И.		1		3		2
Всего постановок рос. классиков (шт.)	200	39	32	31	72	374

Лидеры постановок по произведениям А. Н. Островского: комедия «Женитьба Бальзамина» (в драматических театрах и ТЮЗах поставлена 8 раз), драмы «Гроза» (6 спектаклей) и «Бесприданница» (5 постановок), комедии «Не все коту масленица» и «На всякого мудреца довольно простоты» (по 4). Произведения А. С. Пушкина: «Евгений Онегин» (12 постановок), «Маленькие трагедии» (5), «Пиковая дама», «Дубровский», «Барышня-крестьянка» «Сказка о рыбаке и рыбке», «Руслан и Людмила» и др. Из произведений А. П. Чехова: «Чайка», «Вишневый сад», «Дядя Ваня», «Медведь», «Каштанка» (в 3-х театрах). На сцене театра оперы и балета идёт знаменитый балет «Анюта» по произведению Чехова «Анна на шее». По текстам Н. В. Гоголя поставили: «Ревизор» (10 постановок), «Женитьба» (6), «Мертвые души», «Вий», «Игроки», «Ночь перед Рождеством» (все идут в 4 театрах). Из Достоевского популярны «Преступление и наказание» (8 постановок), «Идиот», «Игрок», «Записки из Мертвого дома» (больше 3 постановок в театрах Сибири). Роман Л. Н. Толстого «Анна Каренина» предстаёт в разных интерпретациях: диалогия «Анна» и «Левин» в новосибирском театре имени Афанасьева (с 2021 г.), «Каренин А.» в Тюменском драмтеатре (с 2022 г.).

Интересные режиссёрские решения, художественные и этические акценты не только эстетически преобразуют постановки, но и порой усиливают эффективность восприятия, заложенного в них смысла. Приведём пример. Режиссер Томского драмтеатра А. Огарев назвал свою постановку по «Бесприданнице» Островского — «Лариса и купцы» (2014–2021 гг.), действие перенёс во вневременное пространство, приближённое к современным циничным реалиям. В постановке «Грозы» в Омском драмтеатре (2023 г., реж. Г. Зальцман) сюжет концентрируется вокруг шести персонажей, происходящее предстаёт как воспоминания Екатерины, хор

скоморохов как проводник истории ведёт её к свету. Интересной формой презентации классики на сцене становится диалог со зрителем. Барнаульский драматический театр в рамках проекта «нужный диалог» проводит спектакли-встречи зрителя с актёрами и приглашёнными экспертами-филологами. ТЮЗ Барнаула осуществляет «многосерийный» проект «разборки с автором», в ходе которого вместе со зрителем читаются и анализируются произведения русских классиков. В Тобольском театре ставят спектакли в жанре «театральных уроков» и диалогов со зрителем.

Народное искусство, фольклор и традиции по большей части отражены в народных сказках, а также набирающих популярность постановках с этнотематикой (см. табл. 3, 4). В репертуаре театров Западной Сибири преобладают постановки русских народных сказок, среди них: «Колобок», «По щучьему веленью», «Гуси-лебеди», «Теремок», «Маша и медведь», «Финист Ясный сокол», «Лиса и волк», «Каша из топора», «Репка» и др. Русские народные сказки легли в основу инсценированных произведений А. С. Пушкина, С. Т. Аксакова, П. П. Бажова и др. Очень мало постановок сказок других народов России, нам встретилась одна украинская сказка «Соломенный бычок» (Омск («Арлекин») и Калачинск) и один спектакль по мотивам сказок народов Севера «В яранге горит огонь» (Калачинский кукольный театр).

Этнопроекты реализуются в различных жанрах. Концерты русской духовной и народной музыки в Театре оперы и балета, а также выступления ансамбля «Алтай» в Барнаульском драмтеатре. Сибирский колорит и необычную реализацию сказок С. Г. Писахова представляют в театрах Омской области. В Тарском драмтеатре идёт песочный спектакль «Малиновы сказки» (6+). Актёры Омского лицейского театра в постановке «Морожены песни» с музыкой, песнями и танцами рассказывают о стойкости и широте русской души. Омская «Галерка» представляет лирическую историю о празднике Ивана Купала в постановке «Во всю ивановскую» В. Крупина. Спектакль по фольклорным мотивам Сибирской земли с песнями, танцами и прибаутками представляет Томский кукольный театр («Сибирская сказка» С. Капрановой и О. Бразгиной: премьера 1994 г., восстановлена в 2022 г.), в постановке звучат музыка и песни ансамбля «Сибирские узоры», куклы и декорации связаны из разноцветной пряжи. Новосибирский кукольный театр в рамках культурно-просветительной программы знакомства

детей с родным краем и празднования 115-летия Новосибирска поставил спектакль-фантазию «Оби누шка, царица Обская» по мотивам сказки В. Шамова. «Главная героиня», сибирская река Обь, знакомит юных зрителей с легендами, красотой природы и фауны, с народами малой родины. Барнаульский музыкальный театр поставил мюзикл «Хан Алтай» (композитор Е. Терехина, либретто Ноны и Анны А. Кротовых) «о любви к родной земле, необходимости сохранения исторической памяти и поддержания традиций отчего края» [51]. Коллектив Омского «Пятого театра» и питерский режиссёр И. Григурко осуществили интересный музыкально-пластический спектакль «Берегиня», в котором обратились к памяти предков и языческим обрядам. При подготовке спектакля режиссёр консультировался с этнографами и фольклористами. В спектакле в современной аранжировке звучат 20 народных песен Омской, Томской, Ленинградской, Ярославской, Брянской, Вологодской, Пензенской, Тверской, Архангельской, Смоленской, Псковской и других областей. В одном из интервью И. Григурко подчеркнул, что это не этнографический спектакль, а «фэнтези по мотивам древнеславянского фольклора», фэнтези-переход от язычества к христианству [52].

Театральное историко-культурное наследие Западной Сибири транслируется посредством театральных экскурсий, постановок и концертов к юбилейным датам театров и театральных деятелей. Юбилейные постановки по истории Старого театра (в виде аллегорической театральной игры, передающей диалог времени и коллектива в разные эпохи — «80 лет. Начало», 2014–2021) и «Красного факела» (документальный спектакль «Мой красный факел», 2020) представили театральное наследие Новосибирска. В 2020 г. концертом «Встречайте музыку» свое 60-летие отметил Алтайский государственный музыкальный театр. В 2021 г. торжественным мероприятием «И дольше века длится» отпраздновал 100-летие Алтайский краевой театр драмы имени В. М. Шукшина. В этом же году отметил юбилей Омский государственный драматический театр «Пятый театр». На творческом вечере «30 лет — полет нормальный» вспомнили всех, кто создавал театр, кто формировал его творческое лицо, сыграли фрагменты культовых постановок прошлого и хитов настоящего.

Обратимся к историческим образам в театральном репертуаре, в которых содержатся важнейшие «идеи, ценности, сим-

волы» Западной Сибири и России. Контент-анализ репертуара 2016–2023 гг. театров Барнаула, Бийска, Омска, Новосибирска, Рубцовска, Северска, Тары, Тобольска, Томска, Тюмени выявил 223 спектакля, в которых чётко проявляются три образа из предложенной Л. П. Репиной классификации: образы-события, образы-личности и образы-символы (см. табл. 6, 7).

Таблица 6

**Исторические образы в репертуаре театров Западной Сибири:
2016–2023 гг.**

Образы	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	Всего
Знаковые личности	38	39	37	42	48	39	74	37	137
Великая Отечественная война	22	19	19	19	24	21	41	21	75
Сибирский город	3	5	6	8	8	7	5	3	11
Итог	63	63	62	69	80	67	120	61	223

Таблица 7

Исторические образы в репертуаре драматических, музыкальных, детских и кукольных театров Западной Сибири

Образы	Театры по жанровой принадлежности					
	Драматические	Музыкальные	Кукольные	Оперы и балета	ТЮЗы	Всего
Знаковые личности	67 %	5 %	5 %	4 %	18 %	137
Великая Отечественная война	43 %	16 %	12 %	1 %	28 %	75
Сибирский город	73 %	18 %			9 %	11

Лидирует по количеству постановок образ знаковых личностей (см. табл. 6). Театры посвящают спектакли известным российским политическим деятелям: князю Игорю, Борису Годунову, Николаю II (Новосибирск, Театр оперы и балета), И. Д. Бухгольцу (Омск, Музыкальный театр), адмиралу Колчаку (Омск, «Галер-

ка»), Иосифу Сталину («Я/Мы Коба», Омск, Лицейский театр). На сцене «оживают» уникальные образы известных представителей российской и сибирской культуры: Фёдора Достоевского (Омск, «Пятый театр»; Новосибирск, «Красный факел»); гусара, композитора, тоболяка Александра Алябьева («Сибирский соловей», Тобольск, драмтеатр); сибирского сказочника Петра Ершова («Обыкновенная история», Тобольск, драмтеатр); знаменитого российского художника Михаила Врубеля (Омск, Музыкальный театр; Омск, драмтеатр, театр живописи); видного деятеля народного просвещения Сибири Петра Макушина («Ни одного неграмотного», Томск, кукольный театр); поэтессы серебряного века Зинаиды Гиппиус («То, чего нет», Омск, театр Л. Ермолаевой); советского поэта Владимира Маяковского («Маяк@», Омск, Лицейский театр); советских актёров и кинотеатральных деятелей Михаила Ульянова («Родительский дом» и «На тонкой нити», Тара, драматический театр) и Василия Шукшина («Штрихи к портрету», Барнаул, драмтеатр; Северск, ТЮЗ); сибирских музыкантов представителей рок-культуры Егора Летова и Янки Дягилевой (Новосибирск, Старый театр) и др. В жанре музыкально- и литературно-поэтических спектаклей представлено творчество А. Пушкина, П. Ершова, А. Ахматовой, С. Есенина, Т. Белозерова, Н. Лохвицкой (Тэффи), А. Платонова, Л. Рубинштейна, В. Высоцкого, В. Шукшина, В. Золотухина, А. Кутилова и др.

Постановки о Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. представляют второй популярный исторический образ, «образ-событие» и одновременно «образ-символ». Всего в изучаемый период зафиксировано 75 таких спектаклей, ежегодно в текущем репертуаре их от 19 до 24, в 2022 г. заметен рост числа постановок к 80-летней годовщине начала войны — 41 спектакль (см. табл. 6). Этот трагический период глубоко укоренён в социальной и культурной памяти россиян, потомков победивших героев, в том числе благодаря различным официальным мемориальным акциям и проектам: празднику Великой Победы, дням скорби в дни великих битв и поражений, телепередачам, художественным и документальным фильмам, научно-популярным исследованиями.

Тема раскрывается в театрах всех направлений (см. табл. 7), даже в кукольном, отличается жанровым разнообразием — от литературных, поэтично-музыкальных композиций, военных мелодрам, трагедий, исторических драм и драматических очерков до

документальных спектаклей. Популярные постановки: «А зори здесь тихие» Б. Васильева, «Мой бедный Марат» или «Война, беда, мечта и юность...» А. Арбузова), «Саня, Ваня, с ними Римас» В. Гуркина, «Василий Теркин» А. Твардовского, «У войны не женское лицо» С. Алексиевич, «Спасите Лёньку» М. Икрамова, «Музыка ночью» Г. Ягдфельда, «Женя, Женечка и “Катюша”». Театры посвящают постановки и концерты Сибири и сибирякам, их вкладу в победу: балет «Карбышев» и моноспектакль «Я — был. А значит, я — частица правды. Монологи во Времени и Пространстве (И все-таки мы победили)» (Омск, музыкальный театр); удивительное кошачье путешествие из Омска в Ленинград и обратно «Белолапый» В. Олышанского (Омск, «Арлекин»); документальные спектакли «Танго морген, танго пли» А. Иванова (2020–2022, Новосибирск, «Глобус») и «Когда я был таким, как ты. Воспоминания о военном детстве» (2020–2021, Омск, ТЮЗ); концерт «Сибиряк-герой войны» (Новосибирск, кукольный театр). 29% всех документальных спектаклей приходится на долю постановок о Великой Отечественной войне. Среди них уже отмеченные спектакли, а также: «Записки на сгущенке. Клавдия» А. Стадникова (2014–2017 гг., Тюмень, «Ангажемент»), «Победители» С. Алексиевич (2015–2019, Томск, ТЮЗ), «Издадека — долго...» (2016–2021, Омск, «Пятый театр»), «Дневник ленинградской школьницы» И. Гридиной (2020–2023, Барнаул, кукольный театр), «Песнь Аджимушкая» А. Я. Каплера (2021–2023, Тара, драмтеатр), «ПроЗрение» (2022–2023, Томск, ТЮЗ).

Спектакль «Записки на сгущенке...» выполнен в технике вербатим, авторами использовались видеоматериалы, фотографии без художественной и редакционной правки. В основе — дневниковые записи 17-летней Клавдии Гуленковой (скрупулёзно записанные на этикетках сгущёнки) и более поздние воспоминания её мужа и близких. Дневниковые записи ленинградской 11-летней школьницы Тани Савичевой легли в основу барнаульского спектакля. Авторский проект-исследование «ПроЗрение» по переписке немецких солдат с родными создаёт собирательный образ фашиста, сначала пропитанный снобизмом и презрением, затем подавленный и изнурённый, наконец, когда наступило прозрение — потрясённый и трагичный. «Издадека — долго» и «Танго морген...» транслируют память о войне через письма с фронта и на фронт от тружеников тыла: омичей и новосибирцев. Отметим, что кол-

лектив театра «Глобус» в ходе подготовки постановки привлекал в качестве консультантов известных новосибирских историков (Е. Красильникову, Е. Антропова, И. Кузнецова). В спектакле «Когда я был таким, как ты» тринадцать детских историй-рассказов представили войну глазами детей-партизан, детей-блокадников, детей-сирот, детей — тружеников тыла.

Театрами созданы уникальные образы сибирских городов — Тобольска, Тюмени, Новосибирска, Омска. Мы рассматриваем их в разных познавательных контекстах как «образ-личность» и «образ-символ». В документальном спектакле «Тобольск. Доска почета» (2017–2021, Тобольск, Драмтеатр) при помощи техники верbatim воссоздан образ не просто города, а его коллективной истории. Историческая хроника города дана в спектакле «Меж юношей безумных...», где соединились две линии: Москва и Тобольск, Сенатская площадь, декабристы и ссылка в Сибирь, а за этими грандиозными событиями — обычные люди (2021–2023, Тобольск, драмтеатр). Спектакль «Это Тюмень, детка» (2017–2023, Тюмень, «Ангажемент») представляет город в лёгкой познавательной форме смешных и трогательных сценок, рассказанных бабушками Тюмени баек.

В Старом театре Новосибирска в 2018–2021 гг. шёл экспериментальный, документальный спектакль «Пыль» в технике верbatim о жителях современного мегаполиса и проблемах, которые их волнуют. В основе постановки, нацеленной на поиск лица Новосибирска, около сотни интервью горожан, показатели городской статистики, городские легенды (например, о том, как архитектор Крячков придумал красить дома Новосибирска в серый цвет, скрывающий пыль активно строящегося города). В спектакле обыграны этапы жизни человека в виде фольклорных обрядов — рождение, инициация, свадьба, развод, смерть. Постановщики пришли к выводу, что город находится на пороге самоидентификации, что главное в городе — это люди, открытые и доброжелательные, любящие свой город, стремящиеся сделать его лучше.

Оригинальным проектом Старого театра Новосибирска также стал спектакль о мифологии и истории Академгородка — «Элементарные частицы» (2014–2020). Постановщиками была предпринята первая попытка театрального осмысления истории одного из важнейших научных пространств Новосибирска и России как «абсолютно утопического пространства» советской эпохи (В. Склез).

Ключевыми источниками стали архивные документы, научные издания и интервью с учёными.

История основания Омска представлена Омским музыкальным театром в балете «Бухголец» (2016–2023). Два совершенно разных спектакля об Омске поставили в 2019 г. «Пятый театр» и «Галерка». Жанр спектакля «Про город» (2019–2021) «Пятого театра» обозначен как путешествие по подсознанию города. «Это не история города, не его жизнь, а осмысление и реконструкция (или деконструкция?!) городской мифологии... — отмечает рецензент, историк К. Демьянов. — Эта сложившаяся причудливая и гремучая смесь новых и по-иному прочтённых старых представлений о городской истории, неудавшихся больших проектах и вечных омских трудностях» [53].

Постановка «Хранители. Омск» (2019–2021) «Галерки» — спектакль-променад в наушниках — популярная форма иммерсивного театра; зритель, следуя за голосом актёра, путешествует по историческим местам, словно попадает в прошлое города (маршрут 3,5 км от Омских ворот, продолжительность 80 минут). В постановке «Храм» Омского театра живописи (Омск, драмтеатр) на фоне икон и картин омских художников из фондов Музея имени М. А. Врубеля рассказывается судьба и история возрождения Успенского кафедрального собора в Омске.

В основе нового проекта омского «Пятого театра» «Омск. Люди» (2023), исследующего взаимоотношения человека с пространством, — интервью с жителями Омска. В документальном спектакле отражены судьбы людей на фоне города, с их мечтами-воспоминаниями о городе детства, городе-саде, городе возможностей, а также городе зимы и серых панелек. Постановку отличают оригинальные декорации и сценические решения — виды города, проецирующиеся на задник сцены и спины актёров, персонажи на ходулях и велосипеде и т. д. Завершает спектакль песня на стихи Р. Рождественского об Омске «Город детства».

Проведённое исследование показало, что исторические, культурные, национальные, этнографические художественные образы, транслируемые через театральные постановки, презентуют мощный пласт отечественного и значительный объём мирового историко-культурного наследия (в соотношении 1 к 2,5). Анализ репертуара 2016–2023 гг. 37 театров из 12 городов Западной Сибири выявил 697 постановок (23 % от общего репертуара), отражающих

различные виды отечественного нематериального культурного наследия: классическое искусство, этническую (народную) культуру, театральное наследие, региональные и общероссийские «идеи, ценности и символы» (см. табл. 8).

Репертуарная политика театров Западной Сибири осуществляется с учётом регулирующих культурную и театральную жизнь страны законодательных документов (Конституции РФ, «Основ культурной политики», «Положения о театре РФ»), текущей социокультурной и политической ситуации, а также зрительских предпочтений. С 2014 г. в нашей стране, как на политическом, культурном и научном уровнях, так и в социуме заметен рост интереса к проблемам отечественного культурного наследия, к его роли в формировании и сохранении национальной идентичности, единства и патриотизма народа, в воспитании подрастающего поколения.

Таблица 8

**Нематериальное историко-культурное наследие
в репертуаре театров Западной Сибири 2016–2023 гг.**

Образы наследия	Театры по жанровой принадлежности (количество театров/число постановок, шт.)					
	Драматические	Музыкальные	Кукольные	Оперы и балеты	ТЮЗы	Итого
7	19	4	7	1	6	37
Классическое искусство	181	33	24	13	62	313
Знаковые личности	93	7	7	6	24	137
Русские народные (сказки)	33	7	55	3	21	119
Великая Отечественная война	32	12	9	1	21	75
Театральное наследие	14	4		3	4	25
Этнографическое наследие	6	2	3	1	5	17
Сибирский город	8	2			1	11
Итого	367	67	98	27	138	697
Среднее кол-во постановок с образами ИКН в 1 театре	19	16	14	27	23	18

Театральное искусство также расширяет ассортимент транслируемого нематериального культурного наследия: постановки по классическим произведениям и народным сказкам дополняются спектаклями, представляющими образы регионального и общероссийского этнографического, историко-культурного наследия. В аннотациях к спектаклям, в программах и афишах, в интервью режиссёры делают акцент на их просветительской, идентифицирующей и патриотической функциях.

Среднее количество постановок, отражающих отмеченные образы наследия, представлены в таблице (см. табл. 8). В изучаемых нами драматических театрах больше всего постановок с опорой на ценности отечественного культурного наследия в репертуаре Омского и Тарского (36 и 34), Барнаульского, Тобольского и Тюменского драмтеатров (30, 29 и 28), а также в омских театрах «Галерка» и Л. Ермолаевой (28 и 26), новосибирском «Красном факеле» (25), в остальных театрах — от 3 до 18 спектаклей. В музыкальных: в Омске — 30, Барнауле — 25, в Северске — 8, в Новосибирске — 4. В кукольных театрах лидируют Барнаул и Томск (по 19 постановок), Новосибирск и Омск (по 16). Из театров юного зрителя больше всего интересующих нас спектаклей в Барнауле и Томске (33 и 27), в новосибирском «Глобусе» и тюменском «Ангажементе» — по 22.

Созданные театральные образы формируют мировоззрение, патриотические чувства к большой и малой Родине, историческую память о знаковых личностях и событиях отечественной и местной истории, представления о национальном культурном наследии. Специфика тематики, реализации и репрезентации образов позволяет сделать вывод об относительной свободе творческого выбора и актуальности методологических решений. При создании образов знаковых событий, личностей и символов замечен минимальный социальный заказ в виде мемориальных мероприятий и юбилейных дат, волнующих общество экономических и социокультурных проблем, а также преимущественного интереса современного зрителя к развлекательному репертуару и к знакомым с детства темам из культурной истории большой и малой Родины.

Наиболее уязвимы в плане искажения и фальсификации образы историко-культурного наследия: этнографического наследия, исторических личностей и Великой Отечественной войны. Часто современные режиссёры применяют для их создания новейшие

методики документального театра: техники вербатим (сбор и использование материалов интервью, анкет, писем, исторических документов и т. д.), синтетическое соединение игры актёра, музыки, видеоряда (художественных полотен, фотографий, видеозаписей), к сожалению, только отдельные режиссёры интересующих нас театров обращаются за помощью к специалистам. Постановки по художественным произведениям зритель, как правило, воспринимает в качестве результата творческой фантазии автора и режиссёра, спектакли, основанные на документальных источниках, вызывают безграничное доверие, что делает их активным элементом публичной истории. Именно такие постановки требуют консультаций и экспертизы историков, этнографов и культурологов.

Литература и источники

---

1. *Адрианова Т.О.* Социальные функции театра // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 35 (289). С. 91–94.
2. Пойдем в театр? Москва, 27 марта 2019 г. Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) представляет данные исследования, приуроченного ко Дню театра // ВЦИОМ : сайт. URL:<https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rojdyom-v-teatr> (дата обращения: 10.10.2023).
3. Театр и театралы после пандемии (26 Марта 2021) // ВЦИОМ : сайт. URL:<https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/teatr-i-teatraly-posle-pandemii> (дата обращения: 10.10.2023).
4. Тренды культурного досуга: 1992–2022 (27 июня 2022 г.) // ВЦИОМ : сайт. URL:<https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/trendy-kulturnogo-dosuga-1992-2022> (дата обращения: 10.10.2023).
5. Театры России: оценка театрального предложения. Лаборатория будущего театра ГИТИС. М., 2018 // Лаборатория будущего театра. ГИТИС : сайт. 2021. URL: <https://thefuturelab.gitis.ru/census> (дата обращения: 10.10.2023).
6. Портрет зрителя драматических театров. Всероссийское исследование театральной аудитории под руководством Н.В. Астаховой и Н.В. Большакова. М. : Российский институт театрального искусства ; ГИТИС, 2019. 200 с.
7. *Заславский Г.А., Иванов О.В., Карпушкин И.С., Кочеляева Н.А., Чернов А.Г.* Основы развития театра и театрального дела: исследовательский подход и основные результаты // Театр. Живопись. Кино. Музыка. 2020. № 1. С. 74–98.

8. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года: с изменениями, внесенными в часть 1 статьи 65 Конституции Российской Федерации на основании федеральных конституционных законов от 4 октября 2022 г. № 5-ФКЗ, № 6-ФКЗ, № 7-ФКЗ, № 8-ФКЗ. Москва, 2022. 76 л.
9. Указ Президента Российской Федерации «Об утверждении Основ государственной культурной политики» от 24.12.2014 г. № 808 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 52. Ст. 7753.
10. Указ Президента Российской Федерации «Об утверждении Основ государственной культурной политики» от 24.12.2014 г. № 808 (в редакции Указа Президента РФ от 25.01.2023. № 35) // Правительство России : официальный сайт. URL: <http://government.ru/docs/all/94274/> (дата обращения: 10.10.2023).
11. Постановление Правительства РФ «О государственной поддержке театрального искусства в Российской Федерации» в «Положении о театре Российской Федерации» (25.03.1999 г. № 329, ред. от 23.12.2002 г. № 919, от 14.07.2020 г. № 1040) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1999. № 13. Ст. 1615.
12. Малеев В. В. Спектакль как форма музейного повествования в контексте сохранения нематериального культурного наследия // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2020. № 52. С. 102–107.
13. Ху Яньли. Китайская опера как нематериальное культурное наследие Китая // Общество: философия, история, культура. 2015. № 4. С. 25–31.
14. Некрашевич В. В. Драматический театр как часть историко-культурного наследия Республики Бурятия // Учёные записки (Алтайская государственная академия культуры и искусств). 2019. № 4 (22). С. 15–20.
15. Дмитриевский В. Н. Театр глазами социологов. Социокультурная ситуация: взгляд учёных и художников // Дмитриевский В. Н. Театр и зрители. Отечественный театр в системе отношений сцены и публики. Ч. 2 : Советский театр 1917–1991 гг. М. : ГИТИС, «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2013. 592–678.
16. Дмитриевский В. Н. Заложенный в трудах группы «социология и театр» ресурс ещё не исчерпан // Докторов Б. З. Современная российская социология: Историко-биографические поиски : В 9-ти т. М. : ЦСПИМ. 2016. Т. 7 : Историко-биографические поиски. Беседы с социологами II–IV поколений. С. 9–67.
17. Хренов Н. А. Социологические исследования театра: научная группа «Социология и театр» в контексте «третьей волны» в социологии искусства // Театр и публика: Опыт социологического исследования

- 1960–1970-х годов / Отв. ред. В. Н. Дмитриевский. М. : ГИТИС, «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2013. С. 20–28.
18. *Алексеев А. Н., Дмитриевский В. Н.* Социологическое изучение репертуара драматических театров СССР // Театр и драматургия. Л., 1976. Вып. 5. С. 31–58.
  19. Театр и публика: Опыт социологического исследования 1960–1970-х годов / Отв. ред. В. Н. Дмитриевский. М. : ГИТИС, «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2013. 400 с.
  20. *Кудрявцев Б. Н.* Репертуар драматических театров Ленинграда 1970–1980-х гг.: тенденции развития и проблемы исследования : автореф. дис. ... канд. искусствоведения. Ленинград, 1991. 27 с.
  21. Структура театральной афиши и эксплуатация репертуара // Театр и публика: Опыт социологического исследования 1960–1970-х годов... С. 63–81.
  22. Художественная жизнь современного общества / [Рос. акад. наук, Гос. ин-т искусствознания М-ва культуры Рос. Федерации]. Т. 3 : Искусство в контексте социальной экономики / А. Рубинштейн, Ю. Фохт-Бабушкин, Е. Костина и др. 1998. 351 с.
  23. *Филипенко А. В.* Отчет о результатах экспертно-аналитического мероприятия «Анализ результативности выполнения Плана мероприятий по реализации Концепции долгосрочного развития театрального дела в Российской Федерации на период до 2020 года, а также оценка достижения целей с учетом сбалансированности со Стратегией государственной культурной политики на период до 2030 года» // Бюллетень Счетной палаты Российской Федерации. 2017. № 6. С. 249–283.
  24. *Ушкарев А. А.* Мониторинг театральной жизни России: вопросы методологии // Культурологические записки. Выпуск 16: Культурная политика — 2014. Проблемы и перспективы : Сборник статей / Отв. ред. Г. М. Юсупова. М. : Государственный институт искусствознания, 2014. С. 332–355.
  25. Вниманию театров: общероссийский мониторинг театральной жизни // Союз театральных деятелей РФ : сайт. URL: <http://std.web-soft.ru/news/268/> (дата публикации: 24.10.2014).
  26. О проекте // Лаборатория будущего театра. ГИТИС : сайт. 2021. URL: <https://thefuturelab.gitis.ru/#rec211355497> (дата обращения: 10.10.2023).
  27. *Заславский Г. А., Иванов О. В., Чернов А. Г.* Перепись российских театров: исследовательский подход и основные результаты // Театр. Живопись. Кино. Музыка. 2018. № 3. С. 131–151.

28. Заславский Г.А., Иванов О.В., Костылев П.Н., Чернов А.Г. Обзор публикаций в отечественных изданиях о тенденциях развития театра и театре будущего. М. : Российский институт театрального искусства. ГИТИС, 2019. 276 с. (<https://thefuturelab.gitis.ru/obzor-rus>)
29. Иванов О.В., Карпушкин И.С., Чистякова О.В. Обзор зарубежных исследований театра и проектов театра будущего. М. : Российский институт театрального искусства. ГИТИС, 2019. 296 с. (<https://thefuturelab.gitis.ru/obzor-mir>)
30. Заславский Г.А., Иванов О.В., Карпушкин И.С. Репертуар независимых театров в России: многообразие видов и творческий поиск // Театр. Живопись. Кино. Музыка. 2020. № 4. С. 133–150.
31. Зяблицева С.В. Специфика репертуарной политики театров Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны // Вестник КГПУ имени В. П. Астафьева. 2011. № 2. С. 245–251.
32. Зяблицева С.В. Репертуарная политика театров Западной Сибири: послевоенные метаморфозы // Magistra Vitae : электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2012. № 7 (261). С. 51–55.
33. Белова Л.И. Репертуарная политика провинциальных театров периода «оттепели» (по материалам периодической печати) // Наука ЮурГУ : материалы 72-й научной конференции. Секции социально-гуманитарных наук. 2020. С. 137–142.
34. Иванова А.Г., Заельская С.А. Репертуарная политика театральных коллективов Урала в условиях общественного застоя (1960-е – 1980-е годы) // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета : Электронный научный журнал (Online). 2015. № 3 (15). С.64–70.
35. Гузельбаева И.А. Развитие театральной культуры Татарской АССР В условиях системных реформ перестройки (1985–1991 гг.) // Новое прошлое / The New Past. 2021. № 1. С. 172–185.
36. Фролова Н.Л. Российский репертуарный драматический театр в условиях современной социокультурной ситуации (организационно-творческие аспекты) : автореф. дис. ... канд. искусствоведения. М., 2017. 22 с.
37. Фролова Н.Л. Анализ ключевых показателей деятельности репертуарных театров в период с 1991 по 2007 г. // Научные исследования. 2016. № 7 (8). С. 27–47.
38. Рашина Т.О., Михайлова О.А., Плехова В.В. Репертуарная политика современных любительских театральных коллективов: опыт социологического исследования // Манускрипт. 2020. Вып. 13, № 4. С. 144–149.

39. Прошин Е.Е. Репертуарная политика современных российских театров в сезоне 2018–2019 годов // Палимпсест. Литературоведческий журнал. 2019. № 2. С. 89–100.
40. Шуб М.Л. Художественное наследие в структуре современных репертуарных предпочтений // XVI Международная конференция памяти профессора Л. Н. Когана (90-летие со дня рождения) «Культура, личность, общество в современном мире : Методология, опыт эмпирического исследования», 21–22 марта 2013 г. Екатеринбург : УрФУ, 2013. С. 870–875.
41. Шуб М.Л. Классическое наследие в оценках россиян: актуальность прошлого // Челябинский гуманитарий. 2014. № 3 (28). С. 104–114.
42. Шуб М.Л. Классика в пространстве современной культуры: специфика восприятия и формы актуализации // Ярославский педагогический вестник. 2015. № 5. С. 378–382.
43. Культурная жизнь россиян: динамика основных показателей. 29 ноября 2018 г. // ВЦИОМ : сайт. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/kulturnaya-zhizn-rossiyan-dinamika-osnovnykh-pokazatelej> (дата обращения: 10.10.2023).
44. День культуры России. 5 марта 2021 г.: данные всероссийского опроса населения об отношении россиян к культуре и работникам культуры // ВЦИОМ : сайт. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/den-kultury-rossii> (дата обращения: 10.10.2023).
45. Житенёв С.Ю. Концепты культурного наследия в системе наук о культуре // Культурное наследие – от прошлого к будущему / Научное издание. М. ; СПб. : Институт Наследия, 2022. С. 22–37.
46. Житенёв С.Ю. Феномен нематериального культурного наследия России: вопросы сохранения и освоения // Энциклопедия нематериального культурного наследия России. Посвящается Году культурного наследия народов России. М. : Институт Наследия, 2022 г. С. 9–22.
47. Закон Московской области от 30 июня 2021 г. № 124/2021-ОЗ «О театральной деятельности в Московской области» (принят постановлением Московской областной думы от 17 июня 2021 г. № 2/150-П // Правительство Московской области : сайт. 2023. URL: <https://mosreg.ru/download/document/1130798> (дата обращения 10.10.2023).
48. О театре // Новосибирский драматический театр : сайт. URL: <https://novdt.ru/about> (дата обращения: 10.10.2023).
49. О театре // Драматический Лицейский театр : сайт. URL: <http://www liceydrama.ru/about/> (дата обращения: 10.10.2023).

50. История театра // Алтайский краевой театр драмы имени В. М. Шукшина : сайт. URL: <https://altdrama.ru/about/history/1990-e> (дата обращения: 10.10.2023).
51. Хан Алтай // Алтайский государственный музыкальный театр : сайт. URL: <https://muzkom22.ru/spectacles/id/151341/?ysclid=loq0snd8op687185536> (дата обращения: 10.10.2023).
52. Петрова Е. Это же наши корни // Вомске – информационное агентство : сайт. URL: http://vomske.ru/blogs/24279-eto_je_nashi_korni/ (дата обращения: 10.10.2023).
53. Демьянов К. «Про город», или Омская мифология // В Омске.ru. 2019. 19 марта. URL: http://vomske.ru/blogs/11640-pro_gorod_ili_omskaya_mifologiya/ (дата обращения: 10.10.2023).

СОХРАНЕНИЕ, ПОПУЛЯРИЗАЦИЯ И ПРЕЗЕНТАЦИЯ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КУЛЬТУРНО-ДОСУГОВЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ И КЛУБНЫХ ФОРМИРОВАНИЙ: ТРАДИЦИОННЫЕ И ИННОВАЦИОННЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И ФОРМЫ

В статье анализируются сущность, содержание и формы деятельности культурно-досуговых учреждений, направленные на сохранение, популяризацию и презентацию культурного наследия, выявлена типология культурно-досуговых учреждений в соответствии с различными видами наследия, рассмотрены проблемные зоны и «ресурсные точки» развития.

Ключевые слова: культурно-досуговые учреждения; клубные формирования; культурное наследие; традиции и новации.

The article analyzes the essence, content and forms of activity of cultural and leisure institutions aimed at the preservation, popularization and presentation of cultural heritage, identifies the typology of cultural and leisure institutions in accordance with various types of heritage, considers problem areas and “resource points” of development.

Keywords: cultural and leisure institutions; club formations; cultural heritage; traditions and innovations.

Культурно-досуговые учреждения и клубные формирования являются значимым ресурсом для популяризации и презентации культурного наследия, о чём свидетельствуют научные разработки и аналитические сборники министерств культуры последних лет [1–5]. В отдельных публикациях в этой связи затрагивается и проблематика внедрения инновационных форм работы по сохранению и презентации культурного наследия в клубных формированиях, а также вопросы, связанные с инфраструктурными изменениями и модернизационными процессами в сфере культурно-досуговой деятельности в целом [2, 3, 5, 6, 7].

Анализ обновления инфраструктуры культурно-досуговых учреждений и рассмотрение типологии клубных формирований отражён в исследованиях Н. Ф. Хилько. На основании анализа современных тенденций развития клубно-досуговой сферы автор приходит к выводу о том, что на современном этапе ярко прослеживается стремление к поликультурности, массовости и многопрофильности [8, с. 215].

Рассматривая возможности сохранения культурно-исторической памяти через воссоздание её образов, А. А. Никифорова отмечает целый ряд интерактивных форм сохранения культурной памяти (на примере исторической реконструкции в Северо-Западном регионе России). Автор предлагает выделить различные типы клубных объединений, сохраняющих историческую память, которые существуют в Центральной России. Среди них упоминаются такие, как военно-исторические комплексы, историко-культурные центры и экспедиции, клубы военно-исторической реконструкции, центры традиционной русской культуры и этнографии, исторические парки и др.

Рис. 1. Военно-исторический клуб «Братина» на фестивале «Щит Сибири» (источник: сайт «Вечерний Омск — Неделя». URL: <https://omskgazeta.ru/all-news/v-voenno-istoricheskom-festivale-sluzhivyy-chelovek-omskoj-kreposti-primut-uchastie-rekonstruktory-iz-sankt-peterburga/amp>)

Рис. 2. Реконструкция казачьего боя
(источник: Аргументы и факты. URL: https://omsk.aif.ru/dosug/rossiya_-_moya_istoriya_omskaya_krepost_v_miniatyure)

Следует всецело согласиться с мнением А. А. Никифоровой, что особо значимым в деятельности данных культурно-просветительских инициатив является принцип создания ярких историко-культурных образов прошлого, причём образов, наполненных позитивным ценностным содержанием и активно формирующим аксиологическое поле актуальной культуры. Так, например, при использовании такой формы, как историческая реконструкция, посетитель получает возможность встретиться с живой историей, как говорится, лицом к лицу, и при этом «с точки зрения посетителя/участника ведущую роль в исторической реконструкции играет не столько фактическая достоверность (с определенной степенью домысла), но создание цельного образа живой истории, наполненного ценностным смыслом ушедшей эпохи» [9, с. 37].

На примере Омского региона в данной связи можно отметить существование таких типов любительских объединений, сохраняющих историческую и культурную память региона, как историко-культурные комплексы (ИКК) («Омская крепость», г. Омск); клубы военно-исторической реконструкции («Кованая рать»

г. Омск.); центры традиционной русской культуры (Сибирский культурный центр, г. Омск); военно-исторические экспедиции («По местам боевых действий», г. Калачинск Омской области); этнографические парки («Васин хутор», Омская область); исторические парки («Россия — моя история», г. Омск.).

Конечно же, в работе вышеупомянутых учреждений культуры существуют и свои сложности. И дело не только в недофинансировании и отставании технической и материальной базы, что является традиционно отмечаемым фактором. Современные исследователи всё больше обращают внимание на другие проблемы, в частности, на недостаток в разработке качественного методического сопровождения работы клубных образований в вопросах проблематики, связанной с сохранением культурно-исторической памяти и наследия [10]. Решение данной проблемы, на наш взгляд, лежит в укреплении кадрового потенциала и пересмотре учебных программ для подготовки специалистов соответствующих специальностей.

Модернизация деятельности клубных образований по сохранению культурно-исторической памяти и наследия предполагает обновление форм работы, использование инновационных форм и методов работы с детьми и молодёжью. Так Э. А. Шумская отмечает, что опыт работы культурно-досуговых учреждений и деятельности неформальных молодёжных и подростковых объединений показывает, что «большой популярностью наряду с уже ставшими *традиционными* пользуются такие формы социально-культурной деятельности, как интеллектуальные игры, фотоохота, квест-комнаты, творческие кафе, арт-студии, киноклубы, волонтерские пикники, велокарнавалы, мультижанровые лонгфестивали, уличные перформансы, флешмобы и др.» [11, с. 86].

А. Н. Четвертковым был проведён социокультурный анализ ценностно-досуговых ориентиров жителей центральной России с помощью метода анкетирования. В своём исследовании особое внимание автором уделено функционированию клубных объединений. Особо автор подчеркнул, что «основными функциями досугового времяпрепровождения» в клубных объединениях «является рекреативно-оздоровительная, коммуникативная, далее культуротворческая и информационно-просветительская» [12, с. 266].

П. А. Новочук отмечает такие эффективные формы работы в освоении нематериального культурного наследия, как экскурсии (64 %), организацию и проведение праздников (66 %), игры (50 %). Проведение специальных уроков (38 %), посиделки (22 %), лекции (8 %) менее эффективны, по мнению респондентов, в этой работе. Сами подростки при этом считают более интересными и эффективными формами посиделки (52 %) и игры (58 %). Ответы на вопрос «Что необходимо сделать, чтобы поднять интерес к нематериальному культурному наследию?» распределились следующим образом: наиболее популярные ответы связаны с проведением фестивалей, конкурсов (42 %) и пропагандой в СМИ (34 %). Далее следуют изучение культурного наследия на уроках музыки в школе (26 %) и организация концертов (22 %), и только потом — издание специальной периодической печатной продукции (листовки, журналы, газеты) (8 %)» [13, с. 1004].

Исследования деятельности клубов для детей и молодёжи, несомненно, имеют большое значение. Однако следует констатировать отсутствие исследований по сохранению культурного наследия и клубной деятельности других категорий посетителей клубов, а именно среднего и старшего поколения.

Клубная деятельность по сохранению культурного наследия должна рассматриваться в контексте анализа общих тенденций развития клубных формирований в частности и сферы культурно-досуговой деятельности в целом. В этой связи можно согласиться с мнением Н. В. Шарковской, что на современном этапе происходит существенная трансформация моделей досуга [14]. Эта тенденция в русле сегментации досуговых компонентов современной досуговой деятельности отмечается и другими авторами [2, 15, 6]. При этом активная популяризация наследия, особенно этнокультурного, реализуется посредством активизации фестивального движения. Действительно, существующие коллективы различной направленности (танцевальные, музыкальные, хореографические и др.) активно участвуют в культурной жизни региона, в фестивалях и конкурсах регионального, всероссийского и международного уровня. Деятельность культурных центров, представляющих культуру различных народов и регионов страны, позволяет активно знакомиться жителям региона с традициями различных национальных культур.

Рис. 3. Фестиваль «Деревня – душа России»
(источник: сайт «Культура в Вологодской области». URL: <https://cultinfo.ru/news/2022/4/startoval-priem-zayavok-na-vsrossiyskiy-festival>)

Рис. 4. Хлеб-соль на сцене Омского Дома дружбы
(источник: БК Новости. Омск. URL: <https://bk55.ru/news/article/199211/>)

Исследуя вопросы, связанные со спецификой реализации в клубных формированиях деятельности по сохранению различных видов культурного наследия, необходимо попытаться соотнести различные виды наследия с направлениями и формами просветительской деятельности, реализуемыми в различных типах клубных формирований (см. табл. 1).

Таблица 1

Соотнесение различных видов наследия с направлениями и формами просветительской деятельности, реализуемыми в различных типах клубных формирований

№	Виды культурного наследия	Типы культурно-досуговых учреждений	Клубные формирования	Традиционные направления деятельности	Традиционные формы деятельности
1	2	3	4	5	6
1	Культурно-историческая память	Краеведческие и исторические музеи; Культурно-досуговые центры.	Военно-исторические клубы. Клубы коллекционеров. Клубы любителей старины. Клубы краеведческой направленности.	Воспитание гражданственности и военно-патриотическое воспитание. Историко-просветительская деятельность.	Реконструкции презентации. «Уроки мужества». Встречи с ветеранами.
2	Художественно-литературное наследие	Литературные музеи. Дворцы искусств.	Клубы любителей искусства. Самодельные коллективы.	Эстетическое развитие и просветительство.	Музыкально-поэтические гостиные и вечера. Концерты.
3	Мемориальное наследие	Некрополи. Памятные места, мемориалы.	Клубы «Поиск», военно-исторические клубы. Клубы ветеранов.	Духовно-нравственное и патриотическое воспитание.	Посещение мемориалов и памятных мест. «Вахты памяти».
4	Национально-культурное наследие	Культурно-досуговые центры; Этнокультурные центры и объединения.	Коллективы народного творчества	Этнокультурное просветительство и духовно-нравственное воспитание.	Ярмарки, народные праздники, мастерские, гуляния, фестивали, конкурсы.
5	Культурный ландшафт как наследие	Парки культуры и отдыха.	Станции и клубы юных туристов, экоцентры.	Экологическое и эстетическое воспитание.	Посещение парков, усадеб, скверов, локальные праздники.

Окончание табл. 1

1	2	3	4	5	6
6	Промышленное наследие	Станции клубы юных техников; Культурно-досуговые центры.	Клубы юных техников.	Техническое воспитание и просвещение.	Мастер-классы, мозговые штурмы, соревнования.

Из таблицы явствует, что определённые виды наследия более полно представлены в определённых формах деятельности тех или иных типов учреждений. Так, например, культурно-историческая память реализуется в культурно-досуговых центрах, музеях воинской славы, краеведческих музеях, в их военно-исторических клубах, организациях патриотической направленности, клубах коллекционеров. Основными традиционными направлениями деятельности здесь являются: воспитание гражданственности, военно-патриотическое воспитание, историко-просветительская деятельность. Они выражаются в традиционных формах реконструкций, презентаций, «уроках мужества», встреч с ветеранами, совместного посещения и обсуждения выставок в краеведческих и военно-исторических музеях и др.

Художественно-литературное наследие находит своё отражение в деятельности литературных музеев, дворцов искусств, клубов любителей искусства, самодеятельных коллективов. Традиционные направления деятельности здесь: эстетическое развитие и просветительство в формах музыкально-поэтических гостиных и вечеров, а также концертов.

Мемориальное наследие задействовано в посещении святых и памятных мест, некрополей, мемориалов. Возвращению памяти способствует деятельность клубов «Поиск», «Мемориал», военно-исторических клубов, волонтеров Победы, осуществляющих широкое духовно-нравственное воспитание россиян. Здесь актуальны: просмотры видеороликов, визиты вежливости к ветеранам, экскурсии по мемориалам и памятным местам, многообразные «Вахты памяти» у Вечного огня, в скверах и Парках Победы, эстафеты памяти героев России.

Этнокультурное наследие является составной частью деятельности этнокультурных центров и объединений в различных коллективах народного творчества. Здесь сочетаются два направления: этнокультурное просветительство и духовно-нравственное

воспитание. Формами передачи традиций и установления межпоколенных связей являются ярмарки, народные праздники, мастерские, гуляния, фестивали, конкурсы.

Культурный ландшафт как наследие представляется горожанам в деятельности парков культуры и отдыха, станций и клубов юных туристов, экоцентров, направленных на экологическое и эстетическое воспитание через посещение парков, усадеб, музеев под открытым небом, скверов; локальные праздники.

Промышленное наследие несёт в себе важную часть формирования трудовой доблести юных горожан. Его традиции заключаются в деятельности клубов юных техников, кванториумов, направленных на умственное воспитание через проведение мастер-классов, соревнований, мозговых штурмов.

При этом можно говорить о существовании различий в деятельности клубных формирований в культурно-досуговых учреждениях разного уровня локации. Так, в локальных клубах по месту жительства востребованность инноваций может носить исключительно локальный характер, а узкая профильность определяется преимущественно любительскими формами деятельности. На более высоком уровне культурно-досуговое учреждение уже имеет широкий профиль охвата аудитории, но преобладает любительская деятельность, в том числе и при включении в деятельность подготовительных групп. В свою очередь высокий уровень развития культурно-досуговых учреждений связан с использованием инноваций, рассчитанных на массовую аудиторию и широкой профиль деятельности. Для него характерна интеграция любительства и профессионализма.

Более детальный анализ деятельности клубных формирований, так или иначе связанных с сохранением культурного наследия, исторической памяти и процессами культурной преемственности, приводит нас к необходимости изучения общих тенденций, связанных с деятельностью культурно-досуговых учреждений и клубных формирований на современном этапе.

Деятельность культурно-досуговых учреждений и клубных формирований в современных условиях обусловлена максимумом возможностей и потенциальных ресурсов самореализации личности в условиях свободного времени. Эту мысль можно подтвердить положением В. А. Разумного о том, что сегодня необходима ориентация на «новые возможности, открывающиеся перед клубной

деятельностью, оказавшейся сейчас в совершенно иной социально-культурной ситуации, которая исключает недооценку клуба как системы отношений, сотворчества свободных людей» [16, с. 8].

Клубные любительские объединения наряду с формированием существуют во многом благодаря взаимодействию как своеобразному подготовительному первичному звену формирований и являются мощным ресурсом пополнения последних. Мы согласимся с утверждением В. В. Туева, что «клубные объединения... являются чрезвычайно сложным социальным организмом, требующим для своего “рождения” развития и обеспечения не только “одноразовых социально-культурных предпосылок”, но и длительного времени, значительных материальных ресурсов» [6, с. 18], которые являются своеобразным творческим резервом.

В отношении клубных формирований и любительских объединений налицо обнаруживается действие принципа двойного пополнения реальной аудитории клубных формирований за счёт творческого резерва. Часто эту функцию реализации местных инициатив выполняют центры социальных услуг, клубы для детей и молодёжи и КТОСы, общественные организации, творческие союзы. Очевидно, что здесь действует принцип двойного пополнения реальной аудитории клубных формирований: из потенциальной аудитории посетителей массовых мероприятий и участков подготовительных групп, заключённых в творческий резерв.

Итак, в числе современных позитивных тенденций в деятельности культурно-досуговых учреждений могут быть отмечены такие факторы, как высокая мобильность, повсеместное внедрение онлайн-технологий, расширение различных направлений деятельности, и соответствующее определение форм социально-культурной деятельности; наконец, высокий уровень посещаемости, то есть востребованность культурно-досуговых учреждений. Данный показатель связан с не только с качественными, но и количественными результатами: «О высокой востребованности культурно-досуговых учреждений у населения свидетельствует увеличение числа клубных формирований. В омском регионе, как и в России в целом, наблюдается рост числа культурно-досуговых мероприятий и их посетителей» [17, с. 11].

В то же время существует ряд проблемных тенденций и соответствующих им путей преодоления данных негативных тенденций — своеобразных ресурсных зон (см. табл. 2).

Таблица 2

Проблемные тенденции и ресурсные зоны развития

№	Проблемные тенденции	Ресурсные зоны развития
1	<i>Организационная сфера:</i> Недостаточное привлечение новых участников в клубные формирования.	Привлечение людей разных поколений к преемственным формам самоорганизации досуга. Сохранение основной и привлечение новой целевой аудитории и новых участников в клубные формирования на основе принципа двойного пополнения из резервов.
2	<i>Сфера самореализации.</i> Необходимость связи с условиями более полного раскрытия творческих способностей участников клубных формирований.	Дифференцированный подход к творческой самореализации участников.
3	<i>Сфера коммуникации.</i> Зауженность дистанционных форм культурно-досуговой деятельности.	Дополнение онлайн-участия расширенным спектром деятельности.
4	<i>Кадровая сфера.</i> Острая нехватка квалифицированных специалистов, в том числе высшей квалификации: хормейстеров, хореографов, культурных организаторов, аккомпаниаторов; отсутствие каких-либо льгот и привилегий у работников культуры г. Омска.	Преемственность среднего, высшего звеньев и дополнительного образования в сфере культуры и искусства.
5	<i>Статусная сфера.</i> Несоответствие уровня зарплаты достигнутому уровню и полученному статусу руководителей коллективов.	Достижение достойного уровня зарплаты всем руководителям коллективов независимо от их статуса.
6	<i>Финансовая сфера.</i> Недостаточность бюджетного финансирования, несоответствие новым трендам рынка культурно-досуговых услуг.	Расширение видов самоокупаемых услуг, соответствующих новым трендам рынка культурно-досуговых услуг. Консолидация бюджетов, коллаборация и частичная самоокупаемость.
7	<i>Технологическая сфера.</i> Отсутствие стратегии поиска и обновления нормативной, методической и технической базы, использования инновационных технологий.	Обновление нормативной, методической и технической базы, использование инновационных интерактивных технологий.

№	Проблемные тенденции.	Ресурсные зоны развития
8	<i>Сфера проектирования и коллаборации.</i> Слабая включённость в формирование культурной индустрии в процессе создания культурно-образовательных кластеров в регионе.	Возможность кластерного принципа проектирования в обновлении культурной индустрии региона.
9	<i>Материально-техническая сфера.</i> Использование традиционного устаревшего оборудования и реквизита.	Обновление технической базы за счет ресурсообмена.

В результате проведённого исследования можно сделать следующие выводы. Сбои в организационной сфере вызваны недостаточным привлечением новых участников в клубные формирования. Здесь требуется сохранение основной и привлечение новой целевой аудитории и новых участников в клубные формирования на основе принципа двойного пополнения из творческого резерва, а также привлечение людей разных поколений к преемственным формам самоорганизации досуга. Коммуникации начала XXI века высветили проблему узости применяемых дистанционных форм культурно-досуговой деятельности, что не исключает их постоянного дополнения расширенным спектром деятельности.

В кадровой сфере ощущается острая нехватка квалифицированных специалистов, в том числе высшей квалификации: хормейстеров, хореографов, организаторов, аккомпаниаторов. Основным ресурс здесь — преемственность среднего, высшего звеньев и дополнительного образования в сфере культуры и искусства. Проблемы проявляются в несоответствии уровня зарплаты достигнутому уровню и полученному статусу руководителей коллективов. Требуется достижение достойного уровня зарплаты всем руководителям коллективов независимо от их статуса. Есть недостаточность бюджетного финансирования, несоответствие новым трендам рынка культурно-досуговых услуг. Решением этой проблемы может быть расширение видов самокупаемых услуг, соответствующих новым трендам рынка культурно-досуговых услуг. Большую роль при этом играет консолидация бюджетов, коллаборация и частичная самокупаемость.

Технологическая сфера обнажила проблему отсутствия стратегии поиска новой нормативной, методической и технической базы, использования инновационных технологий. Естественно, нужно постоянное обновление нормативной, методической и технической базы, использования инновационных интерактивных технологий.

В сфере проектирования и коллаборации выявляется слабая включённость в формирование культурной индустрии и деятельность по созданию культурно-образовательных кластеров в регионе. Здесь явно нужно пересмотреть возможность кластерного принципа проектирования в обновлении культурной индустрии региона.

Наконец, проблемы материально-технической сферы показывают снижение эффективности использования традиционного устаревшего оборудования и реквизита. Потенциал развития здесь заключается в обновлении технической базы за счёт ресурсообмена. Необходимо заменять устаревшее оборудование, реквизит, оснащать в достаточной степени мультимедийной техникой, использовать интерактивные технологии.

В заключение необходимо ещё раз обратить внимание на тот факт, что с одной стороны, клубные формирования, связанные с деятельностью по сохранению, популяризации, репрезентации и актуализации культурного наследия, испытывают на себе все влияния современной культурной ситуации, наряду с другими учреждениями культуры и клубными формированиями другой направленности. С другой же стороны, они имеют свои особенности, свою типологию, определяющую преобладание тех или иных традиционных и инновационных форм деятельности, связанной с сохранением и трансляцией культурного наследия и исторической памяти. Данные клубные формирования нуждаются в особой заботе со стороны государства по всем отмеченным выше направлениям, а также требуют особого внимания к сфере инновационного методического обеспечения и сопровождения их деятельности.

Литература и источники

---

1. *Жаркова Л. С.* Деятельность учреждений культуры. М., 2003. 234 с.
2. Деятельность муниципальных учреждений культуры и искусства г. Омска в 2020 г. // Информационно-аналитический сборник. Омск, Администрация г. Омска. Департамент культуры. 2021. Вып. 19.

3. Деятельность муниципальных учреждений культуры и искусства г. Омска в 2022 г. // Информационно-аналитический сборник. Омск, 2020. Администрация г. Омска. Департамент культуры. Вып. 21.
4. Деятельность муниципальных учреждений культуры и искусства г. Омска в 2019 г. // Информационно-аналитический сборник. Вып. 18. Омск : Администрация г. Омска. Департамент культуры. 2020.
5. Панова Н. Г. Социально-культурная деятельность как фактор повышения качества жизни населения // Мир науки, культуры, образования. 2021. №1 (86). С. 175–177.
6. Туев В. В. Клуб в истории культуры. Кемерово : КемГУКИ, 2009. 185 с.
7. Белецкая Е. А., Бовкунова Ю. В., Ефремова Н. В. Социально-культурная деятельность клубных формирований как фактор самореализации подростков в современных условиях // Современные наукоемкие технологии. 2019. № 12–1. С. 139–143.
8. Хилько Н. Ф., Горелова Ю. Р. Обновление инфраструктуры культурно-досуговых учреждений и клубных формирований г. Омска в 2019–2020-х годах // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2022. № 59. С. 210–220.
9. Никифорова А. А. Интерактивные формы сохранения культурной памяти (на примере исторической реконструкции в Северо-Западном регионе России) // Культура и искусство. 2021. № 3. С. 37–44.
10. Баландина Г. А. Модернизация системы управления учреждениями культуры в муниципальных образованиях как основа совершенствования их деятельности // Культура и образование: научно-информационный журнал вузов культуры и искусств. 2016. № 3 (22). С. 98–103.
11. Шумская Э. А. Деятельность клубных объединений по приобщению подростков к нематериальному культурному наследию // Развитие науки и образования: новые подходы и актуальные исследования : сб. науч. тр. по материалам XXI Международной научно-практической конференции (г. Анапа, 22 сентября 2021 г.). Анапа : НИЦ ЭСП в ЮФО, 2021. С. 86–97.
12. Четвертков А. Н. Социокультурный анализ ценностно-досуговых ориентиров жителей центральной России // Вестник Тамбовского государственного университета. 2007. № 4. С. 262–266.
13. Новочук П. А. Социально-культурные аспекты приобщения детей к нематериальному культурному наследию в деятельности подростковых клубов // Педагогика. Вопросы теории и практики. 2021. № 6. С. 1001–1005.

14. Шарковская Н.В. Аксиологическая направленность культуротворческих форм активного досуга современного студенчества // Вестник Московского государственного университета культуры. 2018. № 1 (81). С. 112.
15. Ярошенко Н.Н. Воспитательный потенциал современной индустрии досуга // Вестник ЧГАКИ. 2015. № 4 (44). С. 28–34.
16. Разумный В.А. Клуб и культура общения. М., 1989. 91 с.
17. Белецкая Е.А., Бовкунова Ю.В., Ефремова Н.В. Социально-культурная деятельность клубных формирований как фактор самореализации подростков в современных условиях // Современные наукоемкие технологии. 2019. № 12–1. С. 139–143.

Раздел 3

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И НАСЛЕДИЕ

Алисов Д. А.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ В КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ГОРОДА

В статье проанализированы процессы формирования и разрушения исторической памяти, систематизированы и обобщены результаты исследований по закреплению культурно-исторической памяти в городской среде. Одним из главных свойств памяти признается её многослойность и системная зависимость от цивилизационных, социальных и этнических структур общества в их исторической динамике. В статье проанализированы культурные механизмы формирования и поддержания исторической памяти, в частности отмечена особая роль музеев и мемориальных комплексов.

Ключевые слова: историческая память, город, культурный ландшафт, культурные механизмы формирования и поддержания, музеи, мемориальные комплексы

The processes of formation and destruction of historical memory are analyzed, the results of research on consolidating cultural and historical memory in the urban environment are systematized and summarized. One of the main properties of memory is its multi-layered nature and systemic dependence on the civilizational, social and ethnic structures of society in their historical dynamics. The article analyzes the cultural mechanisms of the formation and maintenance of historical memory, in particular, the special role of museums and memorial complexes is noted.

Keywords: historical memory, city, cultural landscape, cultural mechanisms of formation and maintenance, museums, memorial complexes.

В последние годы и десятилетия во многих странах мира наблюдается отчётливая тенденция на переосмысливание и даже «переписывание» «национальных» историй. В связи с этим пере-

именовываются улицы и проспекты, сносятся старые и возводятся новые памятники. В некоторых странах, и прежде всего на Украине и государствах Прибалтики, государствах, возникших на «развалинах» СССР, в странах Восточной Европы подобная деятельность носит весьма активный, можно сказать, агрессивный характер. В связи с этим происходит актуализация науки о формах существования и взаимодействия «прошлого» и «настоящего» в общественном развитии и в том числе в таком его феномене, как города.

Изучение процессов формирования и разрушения исторической памяти началось относительно поздно в конце XIX — начале XX века. На Западе процесс изучения этого явления связывают с французской социологической школой, опирающийся на идеи Эмиля Дюркгейма, а позднее Мориса Хальбвакса и его приверженцев и последователей.

В России одним из первых, кто обратил внимание на историческое взаимодействие «остатков» прошлого и насущного настоящего, по нашему мнению, был Иван Михайлович Гревс с разработанным им экскурсионным методом познания города, и его ученики, и прежде всего Николай Павлович Анциферов. Хотя, можно здесь заметить, что ещё несколько ранее процесс взаимодействия прошлого и настоящего и закрепление его результатов в городской среде отметил великий русский историк Василий Осипович Ключевский. Однако для него История и Историческая память были вполне адекватными понятиями.

В отечественной исследовательской литературе в настоящее время по данной проблеме наиболее востребованы идеи и концепции Л. П. Репиной, А. В. Святославского, М. М. Фёдоровой, Е. С. Сеньявской, В. Г. Рыженко и др. На протяжении последних лет эта проблема неоднократно привлекала и автора данной статьи. В связи с этим хотелось бы подвести некоторые итоги и обобщить полученные наблюдения и результаты.

В виду «разрывного» относительного отставания гуманитарных наук от естественных и технических, что вполне объясняется сложностью объекта исследования, так как нет ничего более сложного, чем Человек и его Общество (социум) [1, с. 41], в гуманитарных науках в методологии (методологиях) исследований и категориальном аппарате наблюдается весьма сильное, и это ещё очень мягко сказано, разнообразие. Здесь нет ещё научной чётко-

сти математики, физики или астрономии. Хотя и там наблюдается разнообразие, но есть вполне себе опорные системы координат, постулатов, формул и теорий.

В гуманитарных исследованиях взаимодействия человека в пространстве и времени, даже в таком «ограниченном» феномене, как город, есть отдельные пересечения и смысловые взаимодействия отдельных теорий, концептов и категорий, но нет единства взглядов на эти процессы даже в фундаментальных основаниях. Приходится выборочно опираться на ту или иную школу, ту или иную методологию и рассчитывать на сущностное пересечение конечных результатов. В результате этого конечный вывод всегда не является окончательным, уязвим для критики и несёт в себе гораздо меньше «объективности». Многоликость и многослойность изучаемого объекта (город) плохо поддаётся плоскостным определениям и описаниям, а многомерные пока «не открыты».

Согласно сложившимся представлениям в современной гуманитарной науке, «Историческая память» — как совокупность знаний и переживаний, отражающих наиболее важную, актуальную, конкретизированную информацию об историческом прошлом, — имеет более широкие рамки, чем социальная память некой группы людей, а её носитель — не конкретная, однородная социальная группа, а социальная общность, представители которой являются одновременно членами несколько разных социальных групп [2, с. 135].

Историческая память города, который есть одновременно его материальный носитель и интерпретатор как социум, является важнейшей характеристикой его культурного ландшафта, так как «прошлое в известной мере продолжает жить в современности, а не исчезает бесследно. Оно живет в материальных процессах, в сознании людей, в сложившихся общественных связях, политическом строе, произведениях искусства, наконец, традициях» [3, с. 13].

И здесь следует отметить, что не следует смешивать Историческую память и Историю (Прошлое как состоявшийся процесс), а также остатки Прошлого, сохранившиеся и вошедшие в культурный ландшафт современного города. История — это процесс и в каждый отдельный момент времени мы можем фиксировать только конечный результат этого исторического Прошлого в историческом Настоящем. Да, в историческом Настоящем существуют

остатки исторического прошлого, хотя бы и в виде сохранившихся в городе зданий, сооружений и памятников. Но они уже «включены» в Настоящее и видоизменены им: изменены их функция, социальное назначение, аксиология, социальная интерпретация, окружение и т. п. Их окружает «другое» пространство и в историческом, и в материальном смыслах. Остатки Прошлого — это всего-навсего остатки прошлого, а не само Прошлое. Историческая память, хотя она и отражает Прошлое, но это всего-навсего очередное «пояснение» современников к Истории и ничего более. Историческая память есть искусственная конструкция, «примиряющая» Прошлое с Настоящим в рамках человеческого социума. Используя известный перифраз, можно констатировать: какие времена, такая и историческая память. Историческая наука изучает прошлое как процесс и оказывает влияние на Историческую память, но профессиональное историческое знание не является Исторической памятью в нашем понимании, хотя и оказывает на неё заметное влияние.

Историческая память городского культурного ландшафта является его важнейшей антропогенной функцией: «ибо человек никогда ни живет только своим временем: незаметно для себя — через материальную культуру, выработанные предками поведенческие нормы, речь — он вбирает в себя историю народа, страны» [4, с. 6].

Анализируя структуры культурного ландшафта, Р. Ф. Туровский отметил, что «культурный ландшафт меняется во времени, слагаясь из серии исторических пластов», и в городе «на территории исторические пласты обычно представлены отдельными сооружениями той или иной эпохи, реже — целыми архитектурными ансамблями. Некоторые ансамбли могут гармонично включать памятники различных исторических эпох», <...> «в духовной части культурного ландшафта исторические пласты представлены в виде народной исторической памяти..., исторических произведений и современных исследований, воссоздающих культурные ландшафты прошлого» [5, с. 27].

Продолжая эту мысль, следует отметить, что исторические события, образы и смыслы, созданные человеком, закрепляются с помощью материальных объектов в городском культурном ландшафте подобно тому, как человеческая мысль фиксируется знаками письменности. Существует множество способов фиксации

исторической памяти в городском ландшафте: музеи и музейные экспозиции, памятники и мемориальные комплексы, топонимические системы и многое другое [6, с. 347].

Начнём с музеев и музейных экспозиций. И здесь речь пойдёт не только о краеведческих музеях и музеях города (по типу Музея города Иркутска), что вполне очевидно, или литературных и художественных, а обо всех типах музеев. Ибо музей любого типа «привязан» к своему городу и отражает в той или иной степени его культурный ландшафт и его историческую память.

Большинство исследователей определяют музей как социальный институт исторической памяти. Так, по определению весьма авторитетной «Российской музейной энциклопедии», музей — это «исторически обусловленный многофункциональный институт социальной памяти, посредством которого реализуется общественная потребность в отборе, сохранении и репрезентации специфической группы культурных и природных объектов, осознаваемых обществом как ценность, подлежащая изъятию из среды бытования и передаче из поколения в поколение» [7, с. 395].

С философской и культурологической точки зрения, основополагающей функцией музея является «оживление ментального пространства в антропогенезе», что, собственно, и представляет процесс становления человека как человека, т. е. существа не только биологического, но и социального и исторического. По мнению философа О. К. Румянцева, «менталитет эпохи оказывается выраженным, т. е. осознанным как целое лишь в акте выхода за горизонт своей эпохи» [8, с. 77]. Таким образом, музей предоставляет возможность человеку выйти за горизонт обыденности и познать (самопознать) прошлые состояния человеческого социума.

О том, какое значимое место в институте формирования и закрепления исторической памяти занимают музеи, можно судить по следующим цифрам. В современной России, согласно данным Министерства культуры Российской Федерации за 2018 г., насчитывалось 2809 музеев (включая филиалы и структурные подразделения) [9]. Общий объём музейного фонда РФ составляет более 90 млн единиц хранения. В настоящее время в Российской Федерации 1 музей приходится примерно на 50 тыс. чел. В этом отношении российские города находятся значительно ближе к Европе, чем к остальному миру.

Музей — это способ познания мира эмпирически-чувственным способом. В нём можно увидеть, услышать, почувствовать тактильно остатки прошлого в виде артефактов и реликтов городской культуры. Музей — хранилище — это его коллекции артефактов, отражающих предшествующую эволюцию культурного пространства города и человека. В то же время музей, по мере концентрации в нём культурных ценностей, обретает способность «наделять значениями вещи». Музейные собрания, как и отдельные предметы, «не являются поэтому самотождественными: они несут на себе «облака смыслов», которые превращают их из материальных предметов в предметы культуры» [10, с. 86].

Таким образом, материальное конвертируется в духовное и историческое. И одной из важнейших социальных функций музея, как это парадоксально не звучит, является не просто хранение, но *интерпретация «смыслов прошлого»*, создание образов и мифологем, которые являются основой формирования исторической памяти. Смена исторических эпох всякий раз приводит к изменению интерпретаций.

Музей как «просветитель и проектант» — это его экспозиции и выставки, призванные посредством определённого сочетания и представления артефактов и образов истории *формировать новую историческую реальность*, способную влиять на будущее. В этом случае (уже свершившееся) культурное взаимодействие человека и городского пространства, отражённое в экспонатах музея, дополняется новой саморефлексией и формированием новых ценностей, которые становятся составной частью и элементом современного культурного ландшафта города.

В связи с этим необходимо отметить широко распространённую в немецкоязычной музеологии точку зрения, согласно которой «музеология является теоретическим объяснением особого отношения к реальной действительности», «осуществляемым при помощи философского инструментария». Характерной чертой «экспозиционной ситуации» является то, что «реальная реальность передаётся с помощью фиктивной реальности, из которой посетитель конструирует личную реальность» [11, с. 203]. То есть состоявшаяся история («реальное прошлое») при помощи экспозиционной манипуляции с артефактами (остатками) прошлого, преобразованная в «образы истории», становится основой формирования исторической памяти субъекта (человека, социума).

Таким образом, преобразованное и вновь привнесённое «историческое прошлое» всякий раз вновь включается в современные координаты культурного пространства и определяет его духовные ценности. Таким образом, «музей... служит точкой пересечения культурных потоков, обеспечивающей, с одной стороны, стабильность (сохранение традиционных норм и ценностей), а с другой стороны, динамику социального развития (формирование новых когнитивных и поведенческих паттернов, соответствующих глобальной социальной культуре)» [12].

Подавляющее большинство музеев находится в городах и является важнейшим элементом их культурного ландшафта. Они активно участвует наряду с другими социальными институтами в воспроизводстве городской идентичности. Одной из важнейших функций современного музея в городе является коммуникативная. Исходя из этого, современный музей представляет собой особый социокультурный феномен передачи историко-культурной информации как в рамках отдельно взятого города, так и в рамках государства в целом. Музей — это мост между прошлым, настоящим и будущим. Согласно представлениям выдающегося русского историкографа Л. П. Карсавина, «история «строит» осуществлённое уже и осуществляющее ещё, исходя из момента настоящего, постигает прошлое через настоящее и настоящее через прошлое, и не как разъединённые моменты, а как непрерывный процесс» [13, с. 277].

Понимание важности коммуникативной функции музея особенно активно развивалось в последние годы по мере формирования и становления представлений об информационной цивилизации и цифровой экономике. Коммуникативные возможности музея позволяют связывать отдельные социальные единицы в единый общественный организм, единый социум. В этом отношении музей является не только институтом памяти, но и творцом единства. Об этом в своё время хорошо написали известные западные учёные П. Бергер, австриец, эмигрировавший в США, и Т. Лукман, профессор социологии из ФРГ: «Символический универсум упорядочивает также историю. Он связывает коллективные события в единое целое, включающее прошлое, настоящее и будущее. По отношению к прошлому создается “память”, объединяющая всех тех, кто социализирован в данной общности» [14, с. 168]. Прошлое и представления об этом прошлом «скрепляют» единицы социума в единое настоящее.

Ещё одним способом формирования и закрепления исторической памяти в городском культурном ландшафте являются памятники и мемориальные комплексы. Исследуя памятные места и коммеморативные практики в городах Западной Сибири, один из самых авторитетных учёных в этих вопросах Е. И. Красильникова отметила, что, несмотря на определённые достижения, «до сих пор не поставлен и не изучен вопрос о городских памятниках Западной Сибири как об узловых элементах ландшафта коллективной памяти городских жителей, не исследована динамика смыслов, отразившихся в этих коммеморациях на разных этапах [15, с. 48]. Если памятники и мемориалы в качестве элемента городской среды в той или иной степени подвергались изучению, то их формирование и бытование в качестве «элемента» исторической памяти города все ещё недостаточно представлено в исторических исследованиях и требует специального исследования.

Любой памятник (монумент) со временем становится «знаком» и приобретает символическое значение. По мнению Поля Рикёра, «не может быть осознания смысла без хотя бы минимального понимания структур», в данном случае, структур памяти культурного ландшафта города [16, с. 89].

Мемориализация — это способ целенаправленного формирования и закрепления исторической памяти в общественном сознании различных групп населения. Она служит прежде всего формированию социальной, национальной, этнической, политической и государственной идентичности.

Фиксация исторической памяти в городском культурном ландшафте посредством возведения монументов и создания мемориальных комплексов имеет целый ряд особенностей.

Во-первых, памятники и монументы в подавляющем числе случаев непосредственно связаны с «историческими могилами» и некрополями. Они возникают на месте гибели или захоронения «героев истории». Простой пример. Первые, и порой очень незатейливые памятники Гражданской войны, как правило, ставились на местах массовых захоронений. Так, в 1920 г. в Томске был поставлен обелиск на братской могиле борцов за советскую власть. В 1921 г. в Тобольске поставлен памятник на братской могиле жертв Гражданской войны. В Новосибирске в 1922 г. был установлен памятник на братской могиле 104 борцов за советскую власть (скульптор В. Сибиряков, инженер А. Кудрявцев).

В 1923 г. в Омске был установлен памятник у братской могилы борцов революции (скульптор Н. Виноградов). В 1925 г. в Омске установлен памятник на братской могиле участников восстания 22 декабря 1918 г. против колчаковцев. Этот список можно продолжать долго [17].

Во-вторых, памятники и мемориалы совмещают историческое и символическое значения. Например, памятник Д. М. Карбышеву в Омске, с одной стороны, это память о подвиге героя в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. С другой — вечный символ верности долгу и воинской присяге, Родине. Жертва во имя жизни своего народа и государства, которому приносилась присяга. С одной стороны, это памятник «места» локальной истории, посвящённый герою земляку, с другой — национальный и имеющий международное значение (жертва нацизма).

В-третьих, памятники и мемориалы служат пространственной локализации исторических событий. Один из классиков memory studies П. Нора отмечает необходимость пространственной локализации значимых исторических событий для легитимизации любой власти. Как отметили Д. Уинтер и Ф. В. Николаи, некоторые из исторических событий, например, День взятия Бастилии в Париже или День независимости в Филадельфии, отмечаются вне зависимости от того, кто именно находится у власти [19].

При этом в процессе формирования исторической памяти посредством сооружения памятников и мемориалов «находит свое отражение такая характерная особенность феномена исторической памяти, как избирательность, то есть акцент на определенных исторических реалиях при игнорировании других» [20, с. 98].

Но, по мнению любой власти, памятник должен ей служить, а иначе тем хуже для него. Определённое исключение составляют только те монументы и мемориалы, которые объявляются общенациональным достоянием и фиксируют легитимные с позиций власти исторические события и исторических героев, или получают соответствующую новой легитимности интерпретацию. Ещё одно исключение — это мемориалы и памятники, признанные как имеющие художественную (эстетическую) ценность.

В связи с этим следует отметить, что историческая память, формируемая памятниками и мемориалами в социуме, как бы раздваивается. Во-первых, любой памятник — это свидетельство о вполне реальных событиях и героях прошедшей истории, об-

разах исторического прошлого. Обозначим этот вид памяти как **Память 1** или память прошлого. Во-вторых, это память социума в «момент коммеморации», в основе которой лежит современный (на момент создания мемориала) исторический образ о прошлом подвиге или исторический миф, отражающий реальный исторический процесс, но уже не вполне адекватный ему в силу обобщения и избирательности. Это **Память 2** — память момента. Наряду с этими пластами исторической памяти, закреплёнными в граните и бронзе, существует ещё **Память 3** — память настоящего [21].

Память настоящего — это виртуальные образы, возникшие в последующие годы и десятилетия существования мемориала в виде набора интерпретаций и новых смыслов. По точному определению О. О. Дмитриевой, «с течением времени, когда пережитые события превращаются в историю, когда остается все меньше современников, образ все более трансформируется и видоизменяется, все более отдаляется от исторической действительности» [22]. Таким образом, со временем происходит постепенный разрыв реального Прошлого и Исторической памятью об этом Прошлом.

Каждая эпоха имеет свои смыслы и символы. Смена эпох приводит к изменению «политики памяти», пересмотру отношения к ранее созданным памятникам и мемориалам, к созданию новых, пересмотру интерпретаций прошлых материальных воплощений прошлого, а иногда к забвению и разрушению неудобных. Распад СССР и образование суверенной Российской Федерации проходили во многом в условиях отказа от советского прошлого. Это привело, с одной стороны, к многочисленным попыткам декоммунизации исторического прошлого» в России путём «снятия» с пьедесталов целого ряда памятников советским деятелям, в том числе и отличившимся в годы Гражданской войны (Ф. Дзержинский — в Москве, К. Лигети — в Омске и т. п.). С другой — к попыткам провести массовую мемориализацию наиболее видных представителей белого движения. Так, были поставлены памятники Маркову (первый в России памятник белому офицеру, архитектор — Алексей Бегунов, скульпторы — Владимир и Данила Суровцевы) в Сальске (Ростовская обл., 2003), Колчаку в Иркутске, Корнилову в Краснодаре (2013). Много лет в Омске продолжают споры о возможности установки памятника адмиралу Колчаку.

Без определения концептуальных задач и общественно значимых целей в области политики памяти проведение мемориализации будет наталкиваться на сопротивление масс и служить не гражданскому миру, а расколу российского общества.

Опыт многих других стран (например, Испании, Финляндии и др.), а не только России, показывает, что основные объекты мемориализации определяет победившая сторона. Кому и какие памятники возводить, как называть города, улицы и площади. В России победили «красные». Они сформулировали основные постулаты мемориализации. В России было воздвигнуто немало памятников «красного пантеона». Отказ от исторической памяти и мемориалов красным неизбежно ведёт к отказу от всей последующей советской истории, в том числе Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., которой мы гордимся всем народом, и в 2024 году будем отмечать её 79-летие. Да, история не терпит сослагательного наклонения. Но не победы красных белых, то не было бы и этой Победы, и весь мир был бы иной [21].

Другим способом фиксации исторической памяти в городской среде являются внутригородские названия, которые закрепляют в объектах материальной культуры нематериальное культурное наследие — историческую интерпретацию деятельности социума. Названия внутригородских объектов не только служат важными ориентирами в городском пространстве, но и **источником исторических образов**, символов и мифов. Несмотря на то что топонимические системы в значительной степени подвержены изменчивым политическим вкусам и предпочтениям, они сохраняют свою значимость хранилища исторической памяти и придают историческую глубину культурному ландшафту города.

Внутригородским номинациям в последние годы уделяют большое внимание не только лингвисты, но и историки [23].

Актуализация темы городских топонимов в последние годы происходит не только из-за потребностей развития науки, но и под влиянием многочисленных дискуссий о переименованиях внутригородских объектов России и других государств, возникших на развалинах СССР, преодоления чрезмерной идеологической направленности, доставшейся в наследство советской топонимической системы. Особой активностью и даже оголтелостью отличается кампания борьбы с исторической памятью, закреплённой в топонимических системах, развязанная государством и национа-

листами на Украине с целью избавиться от исторической памяти, «связывающей» Украину и Россию в недавнем едином советском прошлом. Таким образом, топонимический вопрос превратился в вопрос об исторической памяти и способах воздействия на неё.

Историкам хорошо известно, что «топоним — памятник своего времени, и время изменяет его первоначальный облик» [24, с. 63]. Но как показывает историческая практика: перемены переменам рознь. «Изменять облик» не должно означать «уничтожать». Вспомните историю борьбы в Древнем Египте с памятью о фараоне Эхнатоне, и чем она закончилась — его помнят спустя более 3300 лет. Тотальное уничтожение исторической памяти просто невозможно, пока существует человечество. В этом отношении отрыв от исторически закреплённых результатов предшествующего культурного строительства непременно приводит к тяжёлым социальным и культурным потерям.

Даже подверженная самой жёсткой чистке любая топонимическая система несёт «облака» прошлых смыслов и структурные составляющие «прошлой» исторической памяти. Городской социум, в свою очередь, находит свои способы сопротивления необдуманным переименованиям внутригородских объектов. В результате подобного противодействия наряду с официальной топонимикой появляется «народная» неофициальная, способная многие годы и десятилетия хранить историческую память о прошлом.

Насколько широко проникает неофициальная топонимика в глубины исторической памяти горожан, можно судить на примере сравнительного исследования, проведённого Л. З. Подберезкиной и Д. В. Лукьяновой. По их данным, в современном Новосибирске выявлено 282 неофициальных номинации внутригородских объектов, в Красноярске — 260 [25, с. 172.]. Согласно воспоминаниям автора данной статьи, несмотря на то, что в Омске ул. Маяковского возникла в 1955 г. в результате переименования ул. Кузнечной, которая существовала полвека с 1904 по 1955 гг., многие жители города на протяжении четверти века, вплоть до начала 1980-х годов, особенно старое поколение, по-прежнему в разговорах именовали её Кузнечной.

Формирование топонимической системы города проходит во времени несколько логических этапов, соответствующих слоям исторической памяти. Первоначально топонимы фиксировали, главным образом, природно-географические особенности вну-

тригородского пространства. Так, в Томске в числе первых появляются такие топонимы, как Болото, Пески, Заисточье, обозначающие различные части города. В систему внутригородских наименований, как правило, первоначально включались и местные аборигенные названия, что было характерно для городов Сибири с их фронтирным характером образования и развития. Название района Томска Уржатка — это русифицированный вариант тюркского слова, обозначающего понижающуюся уступами местность или место слияния двух рек. Елань (Ялань) — тюркское слово, довольно широко распространённое в сибирской топонимике со значением «поляна или прогалина в лесу, не заболоченное или возвышенное место». Это и название района в дореволюционном Томске, и название посёлка в Кемеровской области (Новокузнецкий район). И населённый пункт Томской области (Чаинский район) [26, с. 77]. Однако уже на начальном этапе формирования системы внутригородских наименований среди топонимов появляются и такие, которые отражали разные стороны человеческой деятельности. Например, Кирпичи в Томске (производственная деятельность) и т. п.

К более позднему слою внутригородских названий, а значит и исторической памяти города, относятся обозначения улиц по значимым сооружениям (прежде всего культовым) и домовладениям (первым или крупным) и географическим направлениям. Например, в дореволюционном Омске существовали Никольская площадь (перед Казачьим Никольским собором), Ильинская, Крестовоздвиженская, Параскеевская улицы, названные по храмам, расположенным на них. Буткеевский переулок в Томске (известен с 1878 по настоящее время) был назван по фамилии одного из домовладельцев — томского учителя Петра Александровича Буткеева (1841–1913). Современный Буяновский пер. — это бывшая Буяновская ул. (1878), названная по имени домовладельца Буянова, сведения о котором утрачены во времени [27, 28].

И только позднее, в XIX веке стали появляться названия, которые «оценивали, квалифицировали, увековечивали, <...> отражали какой-то момент в истории города» [24, с. 740], или то или иное исторически значимое имя. Стихийные «народные» номинации постепенно уступают место процессу целенаправленного присвоения наименований с позиций «власти» и «городского общества». Народная, стихийно складывающаяся историческая память

в городской среде уступает место государственной картине мира и истории. Вместо всяких там Песков и Болот, и наряду с ними, появляются Шпрингеровская, Гасфортговская, Дюгамельская, Капцевича, Казнаковская, Чернавинская, Потанинская, Пушкинская — в Омске; Александровская, Королевская, Ереневская — в Томске. В начале XX века на карте Томска появляются улицы, получившие наименования в честь деятелей культуры, главным образом, писателей. Так, в Томске появляются улицы Гоголя (1909, бывшая Жандармская), Белинского (1912, бывшая Офицерская), Лермонтова (1914, ранее Кондратьевская, 1878 г., а до этого — Малая Болотная, известная с 1853 г.). В начале XX века в Омске переименовывают улицу Томскую в Лермонтовскую (1914). Таким образом, возникает современная система формирования и закрепления исторической памяти в городской среде посредством номинаций.

В определённые периоды времени переименования принимали массовый характер. Особенно это характерно при революционной смене власти и экономического строя в начале XX века, коим соответствовали радикальные идеологические изменения в обществе. Некоторые улицы города за время своего существования подвергались многократным переименованиям. Например, в Томске ул. Дворянская (1825) по идеологическим причинам переименовывается сначала в ул. Равенства (1920), а позднее становится ул. Гагарина (1961).

Так, накануне революционных потрясений Омск, как и многие из российских городов, имел богатое историческое прошлое и вполне сложившуюся и устойчивую топонимическую систему. Однако в результате революционных преобразований (1917–1920) эта система подверглась сначала критике, а затем и пересмотру. В эпоху революции и гражданской войны в Омске в результате череды переименований появились топонимы, призванные закрепить в исторической памяти факт свершившейся революции как части мирового революционного процесса (Коммунистическая, 1920; Проспект Маркса, 1920; Ленина, 1920; Карла Либкнехта, 1920; Спартаковская, 1920; Пролетарская, 1921) и «вовлечение» Омска в эти процессы (Красный путь, 1920; ул. 5-й Армии, 1920) [27].

Подобные процессы были характерны и для Томска. Для сравнения. Уже в мае 1920 г. в Томске появляются такие названия улиц, как В. И. Ленина, К. Маркса, А. И. Герцена, Г. В. Плеханова, Р. Люксембург. Улица Солдатская переименовывается в Красноар-

мейскую, а Миллионная становится Коммунистической. Кстати, из этого списка в названиях улиц Томска к сегодняшнему дню было утрачено только два топонима — ул. К. Маркса и ул. Коммунистическая [28, с. 6].

Интересно проследить дальнейшее формирование исторических смыслов и символов в исторической памяти советской эпохи на примере Омска. Омск периода НЭПа и начала перехода к социализму (1920-е) развивал и укреплял новую топонимическую революцию. Наименования улиц были посвящены не только революционным событиям: ул. 25 Октября (1921), ул. 1905 года (1923) и героям революции — Декабристов (1923), Герцена (1920), Кропоткина (1921), Свердлова (1921), Плеханова (1923) и др., но и местным революционерам и героям гражданской войны: Гусарова (1920), Лобкова (1921) и др.

В период 1930-х гг. топонимическая система Омска была нацелена на воспроизводство советских традиций: ул. 1 Мая (1932), ул. 5 Декабря (1938), 20 лет РККА (1938) и закрепление успехов социалистического строительства: ул. Беломорстроя (1935), Волховстроя (1935), Челюскинцев (1935), Дальневосточная (1938). Накануне Великой Отечественной войны появились наименования улиц на актуальные «горячие» военно-политические события: Белорусская (апрель 1941), Карело-Финская (апрель 1941).

В годы Великой Отечественной войны (1941–1945) в городе появляются улицы героев войны — ул. Бударина (1944). Это направление топонимики развивается и в первые послевоенные годы (1945 — середина 1950-х). В Омске появляются ул. Баранова (1948) и Гуртьева (1952). Продолжена линия «политических» наименований: Ялтинская (1954). XIX Партсъезда (1955), Проспект Мира (1955).

Советский Омск (конца 1950-х — начала 1980-х), как и вся страна, боролся за коммунизм (ул. XXII Партсъезда, 1962), побеждал на колхозных и совхозных полях (Агрономическая, 1958; Аграрная, 1962), устремился в космос (ул. Гагарина, 1961; Проспект Космический, 1962; Проспект Академика Королева, 1971; Проспект Комарова, 1977; бульвар Космонавтов, 1977).

Поздний советский город Омск (1980-е) переориентировался на местных героев войны (ул. Береженого, 1982; Дмитриева, 1983; Комкова, 1982; Лисицкого, Телегина) и труда (ул. Степанца, 1978; Штанина, 1998).

На исходе советской эпохи было принято решение Омского горисполкома № 135 «О возвращении исторических топонимов и названий улиц центральной части г. Омска» (27 марта 1990), которое нацеливало на реанимацию дореволюционной топонимической системы и переформатирования советской топонимической системы в новую — постсоветскую. Так, согласно этому постановлению, ул. Веры Засулич была переименована (т. е. возвращено старое дореволюционное название) в ул. Ильинскую. Вернулась на карты Омска и ул. Почтовая (1990) [27].

На рубеже эпох подобное произошло и в Томске. В 1990 г. Томску решением правительства РФ был присвоен статус исторического города. Это нашло своё отражение и в топонимической системе города. Некоторым улицам было решено вернуть старые исторические названия. Так, исконное название было возвращено Новособорной пл. Всего же, по данным Г. Н. Стариковой, 66 топонимов из 164 улиц и переулков старого Томска из списка 1915 года к этому времени носили исконные названия [28, с. 15].

В современной уже постсоветской топонимической системе сибирских городов, как показывает опыт Омска и Томска, сохранились остатки всех предшествующих исторических типов наименований внутригородских объектов. Однако при всём сходстве принципов и подходов в создании городских топонимических систем в разных городах Сибири неизбежно обнаруживается их «непохожесть» и уникальность. Таким образом, топонимическая система любого сибирского города представляет собой многослойную историческую память, наполненную множеством символов и смыслов, подчинённых новому прочтению истории и Исторической памяти, построенной на новых идейных основах.

Культурный ландшафт города создаётся человеком как часть культуры, и поэтому человек перекладывает свои свойства на окружающий мир города, в том числе и Историческую память. Главным свойством культурного ландшафта, а значит и его исторической памяти, является их многослойность. Эта многослойность довольно сложное и многогранное явление. С одной стороны, это следствие глобальных и региональных исторических процессов, под влиянием которых формируются различные культурные и материальные «пласты» городской застройки, которые были отмечены целым рядом исследователей — от С. О. Ключевского до Туровского. С другой — отражение цивилизационных, социаль-

ных и этнических структур общества в их исторической динамике, обозначенные в научных трудах от Данилевского и Гумилева до современных антропологов. О влиянии социальной структуры на историческую память весьма точно написала Л. И. Репина: «Содержание коллективной памяти меняется в соответствии с социальным контекстом и практическими приоритетами: для многих групп, как малых, так и больших, переупорядочивание или изменение коллективной памяти в процессе трансмиссии означает постоянное изобретение прошлого, которое бы подходило для настоящего, или, равным образом, изобретение настоящего, которое бы соответствовало прошлому» [29, с. 42].

Историческая память многослойна и противоречива в пространстве любого города, в том числе и сибирского. Это свойство создаёт предпосылки для такого свойства исторической памяти, как вариативный характер её прочтения. Ещё одним из важнейших свойств исторической памяти является её избирательность: здесь играем, здесь не играем, а здесь, извините, пятно. Строительство культурного ландшафта при всей своей «избирательности» и «целенаправленности» сопровождается и отдельными моментами случайности.

Литература и источники

---

1. Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. Изд. 2-е, доп. М. : Наука, 1986. 254 с.
2. Ростовская О. М. Память и амнезия как социокультурные феномены // Материалы докладов 43-й научно-технической конференции преподавателей и студентов. Витебск, 2010. С. 135–137.
3. Коршунов А. М., Шаповалов В. Ф. Творчество и отражение в историческом познании. М. : Изд-во Московского университета, 1984. 192 с.
4. Старикова Г. Н. Томская история в именах // История названий Томских улиц / [Г. Н. Старикова, Л. А. Захарова, Е. В. Иванцова и др.; отв. ред. Г. Н. Старикова]. Томск : Д-Принт, 2012. С. 6–17.
5. Туровский Р. Ф. Культурные ландшафты России. М. : Институт Наследия, 1998. 210 с.
6. Алисов Д. А. Культурный ландшафт города и историческая память: проблемы формирования и разрушения. Культурные ландшафты городов Сибири (аксиология, история, практики) : материалы X Всероссийского научного симпозиума «Проблемы культуры городов России» (Омск, 30 сентября 2020 г.) [Электронное издание] / Под

- ред. Д. А. Алисова, О. В. Петренко. Москва, Омск : Сибирский филиал Института Наследия, 2020. С. 7–17.
7. Российская музейная энциклопедия : В 2 т. М. : Прогресс, 2001. Т. 1. М., 2001. 416 с.
  8. Румянцев О.К. Диалектическая телеология. М. : Российский институт культурологии, 1998. 171 с.
  9. Сведения о деятельности музеев всех ведомств, включая Минкультуры России за 2018 год // АИС «Статистическая отчетность отрасли» ГИВЦ Минкультуры России : сайт. URL: <https://stat.mkrf.ru/indicators/> (дата обращения: 07.10.2019).
  10. Гнедовский М.Б. Проектирование прошлого и музей будущего: метаморфозы проектного подхода в музейном деле // Социальное проектирование в сфере культуры; Прорыв к реальности : сб. науч. тр. / Акад. наук СССР, Науч.-исслед. ин-т культуры ; отв. ред.: канд. филос. наук Д. Б. Дондурей, канд. экон. наук И. В. Жежко. М. : [б. и.], 1990. С. 85–100.
  11. Климов Л.А., Schärer M.R. Die Ausstellung: Theorie und Exempel. München : Verlag Dr. C. Müller-Straten, 2003. 200 S.
  12. Шерер М.Р. Экспозиция: Теория. Мюнхен : Verlag Dr. C. Müller-Straten, 2003. 200 с. // Вопросы музеологии. 2013. № 1. С. 197–206.
  13. Богатырев Е.А. Музей как социокультурный феномен современного российского мегаполиса. СПб., 2011. 25 с.
  14. Карсавин Л.П. Философия истории. СПб. : Комплект, 1993. 350 с.
  15. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М. : Изд-во «Медиум», 1995. 323 с.
  16. Красильникова Е. И. Помнить нельзя забыть? Памятные места и коммеморативные практики в городах Западной Сибири (конец 1919 – середина 1941 г.). Новосибирск, 2015. Новосибирск : Изд-во НГТУ, 2015. 572 с.
  17. Рикёр П. Конфликт интерпретаций: Очерки о герменевтике. М. : Медиум, 1995. 416 с.
  18. Алисов Д.А. Историческая память и советский город: проблемы взаимодействия различных типов культурного ландшафта в одном городе (на примере Омска) // Четвертые Ядринцевские чтения : материалы IV Всероссийской научной конференции, посвящённой 100-летию Революции и Гражданской войны в России (30–31 октября 2017 г.). Омск, 2017. С. 83–87.
  19. Уинтер Д., Николаи Ф.В. Места памяти и тени войны // Вестник Мининского университета. Нижний Новгород : Изд-во НГПУ имени К. Минина (Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина), 2016. № 1–2. С. 9.

20. Смирнова Т.А. Монументы, мнемонические места и конструирование коллективной памяти о Первой мировой войне в Англии // Ярославский педагогический вестник. 2011. Том I (Гуманитарные науки). № 4. С. 98–101.
21. Алисов Д.А. Культурный ландшафт города или некоторые способы фиксации исторической памяти в городской среде // Культурные ландшафты современного города : сборник научных работ [электронное издание] / Под ред. Д.А.Алисова, И.А.Селезневой. М. : Институт Наследия, 2020. С. 4–21.
22. Дмитриева О.О. Историческая память и механизмы ее формирования: анализ историографических концепций в отечественной науке // Вестник Челябинского государственного университета. Серия 1 : История, 2015. № 6 (361). С. 132–137.
23. Демьянов К.В., Рыженко В.Г. Омская топонимия в контексте изучения культурного пространства российского города // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2016. № 4 (12). С. 73–80.
24. Смолицкая Г.П., Горбаневский М.В. Топонимия Москвы. М. : Наука, 1982. 176 с.
25. Подберезкина Л.З., Лукьянова Д.В. Неофициальная урбонимия в коммуникативном пространстве города: опыт контрастивного описания (на материале Красноярска и Новосибирска) // Коммуникативные исследования. 2019. Т. 6. № 1. С. 170–193.
26. Воробьева И.А. Язык земли: О местных географических названиях Западной Сибири. Новосибирск, 1973. 152 с.
27. Улицы города Омска : Справочник / Сост. Г.Ю. Гурьев, Л. И. Огородникова. 2-е изд., испр. и доп. Омск : Изд-во ОмГПУ, 2008. 280 с.
28. История названий Томских улиц / Г.Н. Старикова, Л.А. Захарова, Е.В. Иванцова и др.; отв. ред. Г.Н. Старикова. Томск : Д-Принт, 2012. 368 с.
29. Репина Л.П. Культурная память и проблемы историописания (историографические заметки). Препринт WP6/2003/07. М. : ГУ ВШЭ, 2003. 44 с.

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЁЖИ

В статье на основании проведённого социологического исследования охарактеризованы представления современной молодёжи о Великой Отечественной войне, механизмы формирования у молодого поколения исторической памяти о данном событии. Исследование показало, что большинство молодых людей демонстрирует уважительное отношение к Великой Отечественной войне и понимает необходимость усвоения её уроков, но при этом выявило недостаточность знаний молодёжи о событиях войны.

Ключевые слова: *Великая Отечественная война, историческая память, патриотическое воспитание, молодёжь.*

The article, based on a sociological study, characterizes the ideas of modern youth about the Great Patriotic War, the mechanisms of formation of historical memory of this event among the younger generation. The study showed that the majority of young people demonstrate a respectful attitude towards the Great Patriotic War and understand the need to learn its lessons, but at the same time revealed a lack of knowledge among young people about the events of the war.

Keywords: *Great Patriotic War, historical memory, patriotic education, youth.*

Историческая память общества и личности выступает базисом национальной, социальной, культурной идентичности, основой патриотического и нравственного воспитания, культуры. Академик Д. С. Лихачёв писал в «Письмах о добром и прекрасном»: «Память противостоит уничтожающей силе времени. <...> Подобно тому как личная память человека формирует его совесть, его совестливое отношение к его личным предкам и близким — родным и друзьям, старым друзьям, то есть наиболее верным, с которыми его связывают общие воспоминания, — так историческая память народа формирует нравственный климат, в котором живет народ. <...> Культура человечества — это активная память человечества, активно же введенная в современность. <...> Хранить память, беречь

память — это наш нравственный долг перед самими собой и перед потомками. Память — наше богатство» [1].

Историческая память является одной из важнейших основ патриотического воспитания молодёжи, которое приобретает особенное значение в условиях геополитических вызовов современности, когда развитие патриотизма и гражданственности начинают выступать важными стратегическими приоритетами национальной безопасности страны. Как подчеркнул Президент В. В. Путин: «Любовь к Родине — одна из ключевых основ российской государственности и важнейшая ценность для нашего общества, которая неизменно проявляется в решающие для страны моменты» [2]. Согласно «Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года», одной из приоритетных задач государства и общества сегодня является формирование новых поколений, «готовых к мирному созиданию и защите Родины» [3]. В 2020 г. в Конституции России появилась статья 67.1, в которой говорится: «Российская Федерация чтит память защитников Отечества, обеспечивает защиту исторической правды. Умаление значения подвига народа при защите Отечества не допускается» [4]. С 2021 г. в нашей стране реализуется федеральный проект «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации», в рамках которого большое внимание уделяется популяризации отечественной истории среди молодёжи, вовлечению её в военно-патриотическое движение [5].

Центральное место в военно-патриотическом воспитании современной молодёжи занимает сохранение исторической памяти о Великой Отечественной войне, поскольку именно она в условиях информационных войн современности становится главным объектом фальсификации, направленной на дестабилизацию российского общества, привитие народу чувства вины, подрыв его духа, национальной гордости. В условиях современных политических реалий актуальным и достаточно острым является вопрос о том, как молодое поколение относится к Великой Отечественной войне, Победе, обладает ли оно достаточными знаниями и пониманием для противостояния этим попыткам фальсификации истории войны, пересмотра её результатов. Неслучайно поэтому, что данной теме посвящено большое количество исследований, в основном по результатам социологических опросов, проводимых в разное время в различных городах и регионах нашей страны.

Так, отношение молодёжи к Великой Отечественной войне, рассматривалось в работах М. А. Жигуновой и Т. Н. Золотовой [6], А. К. Долговой, В. С. Кравец [7], Е. М. Захаровой [8], С. А. Воронцова, А. В. Понеделькова [9], Т. В. Хриенко [10], О. А. Куренбиной, Е. В. Прямиковой [11], в коллективной монографии «Спасибо прадеду за Победу... Материалы IV этапа мониторинга «Современное российское студенчество о Великой Отечественной войне» [12] и др. При этом чрезвычайно важным представляется понимание состояния исторической памяти и актуальных настроений молодёжи в условиях стремительного меняющегося мира, динамично развивающейся современной политической ситуации, поляризации общественного сознания, активного информационного воздействия на молодое поколение.

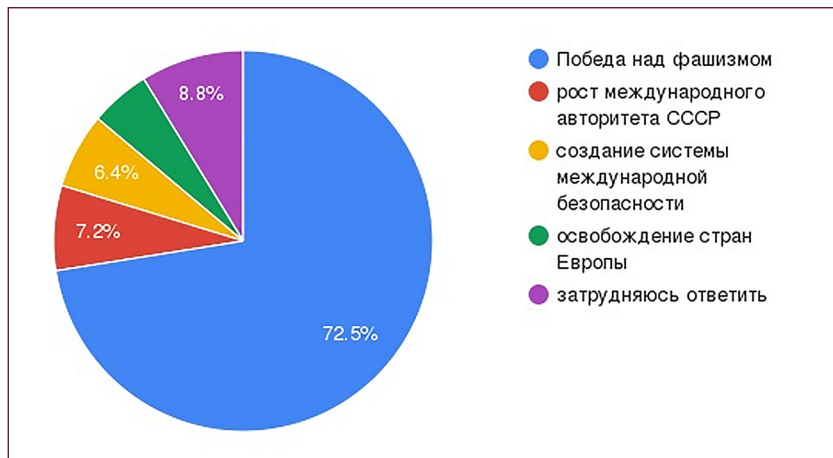
Основу нашего исследования отношения современной молодёжи к Великой Отечественной войне, празднованию Дня Победы составили материалы анкетирования обучающихся омских вузов, проведённого в 2023 г. В анкетировании приняли участие студенты и магистранты омских вузов разной направленности (гуманитарной, естественнонаучной, технической) — Омского государственного университета имени Ф. М. Достоевского, Омского государственного аграрного университета имени П. А. Столыпина, Сибирского государственного автомобильно-дорожного университета. Всего было опрошено 236 человек, из них 151 девушка и 85 юношей, возраст респондентов 17–30 лет.

Первый блок вопросов, содержащихся в анкете, позволил определить отношение молодёжи к Великой Отечественной войне, сохранению исторической памяти об этом столь значимом для нашей страны и народа событии. Подавляющее большинство молодых людей демонстрирует уважительное отношение к исторической памяти о Великой Отечественной войне: осознаёт роль Великой Отечественной войны в истории России (11%) и мира (26,3%), необходимость усвоения её уроков (27,1%), понимает величие подвига нашего народа, победившего фашизм (23,3%), определяет её как значимую часть истории семьи (1,7%). Ряд респондентов (8,1%), однако, выразили нейтральное отношение к войне, обозначив её просто как известный исторический факт и страницу военной истории нашей страны. Единицы опрошенных обучающихся считают, что война — это далёкое неактуальное прошлое, или вообще не задумывались на данную тему.

Рис. 1. Диаграмма «Отношение молодёжи к Великой Отечественной войне»

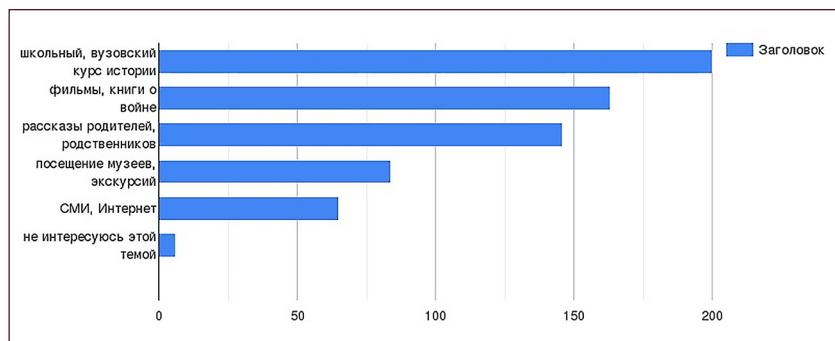
Большинство молодых людей главным итогом Великой Отечественной войны считают победу над фашизмом (72,5%), рост международного авторитета СССР отметили 7,2% опрошенных, создание системы международной безопасности — 6,4%, освобождение стран Европы — 5,1%. Однако следует отметить тот факт, что 8,8% респондентов затруднились с ответом на данный вопрос.

Рис. 2. Диаграмма «Оценка молодёжью главных итогов Великой Отечественной войны»

На наш взгляд, подобная позиция свидетельствует о некотором сомнении части молодёжи в итогах войны и вызывает определенную тревогу. Вероятно, такое сомнение рождается в условиях достаточно агрессивных попыток ряда политических сил фальсифицировать историю, пересмотреть результаты войны, приуменьшить роль нашей страны в победе над фашизмом и внедрить эти идеи в умы молодого поколения. Антипатриотическая позиция ряда средств массовой информации, популяризация переводной литературы ревизионистского характера, конфликт оценок войны в нашей стране, в странах постсоветского пространства и за рубежом, на фоне постоянного сокращения времени, отводимого в учебных заведениях на изучение истории, закономерно порождают сомнения у молодых людей в официальной версии истории войны, вызывают безразличие и отчуждение.

Следующий блок вопросов был направлен на выяснение основных источников и механизмов формирования представлений, исторической памяти современной молодёжи о Великой Отечественной войне. Такими источниками являются, прежде всего, знания, полученные на школьных уроках и вузовских занятиях по истории, образы, формируемые искусством (кинофильмы и книги о войне), личный опыт (рассказы родителей, родственников).

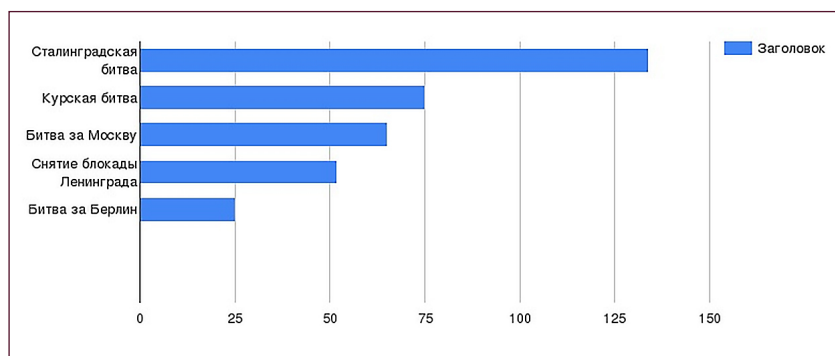

Рис. 3. *Диаграмма «Источники и механизмы формирования представлений молодёжи о Великой Отечественной войне»*

Соответственно, далее студентам был предложен блок вопросов, направленных на выяснение уровня знаний современной молодёжи о событиях и героях Великой Отечественной войны. Согласно самооценке молодёжи, большинство молодых людей

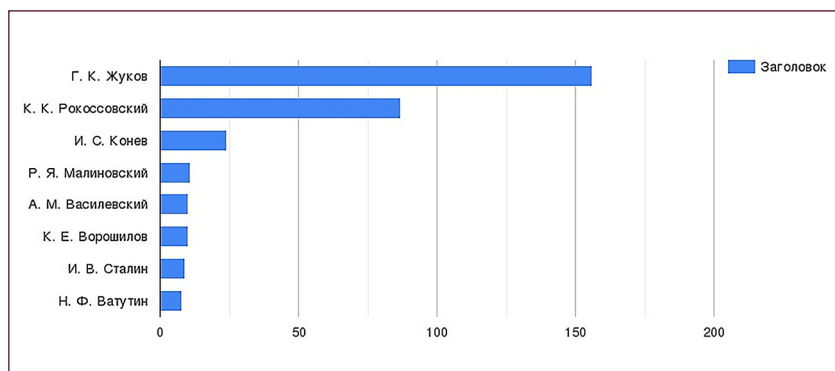
определяют свои знания о войне как средние, то есть респонденты понимают значимость Великой Отечественной войны в истории России, знают основные её этапы и результаты, но при этом точные даты и имена затрудняются назвать. Таким образом, свои знания о войне оценили 71,6 % опрошенных. 19,5 % молодых людей заявили, что они обладают более основательными знаниями о войне, то есть не просто знают основные события, даты и персоналии, связанные с войной, но и владеют информацией об их оценках в научной и популярной литературе. При этом 8,9 % ответили, что знают о войне только то, что такое событие было.

Для оценки знаний молодёжи о войне им было предложено также ответить на открытые вопросы, назвать наиболее известные сражения, полководцев и героев Великой Отечественной войны. Анализ полученных ответов опрошенных показывает, что молодые люди не совсем объективно оценивают свои знания о войне, в значительной степени их преувеличивая. Так, 14 % респондентов не смогли назвать ни одного наиболее значимого сражения Великой Отечественной войны. Это очень печальный факт. Для сравнения отметим, что по данным опроса омской молодёжи 2001 г. только 3 % респондентов не смогли назвать основные сражения Великой Отечественной войны [6, с. 243]. Можно констатировать значительное снижение уровня знаний молодёжи о событиях войны за последние десятилетия. 41 % опрошенных смогли назвать только 1 сражение. Только 45 % респондентов сумели вспомнить 2 и более самых значимых событий Великой Отечественной войны. Чаще всего в ответах респондентов упоминается Сталинградская битва, Курская битва, битва за Москву, снятие блокады Ленинграда и битва за Берлин. Отдельные студенты вспомнили оборону Брестской крепости, форсирование Днепра, Ржевскую битву, оборону Севастополя, Минскую наступательную операцию. Однако в качестве важнейших сражений Великой Отечественной войны студенты называли и Бородинское сражение (видимо, перепутав Великую Отечественную войну и Отечественную войну 1812 г.), высадку в Нормандии (событие Второй мировой войны), операцию «Барбаросса» и даже Нюрнбергский процесс. Один респондент написал, что «их вообще не было, закидали людьми, в большинстве сражений были большие потери», это явно протестный ответ.

Рис. 4. Диаграмма «Главные сражения Великой Отечественной войны (количество упоминаний в ответах респондентов)»

Весьма слабыми являются и знания молодых людей о выдающихся полководцах, военачальниках Великой Отечественной войны. Так, 25 % опрошенных не смогли назвать ни одного полководца Великой Отечественной войны. 66 % опрошенных назвали имя Г. К. Жукова (для сравнения: в 2001 г. таковых насчитывалось 92 %). Среди наиболее упоминаемых военачальников можно отметить К. Рокоссовского, И. С. Конева, Р. Я. Малиновского, К. Е. Ворошилова, А. М. Василевского, И. В. Сталина, Н. Ф. Ватутина. Отдельные студенты назвали имена С. К. Тимошенко, Ф. И. Толбухина, И. Х. Баграмяна, В. И. Чуйкова, К. А. Мерецкова, И. Д. Черняховского, Е. М. Белецкого, Л. А. Говорова, А. И. Ере-

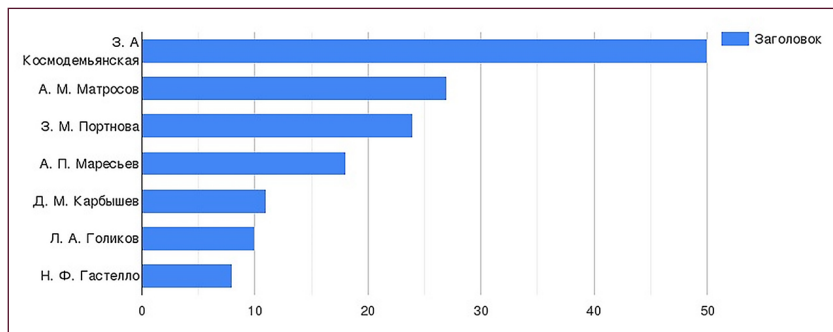

Рис. 5. Диаграмма «Выдающиеся полководцы Великой Отечественной войны (количество упоминаний в ответах респондентов)»

менко, С. М. Буденного, И. Р. Апанасенко. Ошибочно респондентами к числу полководцев Великой Отечественной войны были отнесены полководец Отечественной войны 1812 г. П. И. Багратион, военачальник времен Северной войны Б. П. Шереметев, нарком иностранных дел В. М. Молотов, советский и российский космонавт Т. А. Мусабаев, герои войны, но не полководцы, лётчики И. Н. Кожедуб и М. И. Долина, военный инженер Д. М. Карбышев.

На вопрос анкеты о героях Великой Отечественной войны не смогли ответить 27% опрошенных. Ответившие респонденты чаще всего называли З. А. Космодемьянскую, А. М. Матросова, З. М. Портнова, А. П. Маресьева, М. Карбышева, Л. А. Голикова, Н. Ф. Гастелло. Отдельные студенты назвали героев «Молодой Гвардии», 28 панфиловцев, М. В. Кантария, А. И. Покрышкина, В. В. Талалихина, Л. М. Павличенко. Были упомянуты герои, чьими именами названы улицы Омска — Е. И. Чайкина, В. С. Бархатова, П. Е. Осминин, А. Ф. Романенко, Н. П. Бударин, С. И. Ермолаев, Ф. А. Комков, А. П. Дмитриев. На наш взгляд, это свидетельствует о значительной и важной роли топонимии в формировании исторической памяти молодёжи. На многих улицах есть памятные доски в честь героев войны, памятные знаки. Проживая на этих улицах, проходя мимо, молодые люди, так или иначе, обращают на них внимание, запоминают героев, в честь которых названы улицы города. Однако были среди ответов респондентов и ошибочные. Среди героев войны названы полководец Отечественной войны 1812 г. М. И. Кутузов, революционерка-народница В. И. Засулич, первая женщина-космонавт В. В. Терешкова.

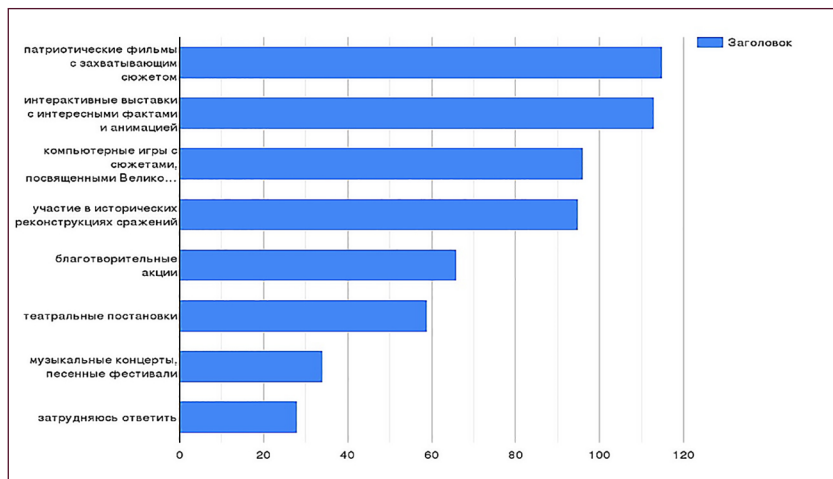
Рис. 6. Диаграмма «Герои Великой Отечественной войны (количество упоминаний в ответах респондентов)»

Анализ опроса показывает, что около 30 % молодёжи не имеет самых элементарных знаний о Великой Отечественной войне. При этом следует учитывать то обстоятельство, что речь идёт о студенчестве, которое в условиях современной актуальности патриотической повестки является объектом достаточно активного влияния как образовательного (все студенты изучают в вузах историю и другие гуманитарные дисциплины), так и воспитательного (в вузах проводятся множество различных мероприятий, посвящённых Великой Отечественной войне (Диктант Победы, акции «Без срока давности», «Знамя Победы», «Блокадный хлеб», «Свеча Памяти» и многие другие). Можно сделать вывод о том, что современная система образования как один из механизмов формирования исторической памяти о Великой Отечественной войне работает недостаточно эффективно. Около половины опрошенных (48,7 %) согласилась с тем, что в учебных заведениях нужно больше внимания уделять изучению Великой Отечественной войны, так как эта тема в рамках образовательного процесса изучалась слабо.

Важным механизмом формирования представлений о Великой Отечественной войне всегда являлось искусство (кинофильмы, художественная литература). Не случайно, что для современной молодёжи, поколения визуалов, активно живущих в медийном пространстве, кинематограф, согласно опросу, является вторым по значимости источником знаний и представлений о войне, её событиях и героях, каналом, формирующим особое эмоциональное, образное восприятие войны. Большинство (74 %) молодых людей смотрят военные фильмы. Почти 39 % опрошенных ответили, что любят различные фильмы о войне и смотрят их достаточно часто, 25 % предпочитают советские фильмы, 12 % — современные. 24 % респондентов, однако, не интересуются военным кино, многие мотивировали это тем, что эти фильмы эмоционально тяжёлые и вызывают грустные чувства.

Молодёжь, судя по данным опроса, с интересом посещает музейные экспозиции, выставки, посвящённые Великой Отечественной войне, если бывает такая возможность (71 % опрошенных). 20 % посещают подобные мероприятия в рамках образовательного процесса, при поощрении баллами, оценками. При этом 9 % респондентов заявили, что музеи и выставки на военную тематику им неинтересны.

В анкете студентам был предложен вопрос о том, какие культурные мероприятия, проекты могли бы привлечь внимание молодёжи к истории Великой Отечественной войны. Согласно ответам молодых людей, наибольший интерес у них вызывают патриотические фильмы с захватывающим сюжетом, интерактивные выставки с интересными фактами и анимацией, компьютерные игры с военными сюжетами, участие в исторических реконструкциях.

Рис. 7. Диаграмма «Культурные мероприятия, посвящённые Великой Отечественной войне, интересные современной молодёжи (количество выборов респондентов)»

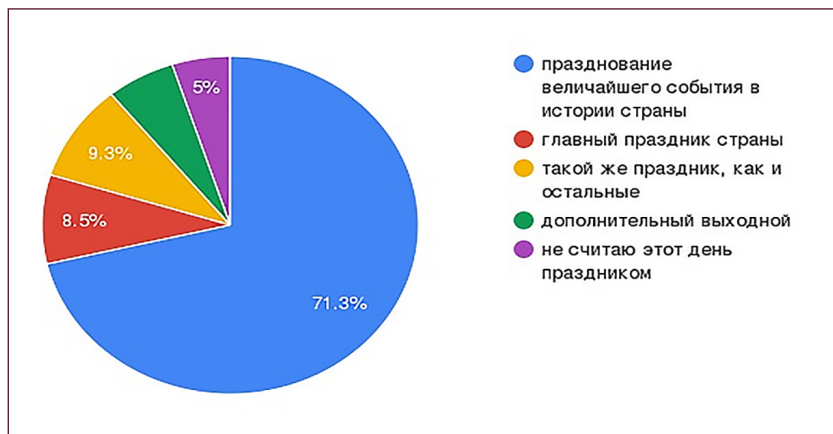
По-прежнему значимым каналом формирования отношения к Великой Отечественной войне, памяти о ней, является семья. В 2023 г. ВЦИОМ провёл опрос россиян о праздновании Дня Победы и в том числе о сохранении семейной памяти о Великой Отечественной войне. Большинство респондентов (89%) заявили о том, что их родственники принимали участие в войне, причём 39% опрошенных получили эти знания из непосредственных рассказов близких и семейных архивов. Лучше всего военную историю семьи знают россияне 45–59 лет (44%) и 60 лет и старше (50%), то есть это дети и внуки поколения непосредственных участников войны, среди молодёжи таковых насчитывается 26% [13].

Конечно, с каждым годом всё меньше и меньше остаётся ветеранов, людей, переживших войну, современные молодые люди уже

практически не имеют опыта личного общения с ними. Но родители современной молодёжи — это внуки поколения войны, которые были воспитаны бабушками и дедушками, прошедшими через войну, советской школой, где тема войны, героики, подвига народа была в фокусе постоянного внимания, как в учебном процессе, так и во внеклассной работе. Война затронула почти каждую семью, каждый советский человек воспринимал её очень лично, и сейчас этот индивидуальный, частный опыт восприятия войны, прошедший, безусловно, через институциональное оформление и закрепление, внуки военного поколения продолжают передавать своим детям, формируя память о войне. По крайней мере, 62 % опрошенных нами студентов ответили, что свои первые знания и представления о войне они получили благодаря рассказам родителей, родственников (для сравнения: в 2001 г. — 70 %). Среди респондентов 75,4 % молодёжи знают, что в их семьях были участники войны, ещё 12,3 % опрошенных заявили, что пытались искать информацию о своих предках, об их участии в войне, но не смогли найти, только 3,4 % молодых людей не интересовались данным вопросом. Эффективным способом связи поколений, оказывающим стимулирующее влияние на поиск информации о своих родственниках, увековечивание памяти о них, формирование чувства личной причастности событиям войны стало общероссийское историко-патриотическое движение «Бессмертный полк». Среди опрошенных нами молодых людей доля участников шествий «Бессмертного полка» составляет 41 %. Знание большинства молодых людей о родных — участниках войны, стремление узнать о своих родственниках-героях демонстрирует, что Великая Отечественная война для большинства молодёжи всё-таки не абстрактное историческое событие, а актуальный феномен их исторической памяти, транслирующий соответствующие ценности и смыслы.

Главным коммеморативным событием, связанным с сохранением и трансляцией исторической памяти о Великой Отечественной войне, является, безусловно, празднование Дня Победы — 9 Мая. Победа является символом единства нации, одной из опор формирования идентичности россиян, основой национального самосознания современного общества [14, с. 52]. По данным опроса ВЦИОМ 2023 г., 65 % россиян считают День Победы самым важным праздником, причём подобная тенденция прослеживается с 2018 г. [13].

Проведённый нами опрос показал, что большинство молодых людей понимают значимость празднования Дня Победы как важнейшего исторического события в истории нашей страны (76,3%), а 8,5% молодёжи считает День Победы главным праздником страны. Большинство молодых людей (около 80% опрошенных) уверены, что День Победы будет праздноваться и через 50 лет. Однако достаточно большая доля опрошенных (20,2%) не выделяют День Победы из других праздников или вообще не считают его праздником.

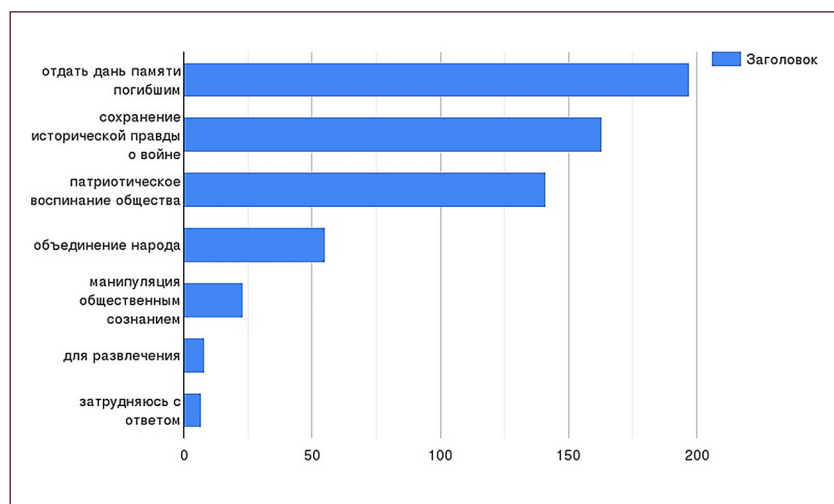

Рис. 8. Диаграмма «Отношение молодёжи к празднованию Дня Победы»

В эмоциональном отношении к празднику Победы среди молодёжи преобладает чувство гордости за народ, победивший фашизм (43,6%), а также горечь и сожаление от понесённых потерь, количества жертв (40,2%). При этом значительная доля опрошенных (16,2%) не испытывает никаких особых чувств ко Дню Победы, а некоторых из них даже раздражает шумиха вокруг этой даты.

Среди целей празднования Дня Победы молодёжь выделила, прежде всего, те, которые связаны с сохранением исторической памяти об этом важнейшем событии в нашей истории: дань памяти погибшим и борьба с фальсификацией истории войны. Также многие понимают роль празднования Дня Победы в патриотическом воспитании и единении общества. Однако немалая доля респондентов считает, что данный праздник используется для

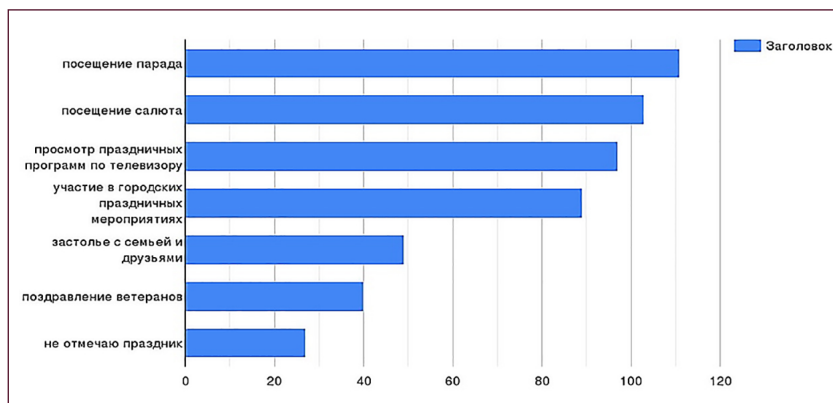
манипуляции общественным сознанием (9,7 %) или существует для развлечения (3,4 %).

Рис. 9. *Диаграмма «Цели празднования Дня Победы (количество выборов респондентов)»*

Анализ данных опроса показал, что большинство молодых людей достаточно активно участвуют в различных традиционных коммеморативных мероприятиях, приуроченных ко Дню Победы. Главные формы празднования молодёжью Дня Победы традиционны: посещение военного парада, салюта, участие в городских праздничных гуляниях, различных мероприятиях, просмотр по телевизору парада, военных фильмов и концертов, застолье, поздравление ветеранов. Достаточно прочно укоренилась среди молодёжи традиция носить Георгиевскую ленточку как один из символов Победы. 57 % опрошенных всегда носят её в День Победы, 49 % молодых людей поздравляют с Днём Победы родных и близких, 24 % — поздравляют ветеранов на параде, праздничных мероприятиях в качестве общественного поручения. Около 36 % студентов участвовали в различной волонтерской работе, связанной с празднованием Дня Победы: состояли в группах помощи ветеранам, участвовали в приведении в порядок воинских захоронений и памятников, организовывали праздничные мероприятия в учебном заведении, принимали участие в поисковой работе.

Однако среди молодых людей есть и такие, которые вообще никак не отмечают День Победы, их насчитывается 11,4 %.

Рис. 10. *Диаграмма «Формы празднования молодёжью Дня Победы»*

Таким образом, проведённое исследование показало, что в целом современная молодёжь в большинстве своём является носителем фундаментальных ценностей, связанных с Великой Отечественной войной, традиционных для нашего общества. Это гордость за свою страну, победившую фашизм, уважение к подвигу народа и памяти погибших. С постепенным уходом коммуникативной памяти о Великой Отечественной войне (неформальной, содержащей индивидуальный исторический опыт, возникающей во взаимодействии, общении), носителями которой выступают примерно 3–4 поколения, её место постепенно занимает культурная память (ритуализированная, символическая) [15, с. 58]. Её формирует художественная культура, различные коммеморативные практики. Поэтому память молодёжи о войне в основном носит образный характер, налицо недостаток рациональных, научных знаний о военных событиях и героях. Исследование также выявило, что порядка 10–20 % опрошенной молодёжи либо равнодушно относятся к сохранению памяти о Великой Отечественной войне, либо даже имеют протестные настроения по данному вопросу. Всё это в условиях современных «войн за умы» молодого поколения является очень тревожным симптомом. Можно выразить надежду, что ситуация будет постепенно меняться к лучшему благодаря принятию в 2023 г. новой «Концепции преподавания истории

России для неисторических специальностей и направлений подготовки, реализуемых в образовательных организациях высшего образования», увеличению часов, отводимых на преподавания этой дисциплины, введению нового курса «Основы российской государственности».

Литература и источники

---

1. *Лихачёв Д. С.* Письма о добром и прекрасном // Культура.РФ. 2012–2023 : сайт. URL: <https://www.culture.ru/materials/51666/pisma-o-dobrom-i-prekrasnom> (дата обращения: 4.09.2023).
2. Встреча с Советом законодателей // Официальный сайт Президента России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/68297> (дата обращения: 4.09.2023).
3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/95c44edbe33a9a2c1d5b4030c70b6e046060b0e8/ (дата обращения: 4.09.2023).
4. Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года // КонсультантПлюс : сайт. URL: <http://council.gov.ru/media/files/41d536d68ee9fec15756.pdf> (дата обращения: 5.09.2023).
5. Федеральный проект «Патриотическое воспитание» // Минпросвещения России : официальный интернет-ресурс. URL: <https://edu.gov.ru/national-project/projects/patriot/> (дата обращения: 5.09.2023).
6. *Жигунова М. А., Золотова Т. Н.* Народный праздник День Победы и отношение к нему молодежи // Сибирь: вклад в победу в Великой Отечественной войне. Омск : ОмГПУ, 2001. С. 238–245.
7. *Долгова А. К., Кравец В. С.* Отношение современной молодежи к попыткам фальсификации истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Общество и цивилизация. 2015. Т. 3. С. 35–43.
8. *Захарова Е. М.* Патриотизм и отношение к Великой Отечественной войне: социологический опрос молодежи // Электронный научный журнал. 2016. № 4. С. 447–450.
9. *Воронцов С. А., Понделков А. В.* Об отношении российской молодежи к Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. // Власть. 2020. Том 28. № 3. С. 92–98.
10. *Хриенко Т. В.* Великая Отечественная война в оценках молодежи Крыма (опыт социологического исследования) // Учёные записки

- Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. 2020. № 2. С. 116–124.
11. Прямикова Е. В., Куренбина О. А. Великая Отечественная война в памяти студентов УРГПУ // Вопросы всеобщей истории. 2020. № 23. С. 371–379.
  12. Спасибо прадеду за Победу... Материалы IV этапа мониторинга «Современное российское студенчество о Великой Отечественной войне» : коллективная монография / Под общ. ред. Ю. Р. Вишневого : Мин-во науки и высшего образования РФ. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2020. 352 с.
  13. ВЦИОМ. Новости: День Победы – 2023 // ВЦИОМ : сайт. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/den-pobedy-2023> (дата обращения: 5.09.2023).
  14. Золотова Т. Н. Юбилей Великой Победы: традиции и новации в праздновании, динамика общественного сознания // Традиционная культура. 2021. Т. 22. № 2. С. 40–55.
  15. Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Пер. с нем. М. М. Сокольской. М. : Языки славянской культуры, 2004. 368 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Алисов Дмитрий Андреевич — доктор исторических наук, доцент, начальник отдела изучения городской среды и населения в условиях модернизации Сибирского филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва (Омск). Специалист по проблемам отечественной истории, истории культуры городов Западной Сибири, истории Великой Отечественной войны. Чл.-корр. Академии гуманитарных наук России. *Сфера научных интересов:* историческая урбанистика и культура городов России; культурные ландшафты городов Сибири; историческая память и проблемы борьбы с фальсификациями истории России.

Гефнер Ольга Викторовна — кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела изучения городской среды и населения в условиях модернизации Сибирского филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва (Омск), доцент Омского государственного аграрного университета имени П. А. Столыпина. *Сфера научных интересов* — история русской армии, история и культурный ландшафт городов Западной Сибири, философия войны, историческая память и патриотическое воспитание.

Горелова Юлия Робертовна — кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела изучения городской среды и населения в условиях модернизации, учёный секретарь Сибирского филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва (Омск). *Сфера научных интересов* — образ города, культурная среда города.

Петренко Ольга Владимировна — кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела изучения городской среды и населения в условиях модернизации Сибирского филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва (Омск). *Сфера научных интересов* — отечественная история, история культуры,

городоведение, историография, интеллектуальная и персональная история, культурное наследие.

Хилько Николай Федорович — доктор педагогических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела изучения городской среды и населения в условиях модернизации Сибирского филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва (Омск), профессор факультета культуры и искусств ОмГУ имени Ф. М. Достоевского. *Сфера научных интересов* — медиасреда, городская инфраструктура культуры, творческий потенциал городской среды, субкультура молодёжи, фото-, кино-, видеолубительство.

Научное издание

**КУЛЬТУРНАЯ СРЕДА СОВРЕМЕННОГО ГОРОДА:
ПРОБЛЕМНЫЕ ЗОНЫ
И РЕСУРСНЫЕ ТОЧКИ РАЗВИТИЯ**

Корректурa: *И. А. Птицын*
Компьютерная верстка: *О. В. Ключенкова*

Российский научно-исследовательский институт культурного
и природного наследия имени Д. С. Лихачёва

129366, Москва, ул. Космонавтов, 2
E-mail: info@heritage-institute.ru

*В оформлении обложки использована работа
художника С. В. Демиденко «К рождеству» (2012)*